

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Природная рента и экономический рост

**Экономическое и институциональное развитие
в странах с высокой долей доходов от экспорта
сырьевых ресурсов. Анализ и рекомендации
на основе международного опыта**

Доклад, подготовленный для Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (РАНХиГС)

Автор – Петр Казначеев,
доцент РАНХиГС со специализацией
на исследовании ресурсной и энергетической экономики

Декабрь 2013 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
РАЗДЕЛ 1. Вызовы	
Экономические и институциональные характеристики стран с высокой долей экспорта сырьевых ресурсов	
1.1. Гипотеза о «сырьевом проклятии». За и против	5
• Краткий обзор основных научных исследований по теме. Важнейшие концепции и точки зрения в дискуссии о роли природной ренты	
• «Сырьевое проклятие» против институционалистского подхода	
1.2. Экономические последствия опоры на природные ресурсы	11
• «Голландская болезнь» и эффект вытеснения. Падение производства в несырьевых промышленных секторах	
• Экономическое воздействие колебаний цен на сырье	
1.3. Институциональные последствия опоры на природные ресурсы	19
• Присвоение ренты, коррупция и элиты в странах с сырьевой экономикой	
• Производители и «хапуги». Присвоение ренты и экономический рост	
<i>Иллюстрации к разделу 1</i>	27
РАЗДЕЛ 2. Экономическая политика	
Сравнительный анализ экономических моделей и основополагающих практических мер в странах с сырьевой экономикой	
2.1. Экономическая свобода	32
• Почему экономическая свобода важна и как она оценивается	
• Влияние экономической свободы на рост и развитие в странах, богатых полезными ископаемыми	
2.2. Доля и роль государства	37
• Основные разновидности государственного участия в экономике и их последствия. Влияние доли государственной собственности в добывающих отраслях на функционирование экономики в целом	
• Тратить или не тратить? Стабилизационные фонды, диверсификация и государственные инвестиции в странах с сырьевой экономикой	
2.3. Инновации и мобильность трудовых ресурсов	48
• Роль инноваций в добывающих отраслях. Сланцевая революция и появление новых центров добычи (Канада, США, Австралия)	
• Влияние природной ренты на рынок труда. Различные подходы к иммиграционной политике в странах с сырьевой экономикой	
<i>Иллюстрации к разделу 2</i>	55
РАЗДЕЛ 3. Опыт	
Пять стран – экспортеров сырья, сумевших добиться высокого уровня экономического роста и социального развития	60
• Австралия	
• Канада	
• Малайзия	
• Норвегия	
• Чили	
<i>Иллюстрации к разделу 3</i>	71
РАЗДЕЛ 4. Выводы и рекомендации	
4.1. Краткий обзор основных выводов доклада	75
4.2. Что из этого может пригодиться России. Пять практических примеров того, как международный опыт мог бы быть применен к российской ситуации	79
• Двухуровневое повышение эффективности	
• Нефтяной налог на прибыль	
• Сырьевые особые экономические зоны	
• Сжиженный природный газ	
• Национальный нефтяной дивиденд	
Список литературы	86
Приложение	98
Об издании	101
Об авторе доклада. Благодарность. Контактная информация	102

ВВЕДЕНИЕ

«Сырьевое проклятие», «голландская болезнь», «золотая лихорадка», «алмазы на крови» – вот лишь некоторые из эпитетов, употребляемых, когда речь заходит о роли природных ресурсов в экономическом развитии. Конечно, они не задают позитивный тон для конструктивного обсуждения данной темы. Цель доклада – изменить подобное отношение и заложить фундамент для создания дорожной карты, основанной на примерах успешного экономического развития стран, богатых полезными ископаемыми. В докладе выдвигается следующий основной тезис: сырьевые страны с более качественными экономическими и политическими институтами способны лучше распоряжаться доходами от экспорта природных ресурсов и добиваться более высоких результатов в области экономического роста и социального развития.

Для обоснования этого тезиса мы привлекаем эмпирические данные и анализируем имеющиеся на сегодняшний день актуальные научные исследования по этой теме. Мы сравниваем экономические показатели сырьевых стран в разных регионах мира на основе их институциональных рейтингов, структуры собственности в добывающих отраслях и других важнейших параметров.

В первом разделе доклада мы даем краткий обзор основных исследований, посвященных странам, богатым полезными ископаемыми. Мы сравниваем различные подходы к таким проблемам, как «голландская болезнь» и влияние нестабильности сырьевых цен. Мы демонстрируем, что страны – экспортеры полезных ископаемых отнюдь не обречены на экономическую стагнацию, и формулируем альтернативу гипотезе о «сырьевом проклятии», подчеркивая позитивную роль верховенства закона и гарантированных прав собственности, а также негативное влияние присвоения ренты, представляющего собой одно из главных препятствий на пути развития стран, богатых природными ресурсами.

Второй раздел посвящен основным практическим дилеммам, стоящим перед странами с сырьевой экономикой. Мы рассматриваем такие важные аспекты, как институциональный климат, доля государства в нефтяных компаниях, деятельность стабилизационных фондов и государственные инвестиции, инновации и миграционная политика. Мы также предлагаем подумать о некоторых альтернативных решениях в экономической политике на долгосрочную перспективу, например о введении Национального нефтяного дивиденда – по образцу того ежегодного дивиденда, что выплачивается из Постоянного фонда Аляски каждому жителю штата.

В третьем разделе мы анализируем и сравниваем опыт пяти стран, богатых полезными ископаемыми: Австралии, Канады, Малайзии, Норвегии и Чили. Мы выявляем конкретные меры, позволившие им добиться динамичного роста и повысить уровень социального развития по сравнению с другими государствами, сопоставимыми по наличию ресурсов и стартовым условиям.

В последнем разделе мы подводим итоги и предлагаем пять практических шагов на основе международного опыта, направленных на повышение эффективности российского сырьевого сектора и ускорение темпов экономического роста: двухуровневое повышение эффективности; поэтапный переход к нефтяному налогу на прибыль; диверсификацию экспорта природного газа; создание сырьевых особых экономических зон и введение Национального нефтяного дивиденда.

Вкратце основные выводы данного доклада выглядят так:

- Сами по себе природные ресурсы не являются первопричиной проблем, с которыми сталкиваются страны с сырьевой экономикой. Наши исследования показывают, что в странах, получающих значительную часть доходов от экспорта полезных ископаемых, можно построить современную процветающую экономику.
 - В сырьевых странах с большей экономической свободой выше реальные доходы на душу населения, показатели развития человеческого потенциала, средняя продолжительность жизни, уровень инвестиций и гражданских прав. Высокая степень экономической свободы коррелирует с более низким уровнем преступности, коррупции и неграмотности.
 - Страна – экспортер полезных ископаемых способна ликвидировать отставание в экономическом развитии, если она повысит уровень экономической свободы и институционального развития. Даже сравнительно небольшое улучшение в этой области дает позитивные и довольно значительные результаты.
 - В странах с сырьевой экономикой присвоение ренты — одно из главных препятствий на пути экономического роста и социального развития. Именно на сырьевые экономики это явление оказывает наиболее сильное воздействие, приводя к слабости институтов.
 - И «голландская болезнь», и воздействие колебаний цен на сырье представляют собой в первую очередь институциональные, а не экономические проблемы. Они создают затруднения при конкретных обстоятельствах, как правило, связанных с отсутствием сильных и прозрачных институтов.
 - Инновации являются одной из главных движущих сил роста и социального развития. Сланцевая революция по сути представляет собой инновационный прорыв высшего разряда, развеявший распространенное, но предвзятое мнение о недостаточной инновационности добывающей промышленности.
 - В целом частные компании, как правило, имеют лучшие показатели, чем государственные: средний доход на баррель у девяти крупнейших частных нефтяных компаний в два с лишним раза выше, чем у девяти крупнейших государственных нефтяных корпораций.
 - При определенных условиях и грамотной политике некоторые государственные корпорации добиваются впечатляющих результатов (например, норвежская «Статойл» или малазийская «Петронас»). Здесь важна структурная организация конкретной компании и особенно общая институциональная среда, в которой она действует.
 - Расширение участия государства в сырьевых экономиках не приводит к ускорению роста. В целом оно дает негативный результат: вытесняет частные инвестиции, подпитывает присвоение ренты и коррупцию, снижает общую производительность труда в экономике.
-

РАЗДЕЛ 1. Вызовы

Экономические и институциональные характеристики стран с высокой долей экспорта природных ресурсов

1.1. Гипотеза о «сырьевом проклятии». За и против

Краткий обзор основных научных исследований по теме. Важнейшие концепции и точки зрения в дискуссии о роли природной ренты

Фраза «империя, над которой никогда не заходит солнце» первоначально относилась к гигантской державе короля Испании Филиппа II в XVI веке. За его почти полувековое царствование владения Испании распространились на все известные тогда континенты – ни одна европейская империя прежде не была столь обширна. Находясь в зените политического могущества, Испания получала, как выразились бы современные экономисты, огромные «непредвиденные доходы». Ко двору Филиппа II стекалось золото, серебро и драгоценные камни из колоний в Новом Свете. Тем не менее Филипп Благоразумный (как это ни удивительно, в Испании за ним по сей день сохранилось это прозвище) за годы правления четырежды доводил государство до банкротства из-за собственной расточительности. Рассчитывая на приток драгоценных металлов и камней из-за океана, он брал все более крупные займы под такие огромные проценты, что даже богатства колоний не позволяли их выплачивать. В результате империя Филиппа II стала самым известным примером того, как страна может пасть жертвой зависимости от природных ресурсов.

Хотя некоторые ученые еще со времен короля Филиппа с подозрением относились к роли природных богатств в экономическом развитии, серьезное изучение негативных последствий сырьевой зависимости на-

чалось лишь в конце XX столетия. Одна из причин этого, возможно, связана с тем, что простой здравый смысл подсказывает нам: имеющиеся у страны природные ресурсы должны позитивно влиять на экономический рост. Так, ряд авторов (см., напр., Mikesell, 1997; Kronenberg, 2004) утверждают: именно сырьевые ресурсы – особенно уголь в качестве источника энергии – стали одной из главных движущих сил промышленной революции.

Первым значительным систематическим исследованием экономических проблем, связанных с природными ресурсами, стала работа Сакса и Уорнера (см. Sachs and Warner, 1995) под названием «Изобилие природных ресурсов и экономический рост» (Natural Resource Abundance and Economic Growth). Этот труд заложил фундамент гипотезы, позднее получившей известность под названием «сырьевого проклятия». Главный вывод авторов заключался в том, что темпы роста экономик с высокой долей экспорта сырья в ВВП за двадцатилетний период с 1970 по 1990 год оказались ниже среднего общемирового показателя. Даже с учетом ряда переменных, которые, как считается, положительно коррелируют с экономическим развитием, негативное соотношение между ростом и сырьевой зависимостью все же сохранялось. Ученые также установили, что снижение доли сырьевого экспорта в объеме ВВП на 10 % приводит к повышению темпов экономического роста на 1 процентный пункт. Чтобы проверить достоверность этих выводов, ряд экономистов провели аналогичный анализ. Так, Сала-и-Мартин в своей работе с несколько провокационным названием «Я только что выполнил два миллиона регрессий» (I Just Ran Two Million Regressions) подтвердил тезисы Сакса и Уорнера (Sala-i-Martin, 1997). Сала-и-Мартин выявил 22 переменные, оказывающие статистически значимое влияние на экономический рост, и природные ресурсы оказались среди тех факторов, что воздействуют на него негативно.

За время после публикации труда Сакса и Уорнера, развитие научных и аналитических подходов к вопросу о природных богатствах прошло через несколько этапов. **В девяностых большинство экономистов, казалось, пришли к единому мнению: «сырьевое проклятие» действительно существует.** Само это понятие ввел в оборот Ричард Оти (Auty, 1993) – экономист, специализирующийся на проблемах влияния природных ресурсов на экономическое развитие. Но простого утверждения, что полезные ископаемые негативно сказываются на росте, было недостаточно. Этот тезис надо было обосновать. Поэтому появилось несколько концепций, де-

В девяностых большинство экономистов, казалось, пришли к единому мнению: «сырьевое проклятие» действительно существует.

лающих акцент на различных каналах, через которые ресурсная зависимость препятствует росту. В первых объяснениях внимание сосредоточивалось на экономических каналах. Сакс и Уорнер пришли к выводу, что речь идет об эффекте «голландской болезни», которую экономисты изучают с 1970-х го-

дов (см. McKinnon, 1976; Corden and Neary, 1982; Van Wijnbergen, 1984; Auty, 1994b; Gylfason et al., 1997). Однако в 2000-х группа авторов (оставаясь в рамках концепции экономических каналов) занялась исследованием влияния нестабильности сырьевых цен на рост и развитие. В публикациях Кавальканти с соавторами (Cavalcanti et al., 2009 и 2011), ван дер Плега и Пульхекке (van der Ploeg and Poelhekke, 2010), Леонга и Мохаддеса (Leong and Mohaddes, 2010) демонстрировалось негативное воздействие этого фактора.

В последние годы в результате более строгого эконометрического анализа с использованием новых, расширенных массивов данных гипотеза о «сырьевом проклятии» начала вызывать сомнения.

Однако **в последние годы в результате более строгого эконометрического анализа с использованием новых, расширенных массивов данных гипотеза о «сырьевом проклятии» начала вызывать сомнения.** Несколько ученых пришли к иным выводам относительно воздействия природных богатств. Во-первых, появились сомнения по поводу конкретного периода, выбранного Саксом и Уорнером для своего исследования. Манцано и Ригобон из Национального бюро экономических исследований опубликовали доклад (Manzano and Rigobon, 2001), где утверждалось, что на исторический период, изученный Саксом и Уорнером, пришлось значительное падение цен на сырье, начавшееся в 1980 году и продлившееся 20 лет (это время порой называют нефтяным пресыщением восьмидесятых). Это снижение цен и могло оказать отрицательное воздействие на экономический рост. Более того, авторы утверждали: высокие цены на сырье, существовавшие в 1970-х, позволили правительствам стран – экспортеров полезных ископаемых без оглядки набирать кредиты, что породило избыточную задолженность, которая в свою очередь способствовала еще большему замедлению роста. С поправкой на эти факторы влияние «сырьевого проклятия» уже не прослеживалось.

Двое экономистов из Всемирного банка – Ледерман и Мэлони (см. Lederman and Maloney, 2007, 2008) – усомнились в целесообразности самой попытки делать обобщающие выводы о влиянии природных богатств на рост и развитие. Они предположили, что некоторые индикаторы, использованные в предыдущих исследованиях, возможно, не связаны со степенью наделенности страны природными богатствами. В рамках их анализа после учета фиксированных эффектов негативное воздействие ресурсов исчезло: это позволяло предположить, что на результат влияет не сам фактор природных ресурсов, а его корреляция с определенными ненаблюдаемыми характеристиками страны. Поэтому авторы пришли к выводу, что экономисты пытаются делать обобщения относительно последствий изобилия природных ресурсов, не выяснив точно, какая именно характеристика негативно влияет на рост. Ряд других ученых рассмотрели более обширные массивы данных за более длительные периоды

времени и либо совсем не обнаружили воздействия природных ресурсов на рост (Stijns, 2005), либо сочли его крайне слабым.

Сомнения относительно прямого экономического влияния изобилия ресурсов побудили ряд авторов к поискам скрытого канала, через который природные богатства могут воздействовать на развитие. В макроэкономических гипотезах акцент делался на таких проблемах, как «голландская болезнь» и нестабильность цен, но возник и альтернативный подход, в рамках которого главным фактором, препятствующим росту в странах, богатых полезными ископаемыми, считаются институциональные изъяны. Необходимо, однако, отметить различия между двумя течениями, сформировавшимися внутри этого институционального подхода. Первое выросло из гипотезы о «сырьевом проклятии»: его представители считают, что изобилие природных ресурсов становится причиной деградации институтов и коррупции в рядах правящей элиты, что в свою очередь оборачивается негативными последствиями для роста и развития. По сути, «сырьевое проклятие» здесь превращается в «институциональное проклятие». Другое течение – институционализм – также делает акцент на институтах, но причинно-следственная связь формулируется противоположным образом: страны, богатые природными ресурсами, не обречены на институциональные изъяны, а наоборот, сама слабость

Ресурсная экономика и рост: основные интерпретации и течения

институтов становится причиной замедления роста и развития. Чтобы нагляднее представить различные подходы к проблеме сырьевой экономики, мы составили схему, изображенную ниже. В следующей главе мы рассмотрим различия в институционалистских подходах к вопросам развития, подпитываемого природными ресурсами.

«Сырьевое проклятие» против институционалистского подхода

Институционалистский подход обладает определенными преимуществами в научном и практическом плане. Он позволяет глубже заглянуть в корень проблемы и обеспечивает более эффективную основу для долгосрочных практических мер.

Два течения – гипотеза о «сырьевом проклятии» с акцентом на институциональном канале этого злого рока и институционализм, где главной проблемой считаются слабые институты, – имеют между собой много общего. Оба подчеркивают ключевую роль институтов. Однако выводы в плане практической политики, вытекающие из этих двух подходов, явно различаются. Почему – понять нетрудно. В рамках первого подхода проблема заключается в самих природных ресурсах, а значит, ее решение по сути состоит в ослаблении опоры экономики на экспорт сырья. Что же касается второго подхода, то здесь вопрос – по крайней мере главный вопрос – состоит не в ресурсах как таковых. На примере ряда стран, как мы покажем ниже, видно, что высокая доля сырьевого экспорта вполне может сочетаться с развитой институциональной системой. Таким образом, институты расцениваются как ключевой фактор, определяющий ход развития страны, богатой полезными ископаемыми. Поэтому практические рекомендации на основе этого подхода в основном касаются совершенствования институциональной системы.

На наш взгляд, **институционалистский подход обладает определенными преимуществами в научном и практическом плане. Он позволяет глубже заглянуть в корень проблемы и обеспечивает более эффективную основу для долгосрочных практических мер.** Впрочем, как и в любом вопросе, здесь все не так однозначно. Ограничиваться одним направлением не слишком практично. Институты крайне важны, но это не значит, что природные ресурсы как таковые не имеют никакого значения. Сбалансированная институционалистская позиция выглядит так: страны, опирающиеся на экспорт сырья, не обречены на крах или стагнацию, но у них могут возникнуть определенные трудности с реализацией курса, направленного на обеспечение роста. Некоторые институты в богатых полезными ископаемыми странах могут играть бóльшую роль, чем в экономиках, обделенных природными богатствами, а значит, негативное воздействие слабости институтов там может ощущаться сильнее (эту тему мы подробнее рассмотрим ниже). Одним словом, точнее было бы говорить не о «сырьевом проклятии», а о «сырьевом влиянии».

Причина, по которой институционалистский подход постепенно сменяет гипотезу о «сырьевом проклятии», удачно раскрыта в следующем отрывке:

«Сейчас формируется единство мнений о том, что в соотношении между природными богатствами и показателями развития ключевую роль играют различные факторы политического и социального порядка. Но вместо того, чтобы осознать, что в каждом конкретном случае эти факторы формируются рядом исторических и иных параметров, ученые склонны считать, что они предопределяются сырьевой базой. Иными словами, они неверно ставят вопрос: смотреть надо не на причины, по которым природные богатства порождают различные социально-экономические патологии, в свою очередь способствующие плохим результатам в плане развития, а на то, какие политические и социальные факторы позволяют некоторым богатым сырьевыми ресурсами странам успешно развиваться, а другим не позволяют добиться такого же результата» (Andrew Rosser, 2006).

Итоги анализа экономических показателей стран, богатых полезными ископаемыми, весьма значительно варьируются в зависимости от используемых данных и рассматриваемых периодов времени. В результате выводы, к которым приходят разные авторы, различаются столь же сильно: от негативного воздействия природных ресурсов на экономический рост (Сакс и Уорнер, Оти, Росс, Кавальканти и другие) до отсутствия существенного воздействия (Stijns, 2005) и даже положительного влияния (Nunn, 2008; Brunnschweiler, 2008). Но и в последних двух вариантах (никакого эффекта или позитивное воздействие) выводы могут быть неоднозначны. Даже если автор не находит корреляции между изобилием природных ресурсов и ростом (или обнаруживает позитивную корреляцию), эти результаты можно истолковать по-разному. Предположим, что в некоей стране найдены месторождения ценных полезных ископаемых и на каком-то этапе она начинает продавать это сырье на мировом рынке по высокой цене. Учитывая, что такой экспорт создает непредвиденную прибыль (и порой весьма значительную), здравый смысл подсказывает: экономические показатели такой страны, богатой природными ресурсами, должны быть значительно лучше, чем у тех государств, которые их лишены.

Тот факт, что эмпирические данные, по крайней мере по некоторым из этих стран, не демонстрируют существенного улучшения или демонстрируют незначительное улучшение, говорит о том, что такие государства сталкиваются с определенными проблемами системного характера. Таким образом, беспокойство сторонников гипотезы «сырьевого проклятия» может быть оправдано, даже если внешние последствия богатства полезными ископаемыми не носят острого характера. Экономические показатели, неплохие для страны, обделенной природными богатствами, могут быть признаны неудовлетворительными для государства, обладающего значительными запасами сырья. Потребуется более детальный анализ, чтобы понять причины неудовлетворительного развития ряда стран с сырьевой экономикой.

В связи с этим возникает другой важный вопрос: что вообще вкладывается в понятие «изобилие полезных ископаемых» и о каких стра-

нах можно сказать, что они богаты сырьевыми ресурсами. Вариантов ответа на этот вопрос существует немало. Два наиболее распространенных способа оценки сырьевого изобилия – это доля природных ресурсов в общем объеме экспорта и доля экспорта природных ресурсов в объеме ВВП. В данном докладе мы применяем оба эти критерия следующим образом: сырьевая зависимость возникает, когда природные ресурсы составляют более 25 % от совокупного экспорта страны и доля сырьевого экспорта в объеме ВВП превышает 10 %. Первый критерий используется рядом авторов и соответствует определению сырьевой зависимости, принятому в МВФ. Вторым критерием мы добавили, чтобы в категорию стран, богатых природными ресурсами, не попали государства, чей общий объем экспорта крайне невелик. В приложении мы даем полный список стран, по нашему мнению, входящих в эту категорию, составленный на основе данных МВФ и ООН (ЮНКТАД). Кроме того, в целях нашего анализа мы разбиваем эти страны на две группы: зависимых от экспорта природных ресурсов, а именно полезных ископаемых (далее мы будем называть их странами с сырьевой экономикой), и более узкую группу государств, зависящих от экспорта нефти и газа (их мы назовем нефтегазовыми экономиками).

Следует также отметить, что под природными ресурсами мы подразумеваем так называемые точечные ресурсы («point resources») – по сути, речь идет о сырых и переработанных полезных ископаемых. Более широкое определение включало бы уголья, водоемы и другие природные ресурсы, которые мы оставляем за рамками нашего исследования. Наша формула соответствует определениям, принятым в большинстве исследований по теме, и включает две общие категории полезных ископаемых – нетопливные и топливные. Первая включает цветные металлы, металлические руды, минеральные удобрения и другие ископаемые, в том числе драгоценные и полудрагоценные камни; вторая – нефть, нефтепродукты, природный газ и уголь. Точный список сырьевых товаров, включенных в наше определение, основан на Стандартной международной торговой классификации (СМТК) и базе данных по товарному экспорту Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) – самому подробному статистическому источнику по мировой торговле. В приложении находится полный список природных ресурсов в соответствии с базой данных ЮНКТАД.

В следующих двух главах мы рассмотрим экономические и институциональные аспекты сырьевой зависимости. Начнем мы с «голландской болезни» и нестабильности цен на сырье, а затем перейдем к проблемам присвоения ренты, коррупции и формирования элит. На основе эмпирических данных и результатов предыдущих исследований мы сформулируем некоторые выводы.

1.2. Экономические последствия опоры на природные ресурсы

«Голландская болезнь» и эффект вытеснения. Падение производства в несырьевых секторах

В конце 1950-х годов в Нидерландах было открыто несколько крупных морских месторождений природного газа. Экспорт газа оказал серьезное воздействие на состояние экономики страны: он привел к росту курса голландского гульдена и сокращению производства в недобывающих отраслях. Этот эффект породил понятие «голландская болезнь», введенное в оборот журналистами из *Economist* в 1977 году. Экономические изменения в Голландии стали первым серьезно изученным проявлением этого экономического феномена (см. Corden and Neary, 1982; Corden, 1984; Gylfason, 2001a; Stevens, 2003). Следует также уточнить: воздействие «голландской болезни» на экономику происходит посредством не одного, а нескольких взаимосвязанных эффектов.

Влияние нефтяного или газового бума на экономику в целом складывается из трех основных факторов: воздействия на движение ресурсов, эффекта роста расходов – оба были впервые выявлены Корденом и Нири (Corden and Neary, 1982) – и воздействия на валютный курс. Представим себе небольшую страну с открытой экономикой, состоящей из трех основных секторов: промышленности, сектора услуг (не связанного с международной торговлей) и сырьевого сектора, который быстро сформировался в результате, скажем, открытия значительных месторождений нефти, вызвавшего рост нефтяного экспорта. Воздействие на движение ресурсов заключается в перетекании рабочей силы и капиталов в сырьевую отрасль из других секторов экономики, вызванном ростом прибылей и зарплат в сырьевом секторе. Рост расходов происходит в том случае, когда в результате непредвиденных доходов в сырьевом секторе начинает расти спрос на импортные и иные товары. Однако воздействие на расходы различается по секторам. В секторе услуг, не связанном с внешней торговлей, увеличившийся спрос на услуги удовлетворяется за счет роста предложения, в результате чего повышаются и цены на эти услуги, и зарплаты в данном секторе. В то же время возросший спрос на внешнеторговые товары удовлетворяется не за счет роста предложения изделий отечественной обрабатывающей промышленности, а за счет увеличения импорта. И здесь начинает проявляться воздействие на валютный курс. Оно становится результатом увеличения притока иностранной валюты (в случае с нефтяным экспортом – американских долларов), из-за которого курс национальной валюты повышается. Повышение реального обменного курса национальной валюты оборачивается для обрабатывающего сектора двойным эффектом: оно сдерживает спрос на отечественные промыш-

ленные товары, поскольку импортные изделия становятся дешевле, и сокращает экспорт промышленной продукции, поскольку из-за повышения курса национальной валюты она становится менее конкурентоспособной на международном рынке.

«Голландская болезнь» – феномен, хорошо изученный и подтвержденный фактами. Практически все экономисты, изучающие этот вопрос, считают, что данный феномен реален и существуют определенные механизмы его воздействия на экономику страны – экспортера полезных ископаемых. Куда меньше ясности с тем, приводит ли он к существенным негативным последствиям для экономического роста в целом, с одной стороны, и социального развития – с другой. Если такой негативный эффект в каждой из этих сфер существует, необходимо определить, как его ослабить за счет конкретных практических мер. Начать стоит с прояснения одного базового аспекта данной дискуссии: здесь зачастую возникает путаница между двумя разными вопросами. Один звучит так: меняет ли «голландская болезнь» распределение трудовых ресурсов и капиталов в стране с сырьевой экономикой, а значит, и всю ее структуру? На основе всего, что мы знаем о «голландской болезни», на этот вопрос можно ответить положительно. Но есть и другой вопрос: носят ли эти структурные изменения негативный характер, или, конкретнее, оказывают ли они негативное влияние на рост? Хотя многим может показаться, что «голландская болезнь» замедляет экономический рост, а потому ее следует считать однозначно негативным феноменом, анализ, основанный на здравом смысле, заставляет усомниться в этой распространенной точке зрения.

В сущности «голландская болезнь» – это адаптация к новой экономической ситуации, возникающей в результате роста сырьевого экспорта. Подобная экономическая корректировка происходит не только в странах – экспортерах сырья, но во всех свободных экономиках в ответ на более высокую отдачу от труда и капитала в конкретной отрасли. Сокращение производства в связанной с внешней торговлей промышленности просто свидетельствует о том, что в других секторах (добывающем и секторе услуг) отдача выше. Подобные изменения равновесия в экономике происходят постоянно из-за технического прогресса и международной конкуренции. Важные инновации в бизнесе и/или технологиях способны изменить баланс в распределении трудовых ресурсов и капитала. Например, это может произойти, если экономика получает толчок благодаря созданию нового экспортного продукта – скажем, высокотехнологичного изделия, соответствующего определенной тенденции в общемировом процессе развития техники, а потому пользующегося большим спросом на международном рынке (на память сразу приходит история с финскими мобильными телефонами Nokia). Вряд ли кто-нибудь расценит это как негативное развитие событий. Но когда бум происходит в сырьевом секторе, на него

реагируют с озабоченностью и подозрением. Конечно, существуют эмпирические данные, свидетельствующие об экономических и институциональных проблемах в странах с сырьевой зависимостью. И «голландская болезнь» способна усугубить ситуацию в таких экономиках через каналы, которые мы описали выше. Но это не означает, что именно «голландская болезнь» является в данном случае первопричиной всех бед.

В конечном итоге, с макроэкономической точки зрения, увеличение доходов от торговли природными ресурсами влечет за собой соответствующий рост ВВП. Хотя потенциально он может сопровождаться сокращением производства в несырьевом промышленном секторе, это не означает, что подобное перераспределение источников дохода обязательно негативно отразится на росте ВВП. Скорее всего, его темпы, напротив, увеличатся. Более того, аргумент о том, что «голландская болезнь» представляет собой источник стагнации, ослабляется тем фактом, что во многих странах, богатых природными ресурсами, ее воздействие крайне ограничено, поскольку там нет несырьевого промышленного сектора или он очень мал, а значит, никакого перераспределения вообще не происходит. Тем не менее страны, где имеются лишь сырьевой сектор и сектор услуг, сталкивались с замедлением роста и даже спадом (например, несколько государств Ближнего Востока в 1970-х и 1980-х, см. график 2.2 на стр. 55). Чтобы понять причины стагнации в некоторых богатых природными ресурсами экономиках, необходимо найти другое объяснение. На этом мы подробнее остановимся в последующих разделах доклада.

Ряд экономистов, изучив данный вопрос, пришли к выводу, что эффекты «голландской болезни» нельзя считать основополагающими в определении тенденций роста в богатых природными ресурсами странах. Так, Майкселл (Mikesell, 1997) проанализировал показатели группы стран – экспортеров сырья и пришел к выводу, что в большинстве из них «голландская болезнь» никак не отразилась на темпах роста. Макмэхон в своем исследовании (McMahon, 1997) делает аналогичный вывод. Торвик (Torvik, 2001) утверждает, что и в несырьевых отраслях, и в секторе услуг выпуск продукции и производительность труда могут как увеличиваться, так и уменьшаться в зависимости от структурных и институциональных характеристик экономики. Мы разделяем эту точку зрения. Открытая экономика с низкими барьерами для вхождения на рынок и минимальными препятствиями для бизнеса в состоянии адаптироваться и к воздействию на движение ресурсов, и к эффекту роста расходов, связанному с увеличением экспорта сырья, – точно так же, как она адаптируется к любым другим изменениям в структуре экспорта.

Таким образом, мы считаем, что существуют различные способы рассмотрения проблемы «голландской болезни». В узком смысле речь идет

о перераспределении ресурсов между различными секторами. Расценивать это как «болезнь» – самостоятельную проблему – значит выносить определенное ценностное суждение и отдавать предпочтение определенному способу получения доходов, например несырьевому производственному сектору, связанному с внешней торговлей. В этом случае вопрос по сути превращается из экономического в политический. И такое на деле происходило во многих богатых природными ресурсами странах. Их **правительства, пытаясь «спасти» несырьевой сектор, где производство падало, создавали субсидируемые зависимые отрасли, которые приводили к стагнации всей экономики. Таким образом, те меры, которые первоначально преподносятся как лекарство от «голландской болезни», зачастую сами становятся источником экономических проблем.**

Правительства, пытаясь «спасти» несырьевой сектор, где производство падало, создавали субсидируемые зависимые отрасли, которые приводили к стагнации всей экономики. Таким образом, те меры, которые первоначально преподносятся как лекарство от «голландской болезни», зачастую сами становятся источником экономических проблем.

Тогда вопрос заключается в том, нужны ли при «голландской болезни» и, в частности, ее воздействии на валютный курс какие-то корректирующие шаги. Однозначного ответа не существует. Здесь все связано со степенью сырьевой зависимости, размером экономики и ее долей в производстве конкретного сырьевого товара на мировом рынке. Более того, воздействие на валютный курс тоже нельзя считать полностью негативным фактором. Из-за него некоторые экспортные товары могут стать менее конкурентоспособными, но при этом все импортные товары становятся дешевле. Совокупный эффект этого зависит от ряда обстоятельств, специфических для каждой отдельной экономики. Чтобы не допустить резкого повышения номинального и реального обменного курса национальной валюты, правительству стоит использовать механизм выведения из оборота избыточного притока иностранной валюты – стабилизационный фонд или подобную структуру. Такая практика широко распространена в мире и в целом позволяет государствам сдерживать рост курса национальных валют, а также накопить средства на черный день, когда цены на сырье снизятся.

Еще один эффект «голландской болезни» связан с ее воздействием на рынок труда. Некоторые аспекты трудовой миграции в странах – экспортёрах сырья мы рассмотрим во втором разделе доклада.

Экономическое воздействие колебаний цен на сырье

С учетом вышеупомянутых сомнений относительно неизбежно негативного влияния «голландской болезни» несколько ученых попытались найти альтернативный экономический канал, который мог бы иметь отрицательный эффект в некоторых странах с сырьевой зависимостью.

Это привело к возникновению новой гипотезы, которую можно назвать «проклятием ценовых колебаний» («volatility curse»), и соответствующего научного течения. Суть этой гипотезы состоит в том, что проблема связана не с сырьевой зависимостью как таковой, а с нестабильностью цен на полезные ископаемые на мировом рынке. Выявление негативных последствий нестабильности цен на сырье стало одним из результатов исследований ресурсной экономики в целом, проводившихся в 1990-х. Майкселл (Mikesell, 1997) обнаружил, что в течение двадцатилетнего периода – с 1972 по 1992 год – интенсивность колебаний во внешнеторговом балансе у стран с высокой долей экспорта природных ресурсов в три раза превышала соответствующий показатель для государств с несырьевой экономикой. Майкселл (см. Mikesell, 1997), а также Оти (Auty, 1998) предположили, что одной из главных причин замедления роста в странах с сырьевой экономикой может быть нестабильность и непредсказуемость доходов. Позднее вышел ряд трудов, посвященных непосредственно эффекту нестабильности цен (см. Brunnschweiler and Bulte, 2008; Cavalcanti et al., 2009 и 2011; van der Ploeg and Poelhekke, 2009 и 2010; Arezki and Nabli, 2012).

В частности, регрессионный анализ, проведенный Кавальканти и его соавторами (Cavalcanti et al., 2011) на основе данных по 62 странам – экспортерам сырья, показал, что сами по себе ценовые бумы оказывают позитивное воздействие на рост ВВП. В то же время нестабильность цен и вытекающая из нее нестабильность экспортных доходов сказывается на нем отрицательно. Небезынтересно отметить в связи с этим, что у остальных стран – со скудными природными ресурсами – нестабильность цен на сырье никак не затрагивает совокупную производительность, инвестиционные тенденции и рост ВВП. Учитывая, что обделенные ресурсами страны тоже потребляют сырье, а значит, в качестве потребителей и импортеров нефти, газа и других полезных ископаемых находятся под воздействием скачков цен, выводы Кавальканти и его соавторов указывают на то, что эта нестабильность вредит росту только при достаточно высоком уровне зависимости экономики от доходов, получаемых за счет того или иного экспортного продукта.

Если мы попытаемся абстрагироваться от (зачастую противоречивых) данных эконометрических исследований и руководствоваться простой логикой, гипотеза о влиянии ценовых колебаний представляется несколько более убедительной, чем концепция «голландской болезни». Последняя в сущности утверждает, что высокие доходы от торговли природными ресурсами через несколько каналов вредят росту, а не ускоряют его. Но здравый смысл подводит нас к противоположному выводу: увеличение доходов должно способствовать увеличению темпов роста. И многие, хотя и не все, экономические регрессии дают именно такую картину. Гипотеза о влиянии ценовых колебаний основана на иной аргументации: опора на

экспорт первичных товаров вредит росту за счет внешних перепадов цен. Эти колебания не позволяют экономике и ее основным игрокам – как частным, так и государственным – адаптироваться, а значит, препятствуют инновациям, инвестициям и развитию. Нестабильность особенно негативно отражается на бюджетной политике и расходах государственного сектора, поскольку в периоды падения цен в распоряжении правительства оказывается меньше средств. Все это выглядит логичнее, но и с этими доводами, на наш взгляд, существуют определенные проблемы.

Во-первых, как и в случае с «голландской болезнью», здесь возникает вопрос: а чем, собственно, природные ресурсы отличаются от других товаров, реализуемых на открытом мировом рынке? Некоторая степень нестабильности по определению свойственна ценам на любые экспортные товары, да и вообще всем ценам на свободном рынке. Поэтому тезис о том, что ценовые колебания препятствуют росту ВВП, равносителен утверждению, что сам рынок товаров вредит экономическому росту. Однако и теория, и практический опыт говорят об обратном: губительное воздействие на рост оказывает как раз отсутствие свободного рынка товаров. В развернутом виде гипотеза о ценовых колебаниях звучит так: лишь достаточно высокий уровень нестабильности цен, зачастую характерный для природных ресурсов, оказывает деструктивное воздействие. Казалось бы, такая оговорка спасает всю гипотезу, но и в этом виде довод выглядит проблематичным. Во-первых, существует немало товаров, например некоторые потребительские товары, лекарства и высокотехнологичные устройства, также подверженных значительным перепадам цен. Тем не менее нам никогда не приходится слышать о «проклятии», связанном, например, с колебаниями цен на бытовую электронику. Во-вторых, изучая макроэкономические феномены, экономисты часто не сравнивают полученные результаты с положением дел на микроэкономическом уровне, хотя последнее неразрывно связано с первыми. Если считать ценовую нестабильность источником проблем для экономического роста в целом, из этого следует, что компании, наиболее уязвимые к такой нестабильности, в частности предприятия добывающей, перерабатывающей, нефтехимической промышленности и т. д., должны страдать от нее в наибольшей степени. Так, нефтяные компании на 100 % подвержены влиянию колебаний цен, а правительства нефтедобывающих стран – лишь в той степени, до которой их бюджеты зависят от нефтяных доходов (она может быть выше или ниже, но лишь у нескольких государств приближается к 100 %). Однако практический опыт свидетельствует, что нефтяные компании страдают от ценовых колебаний в целом меньше, чем правительства стран – экспортеров сырья.

На протяжении истории были выработаны различные механизмы, позволяющие ослабить воздействие ценовых колебаний, в частности хеджирование за счет ряда финансовых инструментов, страхование, ана-

На протяжении истории были выработаны различные механизмы, позволяющие ослабить воздействие ценовых колебаний, в частности хеджирование за счет ряда финансовых инструментов, страхование, анализ возможных сценариев развития, корпоративное планирование и сокращение затрат.

лиз возможных сценариев развития, корпоративное планирование и сокращение затрат. Компетентное и стратегическое использование всех перечисленных и других инструментов можно назвать эффективным управлением. Именно это эффективное управление позволяет одним компаниям процветать в условиях нестабильности цен, а его отсутствие доводит другие компании до банкротства. Ценовые колебания – лишь один из многих рисков, которые любой бизнес должен принимать в расчет. Это кажется очевидным применительно к отдельным корпорациям, но почему-то ситуация полностью меняется, когда экономисты анализи-

руют развитие стран и особенно экономическую политику их правительств. Здесь ценовые колебания вдруг превращаются из риска в «проклятие». В этом смысле гипотеза ценовых колебаний не имеет основополагающих отличий от «голландской болезни» и других аналогичных подходов, по сути следующих в русле парадигмы «сырьевого проклятия».

Основной аргумент, который мы раскроем в следующих главах, состоит в следующем: **вместо того чтобы бороться с разными «проклятиями» и «болезнями», государствам стоило бы оглянуться на самих себя и проанализировать собственные действия, а также характер и роль институтов, которые они создают, поддерживают, а зачастую и разрушают.** Было бы полезно также сравнить инструменты государственного управления с теми механизмами, что уже успешно применяются на уровне корпораций (например, для обуздания последствий ценовых колебаний). Ряд государств именно так и поступает, создавая стабилизационные фонды и другие аналогичные структуры. В этом смысле **и «голландская болезнь», и влияние нестабильности цен на сырье представляют собой в сущности институциональные, а не чисто экономические проблемы. И то и другое создает затруднения при определенных обстоятельствах, как правило, связанных с отсутствием или недостаточным развитием определенных институтов.** Именно этому вопросу мы посвятим следующую главу.

Вместо того чтобы бороться с разными «проклятиями» и «болезнями», государствам стоило бы оглянуться на самих себя и проанализировать собственные действия, а также характер и роль институтов, которые они создают, поддерживают, а зачастую и разрушают.

Профессор Университета штата Орегон Рэймонд Майкселл, специализирующийся на проблемах сырьевой экономики, удачно подытожил роль ценовой нестабильности и последствия «голландской болезни» для стран, опирающихся на полезные ископаемые:

«Закономерный вопрос звучит так: можно ли считать экономические шоки, вызванные изменениями цен на сырье, более серьезными, чем те шоки, что переживают страны, обделенные природными ресурсами. Вполне возможно,

эти последствия серьезнее в сырьевых экономиках, но определенные практические меры могут помочь решить данную проблему» (Mikesell, 1997).

1.3. Институциональные последствия опоры на природные ресурсы

Присвоение ренты, коррупция и элиты в странах с сырьевой экономикой

Как уже отмечалось, страны, опирающиеся на экспорт природных ресурсов, не обречены на крах или стагнацию, но они могут столкнуться с рядом трудностей при осуществлении политики стимулирования роста. В странах с сырьевой экономикой определенные институты могут играть более важную роль, чем в странах, обделенных природными ресурсами. Следовательно, слабость институтов в сырьевых экономиках может обернуться более серьезными негативными последствиями. По сути это главный аргумент в пользу замены понятия «сырьевое проклятие» на «сырьевое влияние». Этот термин ввел в оборот Пол Стивенс в своем труде о ресурсной экономике (Stevens, 2003).

В мире можно найти различные примеры, иллюстрирующие негативное влияние институциональных проблем в странах с сырьевой экономикой. Один из самых наглядных в этом плане – пример **Венесуэлы**. Экономика этой страны примечательна во многих отношениях. По размеру реального ВВП на душу населения Венесуэла прошла путь от одной из самых благополучных стран Латинской Америки, да и всего мира, в 1950-х до стагнации и даже спада. За двадцать с небольшим лет – с 1980 по 2002 год – реальные среднедушевые доходы в стране снизились на 25 %. В 1988 году за чертой бедности жили 2,4 % венесуэльцев. Однако к 1998 году, когда президентом был избран Чавес, эта цифра увеличилась до 18,5 % (Gruben, 2004). Венесуэла в основном опирается на экспорт нефти и сегодня по совокупным разведанным запасам нефти и газа занимает второе место в мире после Ирана. Их объем в 12 раз превышает те запасы, что имелись в распоряжении страны в 1980-х. Казалось бы, зависимые от продажи нефти авторитарные государства могут позволить себе не беспокоиться о таких факторах, как среднедушевые доходы населения, масштаб бедности, неравенства и другие индикаторы благосостояния населения в целом, но уж о поддержании нефтедобычи на должном уровне для наполнения казны они должны заботиться наверняка. Однако венесуэльские реалии опровергают даже это интуитивное предположение. Невероятно, но факт: сегодня Венесуэла добывает нефти меньше, чем полвека назад! (См. BP Statistical Review of World Energy, а также графики 3.6 и 3.8 на стр. 72–73).

И «голландская болезнь», и влияние нестабильности цен на сырье представляют собой в сущности институциональные, а не чисто экономические проблемы. И то и другое создает затруднения при определенных обстоятельствах, как правило, связанных с отсутствием или недостаточным развитием определенных институтов.

Венесуэла не единственная страна, которой не удастся реализовать свой углеводородный потенциал. Другой необычный пример в этом смысле – **Иран**. Он обладает крупнейшими в мире совокупными запасами нефти и газа, а по газовым запасам уступает только России. Очевидно, что страна могла бы занимать одно из ведущих мест среди экспортеров газа, а ее экономика должна бурно развиваться. Но на деле, обладая такими огромными запасами, Иран импортирует газ! Если даже такая дойная корова государства, как нефте- и газодобывающая промышленность, переживает стагнацию, то с институтами и политикой страны явно что-то не в порядке. Список стран с сырьевой экономикой, наиболее явно страдающих от несостоятельности институтов, включает также **Нигерию, Ливию, Алжир, Йемен и Мьянму (Бирму)**. Американская исследовательница Терри Линн Карл уже двадцать лет изучает историю нефтяных государств-рантье. Результаты своих исследований она подытожила в книге «Парадокс изобилия: нефтяные бумы и “петрогосударства”» (*The Paradox of Plenty: Oil Booms and Petrostates* – Karl, 1997). В этой работе она выделяет определенные закономерности деградации институтов, характерные для стран с нефтяной экономикой (на графике 3.10 на стр. 74 показаны примеры таких стран с институциональными проблемами).

Один из важных феноменов во многих «петрогосударствах» – присвоение ренты. Оно, конечно, существует не только в этих странах, но именно на страны с нефтяной экономикой это явление, судя по всему, оказывает наиболее сильное воздействие, приводя к слабости институтов. При этом необходимо отметить, что присвоение ренты – это не только коррупция в форме взяточничества. Последнее зачастую лишь один из элементов этого явления, но было бы целесообразно проводить различие между незаконными и законными способами присвоения ренты. Коррупция и взяточничество входят в первую категорию, а вторая охватывает целый ряд явлений, например создание барьеров для входа на рынок, выдачу лицензий на добычу полезных ископаемых только представителям какой-то одной группы или привилегии при раздаче государственных субсидий.

Необходимо отметить, что официальная статистика (данные Всемирного банка, Международного валютного фонда и национальных статистических служб) относительно доли, которую полезные ископаемые составляют в ВВП той или иной страны, не отражает полного объема извлекаемой природной ренты. Подобная статистика не принимает в расчет формальные и неформальные способы перераспределения доходов от продажи минерального сырья, например, субсидии в форме пониженных тарифов на энергоносители и электричество, а также официальные или неофициальные (теневые) рентные платежи различным социальным группам. Исследование Клиффорда Гэдди и Бэрри Икеса, анализирующее структуру, а также реальный (то есть неофициальный) размер природной ренты, было опубликовано в «Оксфордском справочнике по российской экономике» (*The*

Oxford Handbook of the Russian Economy, Alexeev and Weber, 2013). Согласно авторам исследования, совокупный размер природной ренты (как официальной, так и теневой) от нефтегазового сектора в **России**, например, составляет не менее 33% ВВП, в то время как доля нефтегазового сектора по официальной статистике составляет всего лишь 11% ВВП. Основная борьба между кланами в элите идет именно за присвоение этой, теневой части природной ренты, не включенной в официальную статистику.

Можно назвать несколько причин, по которым страны с сырьевой экономикой особенно уязвимы в плане присвоения ренты. Из них, на наш взгляд, особенно важны четыре.

1. **Немобильность полезных ископаемых.** Характерной чертой добывающих отраслей по определению является зависимость от полезных ископаемых, недвижимых, пока они находятся под поверхностью земли. В результате реальный государственный контроль в этой сфере намного сильнее, чем в других секторах. Глобализация позволяет компаниям, относящимся к несырьевой промышленности и сектору услуг, выбирать страны для своей деятельности, переносить офисы, производственные мощности и колл-центры туда, где условия наиболее благоприятны. Однако рудник или нефтяную скважину не перенесешь в другую страну. Поэтому в таких случаях выбор мест для будущей деятельности у корпораций весьма ограничен, а когда они уже вложили капиталы и добыча началась, этого выбора просто не остается. В результате госаппарат обладает куда большими возможностями в плане контроля. Еще одной характеристикой природных ресурсов, дающей дополнительные возможности контроля, является возможность их накопления, концентрации и длительного хранения.
2. **Сырьевой национализм.** Полезные ископаемые по определению принадлежат государству, что создает сильный экономический перекос в сторону государственного управления в противовес частному по всей цепочке добычи, переработки и распределения. Эту парадигму часто называют сырьевым национализмом. Практически во всех странах (за исключением США и – в небольшой степени – Канады) природные ресурсы, находящиеся в недрах земли, являются собственностью государства. Их часто называют общенародной собственностью, но реального положения дел это не меняет: по сути они все равно принадлежат государству. Следовательно, любая деловая активность, связанная с полезными ископаемыми, находится под жестким государственным контролем, что создает массу возможностей для экспроприации ренты.
3. **Перераспределение посредством большого государства.** В добывающих отраслях занят небольшой процент населения, но за-

частую именно поступления от продажи полезных ископаемых составляют львиную долю валового национального дохода. В результате одной из весьма существенных функций государства-рантье становится перераспределение в его многочисленных формах (трансферты, субсидии несырьевому сектору, масштабные государственные инфраструктурные проекты, различные привилегии и др.). Один из основных способов присвоения ренты – захват таких трансфертов для удовлетворения частных интересов. Высокий уровень перераспределения, как правило, приводит к усилению государственного вмешательства в экономику и увеличению доли государственных расходов в объеме ВВП. Зачастую в крупных «петрогосударствах» это дополняется тем, что возможности присвоения ренты очень велики в связи с тем, что государство управляет огромным бюджетом. В таких странах даже невысокое положение в иерархии присвоения ренты может приносить человеку весьма значительный доход.

- 4. Изолированность и защищенность элиты.** По вышеупомянутым причинам рента от природных ресурсов легко присваивается и потому способна чрезвычайно увеличить богатство правящей элиты. Однако часть этих прибылей перераспределяется в пользу остального населения. Поэтому какое-то время недовольство народа существующим положением и несменяемостью элиты-рантье можно гасить за счет создания у него зависимости от различных государственных трансфертов. В результате возникает заколдованный круг присвоения ренты, которое пронизывает общество сверху донизу – но в весьма неравной степени. Ренту от природных ресурсов можно использовать и в качестве пряника – за счет трансфертов – для покупки лояльности населения, и в качестве кнута, если недовольство сохраняется и перерастает в политический протест. Поэтому многие «петрогосударства» тратят немалую часть бюджета на содержание полиции, армии и спецслужб.

Производители и «хапуги». Присвоение ренты и экономический рост

Феномен присвоения ренты исследуется в ряде трудов (см., в частности, Tornell and Lane, 1999; Ross, 1999; Auty, 2001, 2005; Gylfason, 2001; Easterly and Levine, 2002; Torvik, 2002). В 2006 году Хальвор Мелум, Карл Мойн и Рагнар Торвик опубликовали работу под названием «Проклятие – сырьевое или институциональное?» (Cursed by Resources or Institutions?), где предложили аналитическую методику для выявления экономических сил, действующих в странах с сырьевой экономикой (см. Mehlum et al., 2006). В каком-то смысле они продвинулись в своем анализе дальше дру-

гих: они изучили причины, по которым на одни страны присвоение ренты влияет негативно, а в других этого не происходит. Если наши доводы, изложенные выше, помогают понять, почему присвоение ренты столь распространено в сырьевых экономиках, то модель Мелума, Мойна и Торвика позволяет объяснить, как присвоение ренты способно воздействовать на экономический рост в разных институциональных условиях.

Для начала они устанавливают различие между производством и особыми формами присвоения ренты. Ученые утверждают: все формы присвоения ренты способны вредить экономическому развитию, но не в одинаковой степени. Продуктивная экономика и погоня за рентой могут дополнять друг друга или конкурировать, и именно в последнем случае присвоение ренты наносит больше ущерба росту и развитию. Присвоение ренты конкурирует с производством тогда, когда качество институтов невысоко. Авторы приводят несколько примеров:

«Разладившийся механизм демократии стимулирует политическое присвоение ренты, низкий уровень прозрачности стимулирует коррупцию в госаппарате, слабая защита прав собственности поощряет сомнительные сделки, неправомерные поглощения и экспроприации, слабая защита прав граждан стимулирует мошенничество и мздоимство, отсутствие верховенства права – преступность, рэкет и мафиозную деятельность, а слабость государства – феномен “удельных княжеств”» (Mehlum et al., 2006, p. 1122).

Этот наиболее вредный тип присвоения ренты Мелум, Мойн и Торвик называют «хапужничеством» (grabbing), а институты, способствующие повышению выгоды от такого присвоения, – содействующими «хапугам». Чем выше качество институтов, тем меньше выгоды, получаемые «хапугами», и больше выгоды от производственной деятельности. Далее они обрисовывают два возможных варианта стран с сырьевой экономикой – с институтами, содействующими «хапугам», или институтами, содействующими производителям. Представим себе, что в каждой из таких двух стран открыто крупное месторождение нефти, что быстро приводит к росту экспортных доходов. В стране с институтами, содействующими «хапугам», это становится новым источником дохода для «хапуг»: их прибыли возрастают, а прибыли производителей остаются на прежнем уровне. В результате производителей становится меньше, «хапуг» – больше, а доходы снижаются у всех. Именно эту ситуацию называют парадоксом изобилия: повышение доходов от природных ресурсов снижает совокупный доход. При наличии институтов, содействующих «хапугам», события развиваются следующим образом: высокая природная рента побуждает предпринимателей заниматься «хапужничеством». Из-за этого прибыли в производстве падают, что в свою очередь вынуждает еще больше предпринимателей становиться «хапугами». «Хапуги» дополнительно усиливают негативный внешний эффект, а производители – дополнительно усиливают положительный. Это объясняет, почему негативное воздействие тако-

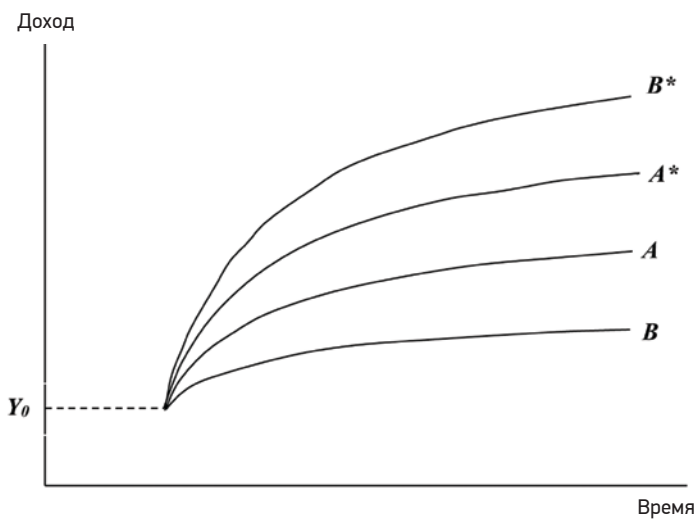
Именно от качества институтов зависит, становится ли изобилие полезных ископаемых благом или проклятием.

го перераспределения предпринимателей превышает прямые позитивные последствия увеличения объема ресурсов.

В экономике с институтами, содействующими производителям, увеличение поступлений от торговли природными ресурсами становится дополнительным источником дохода для производителей, что ведет к повышению прибылей от производства. В результате производителей становится больше, а «хапуг» – меньше. Более того, в системе, дружественной производителям, повышение доходов от природных ресурсов стимулирует производство в целом. Оно приводит к росту совокупного уровня доходов, превышающему их частичное увеличение только от одной торговли полезными ископаемыми. Это происходит благодаря позитивной взаимодополняемости между различными производителями. Таким образом, согласно модели Мелума, Мойна и Торвика, в сырьевых экономиках действует эффект умножения, из-за которого и позитивные, и негативные тенденции многократно усиливаются. Или, в двух словах: «Когда институты содействуют производителям, природные ресурсы стимулируют производство. Когда институты содействуют “хапугам”, природные ресурсы мешают производству» (Mehlum et al., 2006).

Мелум, Мойн и Торвик предлагают такое наглядное изображение тенденций роста в различных экономиках (см. иллюстрацию ниже). Они сравнивают четыре гипотетические страны. Первую пару составляют бедные природными ресурсами страны А и А*: в стране А институты содействуют «хапугам», а в А* – производителям. Вторая пара – богатые полезными ископаемыми страны В и В*, при этом в стране В институты содействуют «хапугам», а в стране В* действуют институты, содействующие производителям. Первоначально все четыре страны имеют одинаковый уровень доходов – Y_0 . Экономика страны А* с институтами, содействующими производителям, растет быстрее, чем экономика страны А с институтами, содействующими «хапугам». Аналогичным образом, страна В* имеет более высокие темпы роста, чем В. Одна из главных особенностей этой модели заключается в том, что богатые ресурсами страны с институтами, содействующими производителям, превосходят по экономическим показателям государства с аналогичными институтами, но обделенные природными ресурсами (речь идет о В* и А* соответственно), а в странах с институтами, содействующими «хапугам», наблюдается противоположная ситуация: богатые ресурсами экономики (В) отстают от всех остальных. Таким образом, главный вывод Мелума, Мойна и Торвика заключается в том, что **именно от качества институтов зависит, становится ли изобилие полезных ископаемых благом или проклятием.**

Траектории роста ресурсных и нересурсных экономик, согласно модели Мелума, Мойна и Торвика (Mehlum et al., 2006).

Чтобы проиллюстрировать результаты разных стран с сырьевой экономикой в зависимости от характера их институционального развития, мы сгруппировали их в соответствии с их местом в общемировых рейтингах. Затем мы взяли три наиболее часто цитируемых международных индекса, намеренно выбрав те, что отличаются друг от друга, чтобы проанализировать воздействие качества институтов на основе оценок разных исследовательских структур. Речь идет об:

- индексе Института Фрейзера «Экономическая свобода в мире»;
- индексе Всемирного банка «Условия для бизнеса» (Doing Business);
- докладе Всемирного экономического форума «Конкурентоспособность на мировом рынке».

В аналитических целях мы составили две группы стран: тех, что зависят от экспорта природных ресурсов (а именно полезных ископаемых), — их мы называем сырьевыми экономиками, и более узкую группу стран, зависящих от экспорта нефти и газа (назовем их нефтегазовыми экономиками). Всего в наш список входит 68 стран с сырьевой экономикой и 39 стран с нефтегазовой экономикой. Полный список стран, составленный на основе данных МВФ и ЮНКТАД, представлен в приложении.

Сырьевые и нефтегазовые экономики мы, в соответствии с их показателями в упомянутых индексах, разделили на четыре равные группы. Затем мы сравниваем показатели этих групп с использованием восьми параметров для измерения уровня экономического и социального развития. Эти восемь параметров таковы:

1. Реальный ВВП на душу населения (по паритету покупательной способности — ППС); источник — Всемирный банк.
2. Прямые иностранные инвестиции; источник — Всемирный банк.
3. Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП); источник — Программа развития ООН (ПРООН).

Во всех группах почти по всем параметрам наблюдается четкая тенденция. Эта тенденция подтверждает нашу гипотезу: более качественная институциональная среда в богатых природными ресурсами странах обеспечивает более высокие среднедушевые доходы, жизненный уровень и уровень социального развития.

4. Средняя продолжительность жизни; источник – Всемирный банк.
5. Уровень грамотности; источник – Всемирный банк.
6. Свобода от коррупции; источник – организация Transparency International (чем выше рейтинг, тем меньше коррупции).
7. Количество убийств на 100 000 населения; источник – UNODC.
8. Рейтинг нарушений гражданских свобод; источник – организация Freedom House (чем выше рейтинг, тем больше нарушений).

Как уже было сказано, анализ вышеупомянутых параметров проводился по двум группам стран: с сырьевой экономикой и нефтегазовой экономикой. Для каждой из этих групп мы изучили самые последние из имеющихся данных, а также исторические тенденции начиная с самых ранних имеющихся дат, демонстрирующие изменения соответствующего параметра по группе. Подборку графиков, показывающих полученные результаты, см. в иллюстрациях к разделу 1 ниже (графики 1.1–1.15 на стр. 27–31).

Результаты нашего сравнительного анализа говорят сами за себя. **Во всех группах почти по всем параметрам наблюдается четкая тенденция. Эта тенденция подтверждает нашу гипотезу: более качественная институциональная среда в богатых природными ресурсами странах обеспечивает более высокие среднедушевые доходы, жизненный уровень и уровень социального развития.** Сравнение групп с самыми развитыми институтами (первая четверть) с общемировыми средними показателями также показывает, что уровень развития сырьевых стран с сильными институтами превосходит средний общемировой.

В следующей главе мы рассмотрим конкретные практические меры и структурные характеристики, способствующие повышению эффективности институтов и темпов экономического роста.

Реальный ВВП на душу населения в ресурсных экономиках, 2012
Страны сгруппированы в соответствии с их местом в трех рейтингах, измеряющих качество институтов: Института Фрейзера, Всемирного банка и ВЭФ

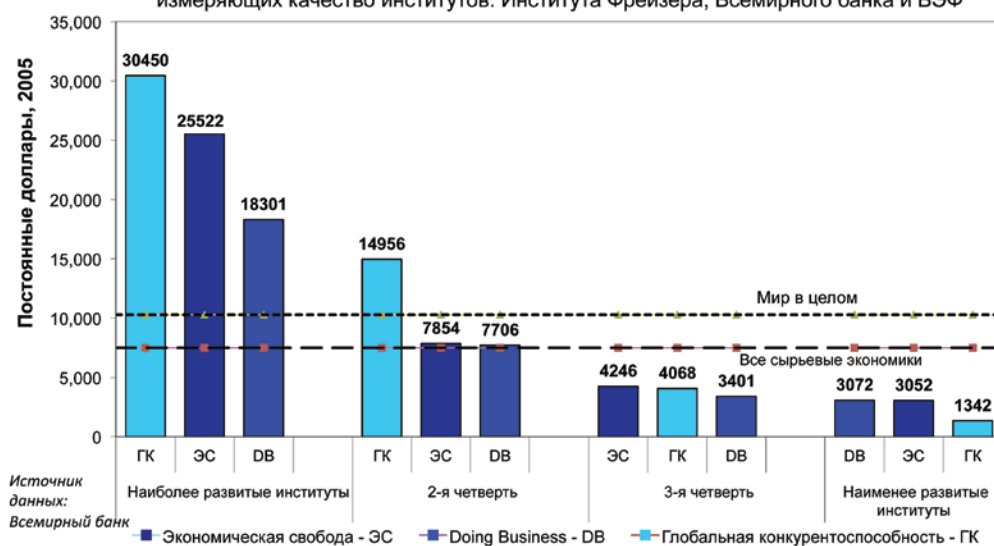

График 1.1

Реальный ВВП на душу населения в сырьевых экономиках с 1963
Страны сгруппированы в соответствии с их местом в Глобальном рейтинге экономической свободы Института Фрейзера

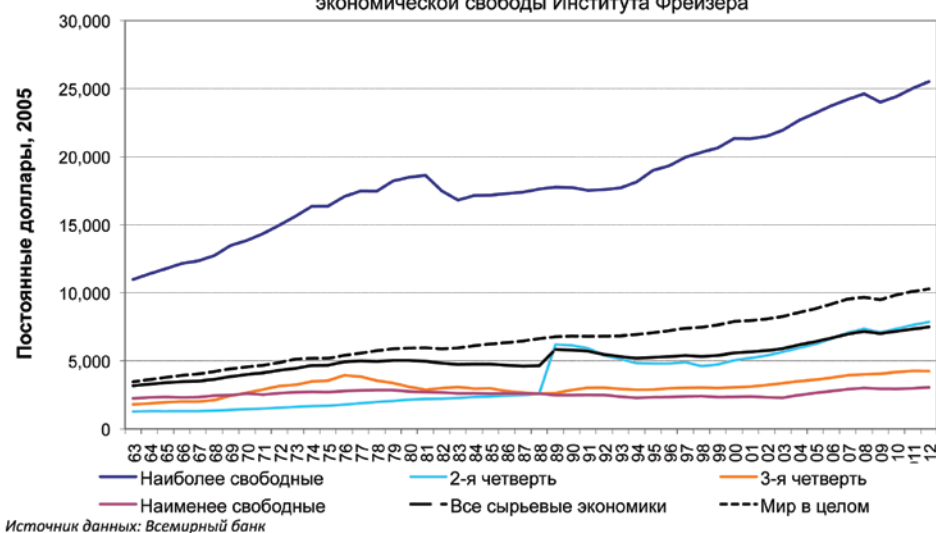

График 1.2

Прямые иностранные инвестиции в сырьевых экономиках, 2011
Страны сгруппированы в соответствии с их местом в Глобальном рейтинге экономической свободы Института Фрейзера

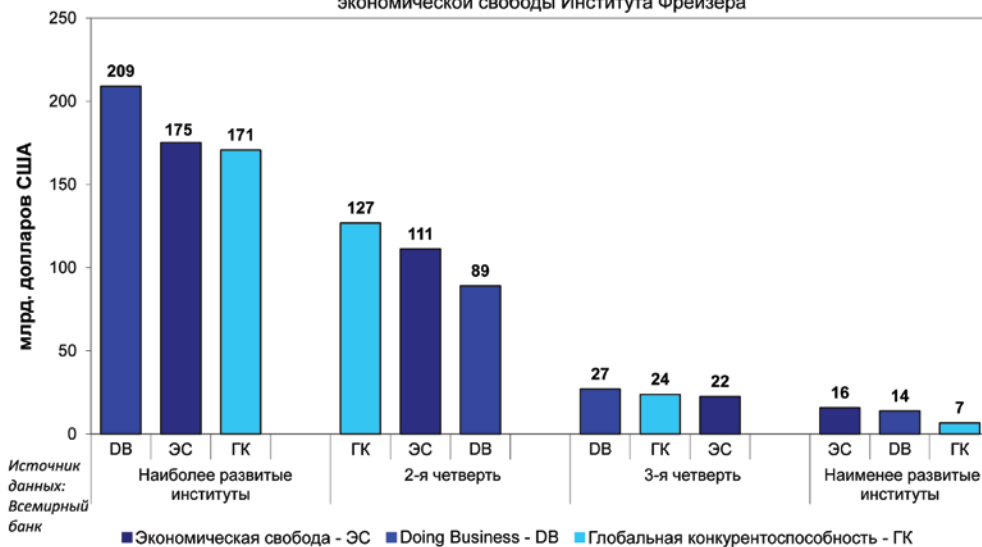

График 1.3

Индекс человеческого благосостояния в сырьевых экономиках, 2012

Страны сгруппированы в соответствии с их местом в трех рейтингах, измеряющих качество институтов: Института Фрейзера, Всемирного банка и ВЭФ

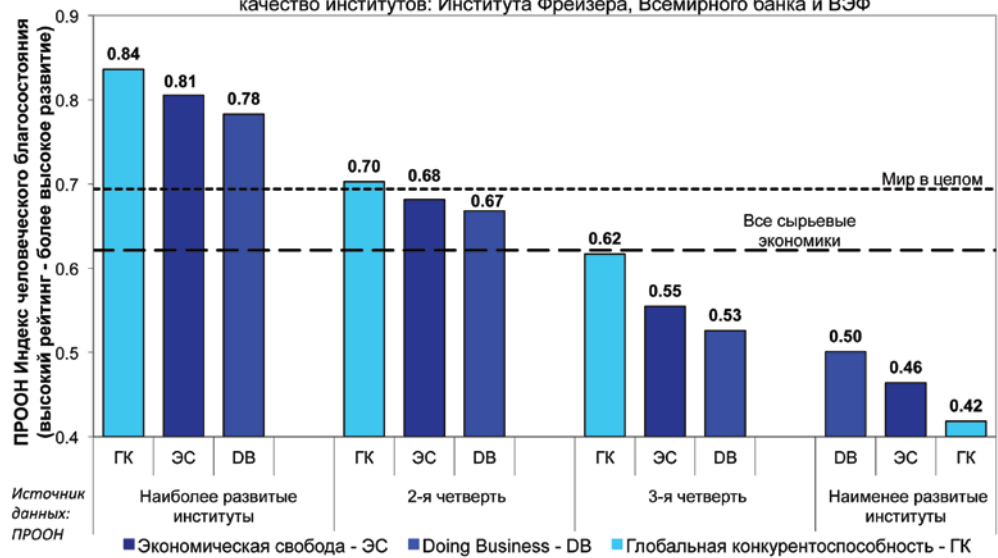

График 1.4

Продолжительность жизни в сырьевых экономиках, 2011

Страны сгруппированы в соответствии с их местом в трех рейтингах, измеряющих качество институтов: Института Фрейзера, Всемирного банка и ВЭФ

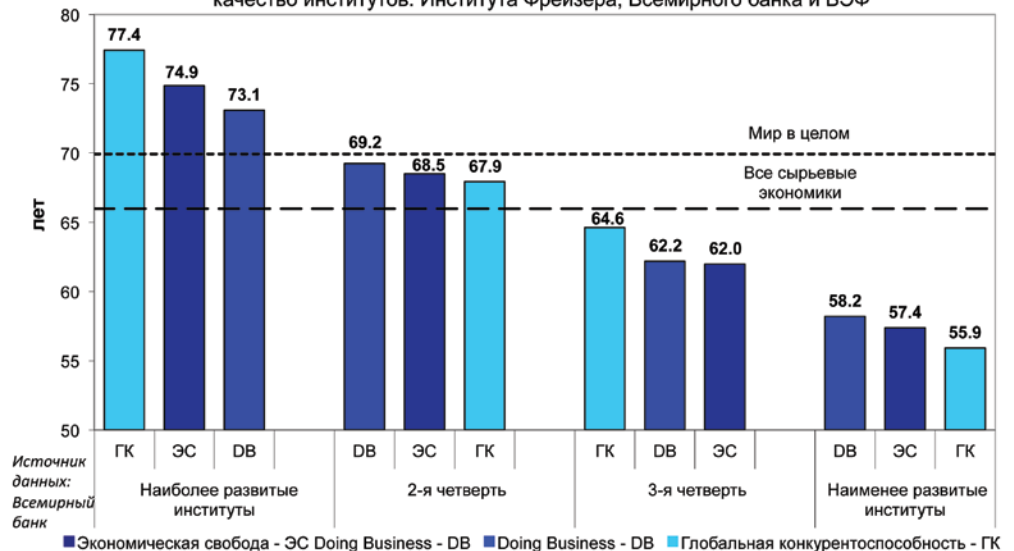

График 1.5

Уровень грамотности в сырьевых экономиках, 2010

Страны сгруппированы в соответствии с их местом в трех рейтингах, измеряющих качество институтов: Института Фрейзера, Всемирного банка и ВЭФ

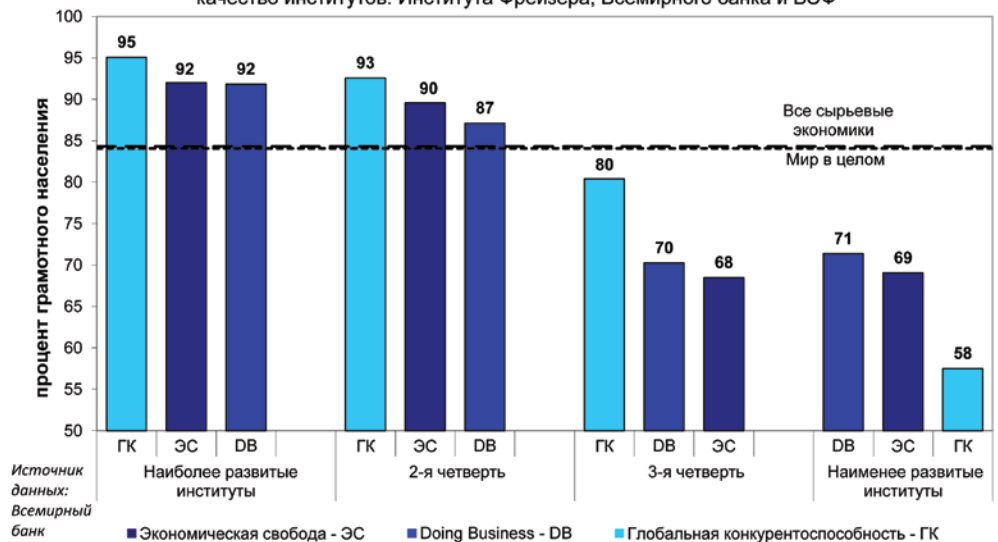

График 1.6

Свобода от коррупции в сырьевых экономиках, 2012

Страны сгруппированы в соответствии с их местом в трех рейтингах, измеряющих качество институтов: Института Фрейзера, Всемирного банка и ВЭФ

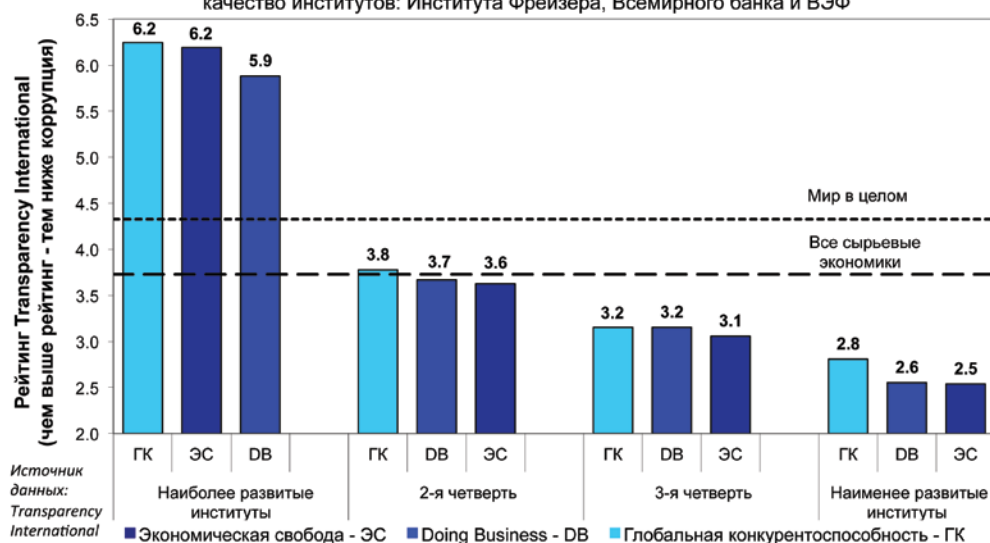

График 1.7

Количество убийств на 100,000 человек в сырьевых экономиках, 2008

Страны сгруппированы в соответствии с их местом в трех рейтингах, измеряющих качество институтов: Института Фрейзера, Всемирного банка и ВЭФ

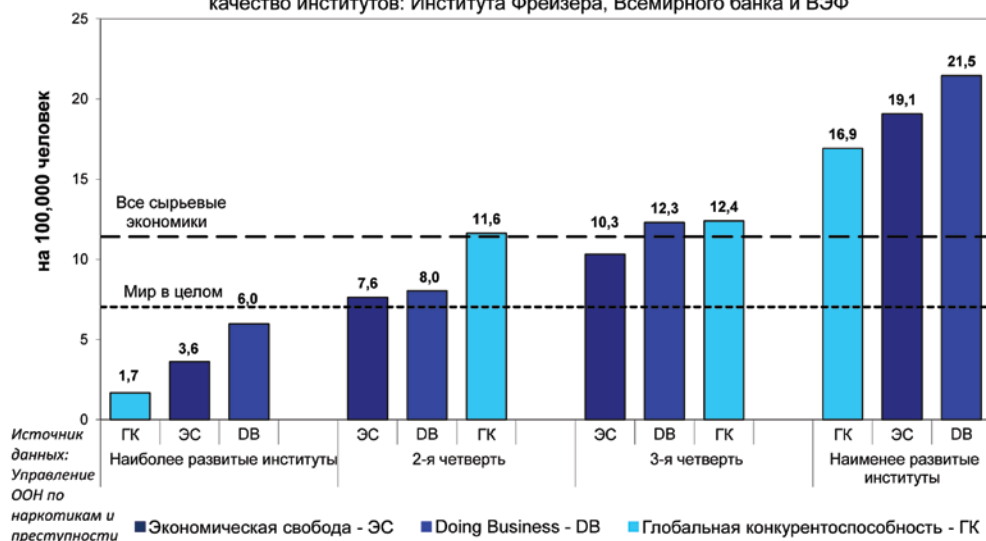

График 1.8

Ущемление гражданских свобод в сырьевых экономиках, 2012

Страны сгруппированы в соответствии с их местом в трех рейтингах, измеряющих качество институтов: Института Фрейзера, Всемирного банка и ВЭФ

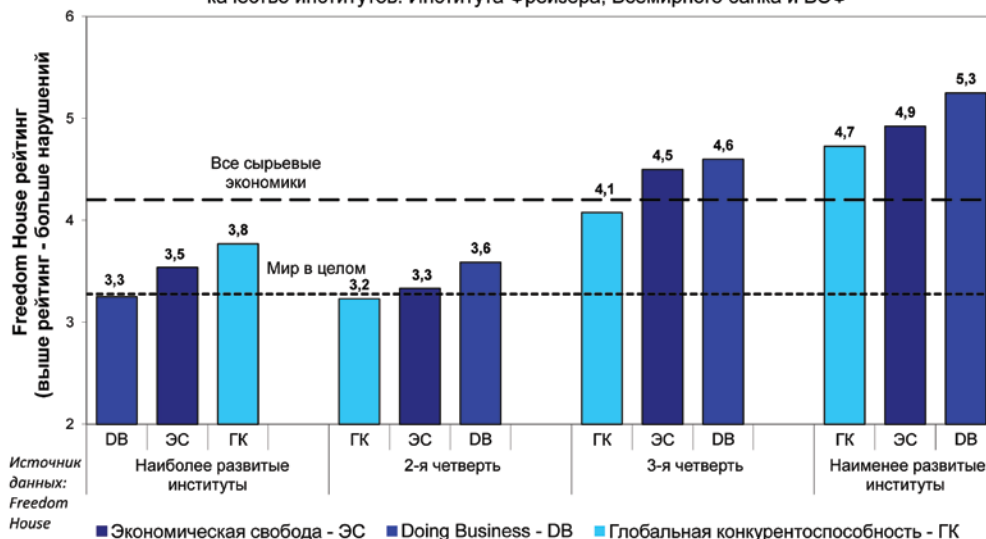

График 1.9

Реальный ВВП на душу населения в нефтегазовых экономиках, 2012
Страны сгруппированы в соответствии с их местом в трех рейтингах, измеряющих качество институтов: Института Фрейзера, Всемирного банка и ВЭФ

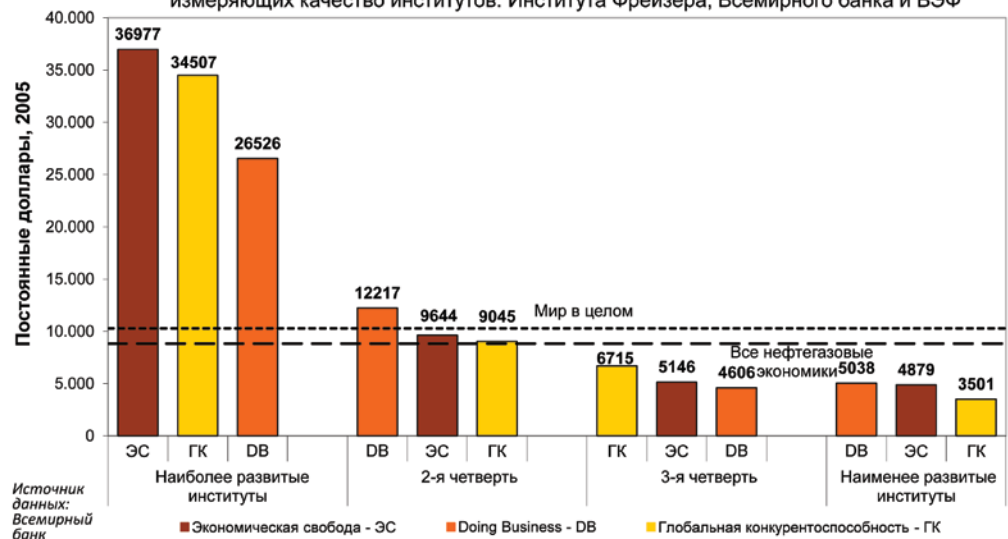

График 1.10

Индекс человеческого благосостояния в нефтегазовых экономиках, 2012
Страны сгруппированы в соответствии с их местом в трех рейтингах, измеряющих качество институтов: Института Фрейзера, Всемирного банка и ВЭФ

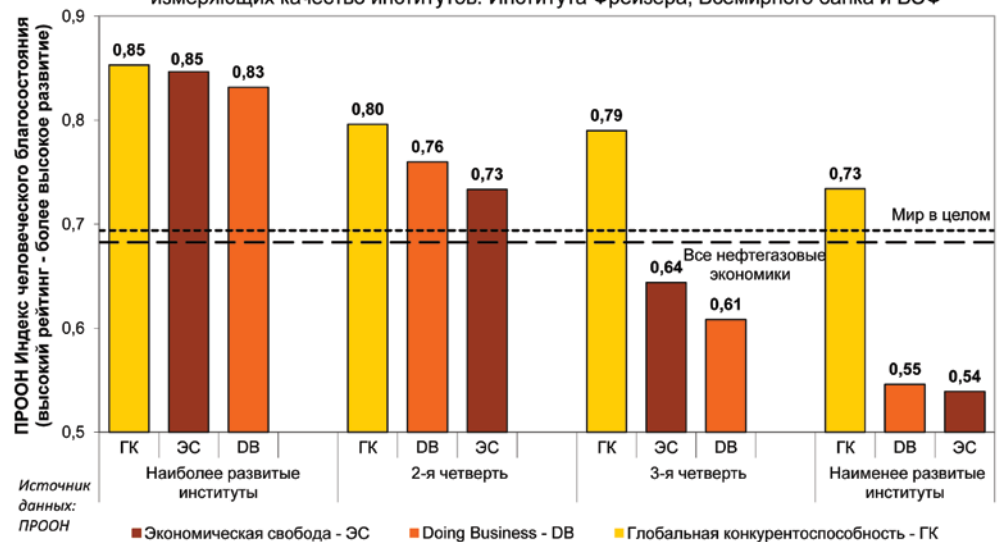

График 1.11

Свобода от коррупции в нефтегазовых экономиках, 2012
Страны сгруппированы в соответствии с их местом в трех рейтингах, измеряющих качество институтов: Института Фрейзера, Всемирного банка и ВЭФ

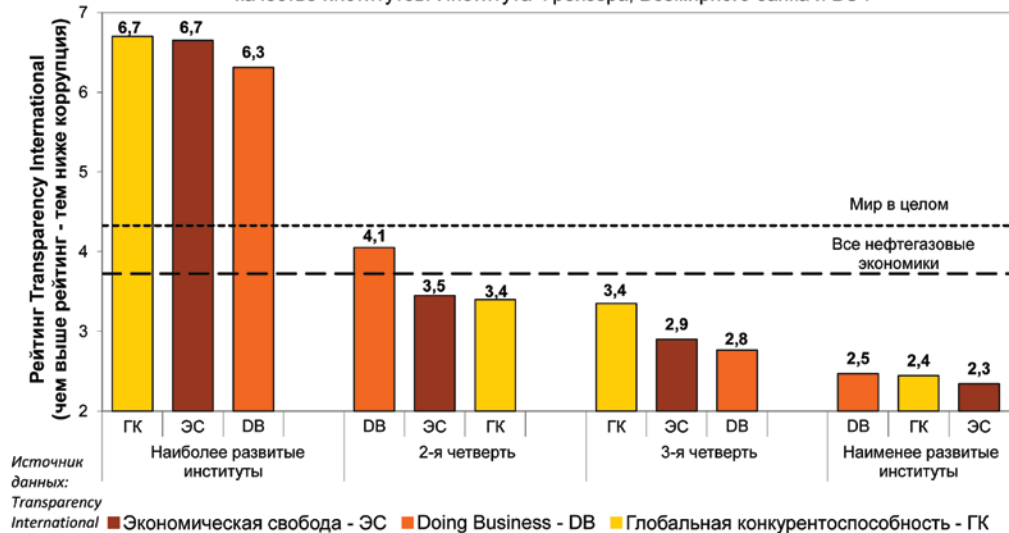

График 1.12

Прямые иностранные инвестиции в нефтегазовых экономиках, 2011

Страны сгруппированы в соответствии с их местом в трех рейтингах, измеряющих качество институтов: Института Фрейзера, Всемирного банка и ВЭФ

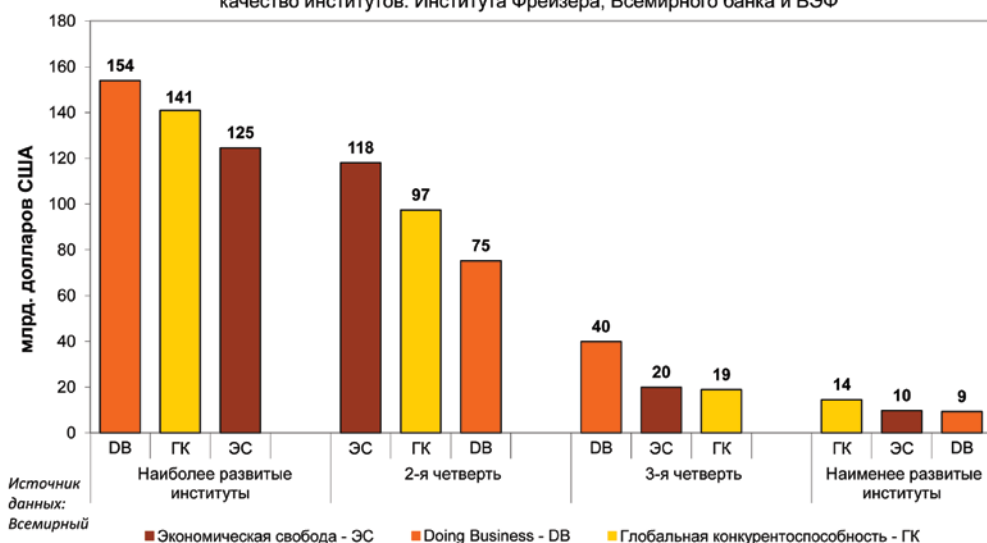

График 1.13

Продолжительность жизни в нефтегазовых экономиках, 2011

Страны сгруппированы в соответствии с их местом в трех рейтингах, измеряющих качество институтов: Института Фрейзера, Всемирного банка и ВЭФ

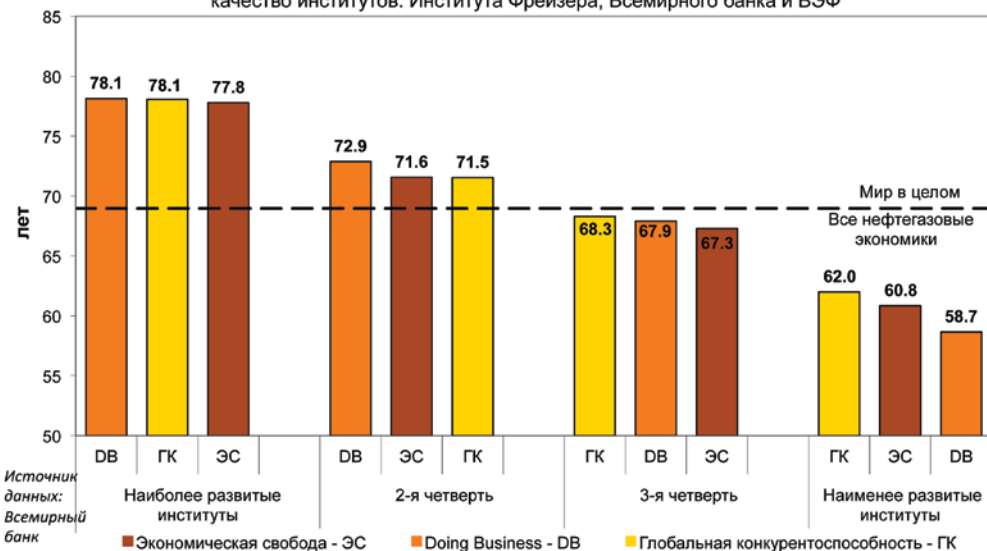

График 1.14

Количество убийств на 100,000 человек в нефтегазовых экономиках, 2008

Страны сгруппированы в соответствии с их местом в трех рейтингах, измеряющих качество институтов: Института Фрейзера, Всемирного банка и ВЭФ

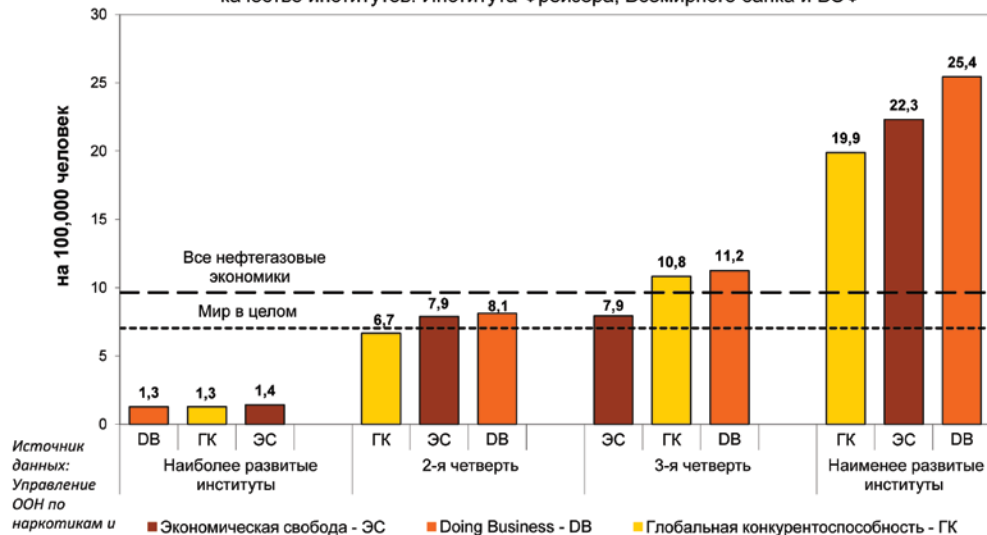

График 1.15

РАЗДЕЛ 2. Экономическая политика

Сравнительный анализ экономических моделей и основополагающих практических мер в сырьевых странах

2.1. Экономическая свобода

Почему экономическая свобода важна и как она оценивается

В 1980-х годах Милтон и Роуз Фридман совместно с экономистом Майклом Уокером организовали серию конференций, посвященных экономической свободе. Их результатом стала публикация первого доклада «Экономическая свобода в мире» (ЭСМ) под эгидой канадского Института Фрейзера. С тех пор ЭСМ стал выходить ежегодно: в нем публикуются данные, отражающие различные факторы, благодаря которым страна может считаться экономически свободной. На сегодняшний день в докладе представлены 144 страны (в них проживает 95 % населения планеты), по которым имеются соответствующие данные. При сборе сведений авторы полагаются на сеть научных учреждений из 85 стран, участвующих в исследовательской работе Института Фрейзера. В настоящее время ЭСМ стал одной из наиболее признанных в мире систем измерения качества институтов. Ряд экономистов и организаций – в частности, МВФ в своем докладе «Перспективы мировой экономики» – используют данные ЭСМ в качестве критерия институционального развития. Главные причины этого – солидный послужной список ЭСМ и широта его охвата. Доклад публикуется уже четверть века, тогда как два других наиболее известных индекса – «Условия для бизнеса» Всемирного банка и доклад Всемирного экономического форума «Конкурентоспособность на мировом рынке» – существуют менее 10 лет. Кроме того, ЭСМ является наиболее полным из индексов, поскольку он включает данные из двух других рейтингов в чис-

ле десятков других источников (подробнее – см. приложение к ЭСМ 2013 с перечнем источников данных).

Что же такое экономическая свобода? Одно из определений принадлежит Джеймсу Гуортни, соавтору доклада «Экономическая свобода в мире»:

«Люди обладают экономической свободой, когда собственность, приобретенная ими без применения силы, мошенничества или воровства, защищена от физических посягательств других и они могут беспрепятственно использовать, обменивать и отдавать свое имущество, если только их действия не нарушают аналогичных прав других людей. В индексе экономической свободы измеряется степень защищенности правомерно приобретенной собственности и участия людей в добровольных транзакциях» (James Gwartney et al., 1996).

Авторы ЭСМ используют 42 категории, характеризующие государственную политику, которые оказывают влияние на уровень экономической свободы. Институт Фрейзера оценивает их на основе количественных характеристик и результатов независимых исследований. Эти данные систематизируются по пяти основным направлениям, определяющим в широком смысле характер институциональной системы, обеспечивающей экономическую свободу:

- верховенство закона и права собственности;
- размер государства и объем налогообложения;
- стабильность монетарной политики;
- регулирование торговли и тарифы;
- регулирование бизнеса, рынков труда и капитала.

Экономическая свобода важна, поскольку она представляет собой одну из основных предпосылок роста и развития. Сравнительный анализ, проводимый Институтом Фрейзера, демонстрирует сильную положительную корреляцию между экономическим ростом и экономической свободой во всех изучаемых странах. Кроме того, она является предпосылкой для других параметров развития. Более высокий уровень экономической свободы позитивно коррелирует с такими индикаторами, как средняя продолжительность жизни, распространение грамотности, гражданские и политические права. В то же время он демонстрирует негативную корреляцию с бедностью и коррупцией (подробнее см. доклад «Экономическая свобода в мире» за 2012 год). Наконец, что также немаловажно, экономическая свобода влияет не только на материальное благосостояние. Экономические права и, конкретнее, права собственности представляют собой неотъемлемый элемент основополагающих прав че-

Экономическая свобода важна, поскольку она представляет собой одну из основных предпосылок роста и развития. Сравнительный анализ, проводимый Институтом Фрейзера, демонстрирует сильную положительную корреляцию между экономическим ростом и экономической свободой во всех изучаемых странах.

ловека. Таким образом, в отсутствие экономической свободы систему гражданских и политических прав нельзя считать полноценной.

Влияние экономической свободы на рост и развитие в странах, богатых полезными ископаемыми

Как же обстоит дело с экономической свободой в странах, богатых природными ресурсами? Когда видишь, какие десять стран замыкают список в рейтинге экономической свободы, может показаться, что гипотеза о «сырьевом проклятии» достоверна. Восемь из них явно относятся к категории богатыми ресурсами государств: Мозамбик, Алжир, Демократическая Республика Конго (бывший Заир), Ангола, Республика Конго, Зимбабве, Мьянма (Бирма), а последнее место в мире по уровню экономической свободы занимает Венесуэла. Однако эта картина становится не столь мрачной, если обратиться к перечню десяти самых свободных экономик. Половину из них составляют богатые природными ресурсами страны: Австралия, Канада, Бахрейн, Финляндия, Чили. Таким образом, речь, судя по всему, идет не о «сырьевом проклятии», а о сырьевой поляризации, соответствующей модели Мелума – Мойна – Торвика относительно производителей и «хапуг», в рамках которой богатые ресурсами страны с дефектными институтами демонстрируют худшие показатели по сравнению с государствами, обделенными природными богатствами, с таким же уровнем институционального развития. В то же время для сырьевых экономик с более развитыми институтами полезные ископаемые могут стать ускорителями развития.

Роли институтов, определяющих общий уровень экономической свободы и влияющих на рост в странах с сырьевой экономикой, уделил внимание ряд ученых. Среди таких работ следует назвать Krueger et al. (1991), Lal and Myint (1996), Easterly and Levine (1997), McMahon (1997), Mikesell (1997), Auty (1998), Ross (1999 и 2001), Atkinson and Hamilton (2003). Подавляющее большинство из этих авторов приходит к выводу, что в богатых природными ресурсами странах институциональное развитие демонстрирует сильную позитивную корреляцию с экономическим успехом. Механизмы, через которые экономическая свобода способствует росту и развитию, в основном связаны с ее воздействием на присвоение ренты. Гарантированные права собственности, справедливая и эффективная система, обеспечивающая выполнение контрактов, свобода торговли, ограничение возможностей государства по перераспределению богатств за счет субсидий и регулирования на практике снижают уровень доходов от непродуктивной предпринимательской деятельности. С другой стороны, чем сильнее эти институты, тем прибыльнее становится создание стоимости за счет производства, а не «хапужничества».

Экономическая свобода и характеризующие ее институты способны стимулировать рост в богатых природными ресурсами странах и по дру-

гим причинам. Как мы отмечали выше, и «голландская болезнь», и негативное воздействие нестабильности цен представляют собой, по сути, институциональные, а не чисто экономические проблемы. И то и другое становится проблемой при конкретных обстоятельствах, как правило, связанных с институциональными изъянами. Наконец, еще один канал, через который экономическая свобода может способствовать росту и развитию, – это снижение конфликтности. Гарцке (Gartzke, 2005) установил, что экономические институты намного эффективнее, чем внеэкономические, обеспечивают сокращение уровня насилия. Другая работа (Tules, 2003) демонстрирует, что более высокий уровень экономической свободы приводит к сокращению вероятности внутренних и международных конфликтов по всему миру.

Развивая успех своего индекса «Экономическая свобода в мире» (ЭСМ), Институт Фрейзера начал публиковать ежегодный «Обзор по горнодобывающим компаниям», где анализируется инвестиционный климат в горнодобывающих экономиках, и «Глобальный нефтяной обзор» – ежегодный опрос руководителей нефтяных предприятий относительно барьеров на пути инвестиций в нефте- и газодобывающие регионы по всему миру. Позднее под эгидой Института Фрейзера вышла работа Луи-Филиппа Белана и Раджа Тиаги под названием «Экономическая свобода и «сырьевое проклятие»: эмпирический анализ» (Beland and Tiagi, 2009). В ней исследуется корреляция экономической свободы (по индексу ЭСМ) с ростом в странах, где высока доля доходов, получаемых от экспорта металлов и руд (речь идет о горнодобывающих, но не нефтегазовых экономиках). В работе использовались данные Всемирного банка о реальном ВВП на душу населения в соответствующих государствах с 1970 по 2006 год.

Серия регрессий, выполненных авторами, включала анализ эффекта взаимодействия, чтобы установить, как институты влияют на последствия наличия природных ресурсов в плане экономического роста. В результате выяснилось, что эффект взаимодействия носит существенный и позитивный характер. Эконометрический анализ Белана и Тиаги (Beland and Tiagi, 2009) говорит о том, что в странах с низкими показателями экономической свободы природные ресурсы становятся препятствием для роста, а страны с высоким уровнем экономической свободы демонстрируют существенно лучшие результаты. Они даже обгоняют сопоставимые государства, обделенные природными ресурсами, с таким же рейтингом в ЭСМ. Кроме того, полученные результаты показывают: **страна – экспортер полезных ископаемых способна ликвидировать отставание в экономическом развитии, если она повысит уровень экономической свободы. Даже сравнительно небольшое улучшение в этой области дает**

Страна – экспортер полезных ископаемых способна ликвидировать отставание в экономическом развитии, если она повысит уровень экономической свободы. Даже сравнительно небольшое улучшение в этой области дает позитивные и довольно значительные результаты.

Наш анализ указывает на сильную позитивную корреляцию экономической свободы в сырьевых экономиках с уровнем реального среднедушевого ВВП (по паритету покупательной способности), а также другими экономическими и социальными индикаторами.

позитивные и довольно значительные результаты.

Все это соответствует вышеописанной модели Меллума – Мойна – Торвика, предполагающей эффект умножения, в соответствии с которым как позитивные, так и негативные тенденции усиливаются: содействующие производителям институты стимулируют производство, а институты, дружественные «хапугам», ему препятствуют (Mehlum et al., 2006).

Наш собственный анализ мы провели с использованием более свежих данных по расширенному кругу стран (включив нефтегазовые экономики).

Как и в предыдущей главе, мы подразделяем сырьевые и нефтегазовые экономики на четыре равные группы в соответствии с их рейтингом экономической свободы. Затем мы сравниваем показатели этих четырех групп на основе тех же восьми параметров в качестве единиц измерения экономического и социального развития: реальный ВВП на душу населения (по паритету покупательной способности); прямые иностранные инвестиции; индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП); средняя продолжительность жизни; уровень грамотности; свобода от коррупции; количество убийств на 100 000 населения; рейтинг нарушений гражданских свобод (см. графики 1.1–1.15 на стр. 27–31).

Наш анализ указывает на сильную позитивную корреляцию экономической свободы в сырьевых экономиках с уровнем реального среднедушевого ВВП (по паритету покупательной способности), а также другими экономическими и социальными индикаторами. Как и в двух других институциональных рейтингах, во всех группах и по всем параметрам страны с более высоким уровнем экономической свободы демонстрируют и более высокий уровень реального среднедушевого ВВП, развития человеческого потенциала, средней продолжительности жизни,

Самый важный вывод, основанный на проведенных на сегодняшний день исследованиях, а также наших собственных изысканиях, заключается в том, что социально-экономические результаты стран с сырьевой экономикой зависят в первую очередь от развитости их институциональной системы, лучшим показателем которой является экономическая свобода.

инвестиций и гражданских прав. Там, где степень экономической свободы выше, наблюдается более низкий уровень преступности, коррупции и неграмотности. Подборку графиков, показывающих полученные результаты, см. в иллюстрациях к разделу 1 выше (графики 1.1–1.15 на стр. 27–31). На ту же тенденцию указывают сделанные нами эконометрические регрессии данных по сырьевым экономикам. **Самый важный вывод, основанный на проведенных на сегодняшний день исследованиях, а также наших собственных изысканиях, заключается в том, что социально-экономические результаты стран с сырьевой экономикой зависят в первую очередь от развитости их институциональной си-**

стемы, лучшим показателем которой является экономическая свобода. Следующие главы данного доклада посвящены некоторым ключевым практическим аспектам государственной политики, а также примерам из опыта достижения странами – экспортерами природных ресурсов высокого уровня институционального развития.

2.2. Доля и роль государства

Влияние доли государственной собственности в добывающих отраслях на общие экономические результаты

Эволюция роли и масштаба государства в XX веке изучалась рядом экономистов, в частности сотрудником МВФ Вито Танци (Tanzi, 2000; Tanzi and Schuknecht, 2000), экономическим обозревателем Financial Times Мартином Вулфом (Wolf, 2001), Дэниелом Дж. Митчеллом из Института Катона (Mitchell, 2005; Mitchell and Edwards, 2010), а также Джеймсом Гуртнери и его коллегами из Института Фрейзера (Gwartney et al., 1998 и 2006). Основываясь на некоторых из этих работ, мы предлагаем выделить следующие три общие категории деятельности государства, представляющие собой **каналы, через которые эта деятельность воздействует на рост.**

Регулирование. Влияние этой сферы деятельности государства особенно велико. Некоторые направления деятельности госструктур – например, независимые суды и правоохранительные органы – крайне важны для эффективного функционирования институциональной системы (как мы его обрисовали выше). Однако чем больше та или иная сфера регулирования отстранена от основных функций государства, тем больше вероятность ее негативного воздействия на экономический рост. Регулирование обладает эффектом умножения как позитивного, так и негативного действия: эффективное регулирование, укрепляющее законность, может дать толчок развитию экономики, но при этом даже небольшие госструктуры способны создать серьезные препятствия развитию за счет бюрократической волокиты, создания помех и искажения рыночных механизмов.

Перераспределение. Процесс налогообложения индивидов и бизнеса и расходования полученных средств в рамках различных государственных программ сопряжен с несколькими видами издержек. Среди таких издержек, перечисленных Дэниелом Дж. Митчеллом (Mitchell, 2005), можно назвать:

а) *издержки замещения:* государство не может тратить деньги, не изъяв их у кого-то, а потому государственные инвестиции подменяют собой активность в частном секторе;

b) *поведенческие издержки от субсидий*: государство субсидирует экономически нежелательное поведение людей – например, высокие пособия по безработице стимулируют некоторых людей к тому, чтобы не искать работу;

c) *стагнационные издержки*: субсидии зачастую препятствуют инновациям, сдерживая шумпетеровское «созидательное разрушение», поскольку государственные программы из-за централизации и бюрократизма лишены гибкости.

Собственность. Речь идет о том, когда предприятия, принадлежащие государству, либо становятся с его помощью монополистами, либо конкурируют с частными компаниями. Неэффективность госпредприятий способна повлиять на экономику в целом несколькими способами: за счет меньшей эффективности, чем в частном секторе, вытеснения частных инвестиций и монополизации тех или иных секторов.

Как мы уже говорили, страны с сырьевой экономикой особенно подвержены чрезмерному государственному вмешательству. Оно осуществляется по всем трем каналам: через регулирование, перераспределение и государственную собственность. Канал регулирования, обладающий мощным эффектом умножения, мы уже рассмотрели. В странах с сырьевой экономикой умножающий эффект регулирования, как позитивный (укрепление законности), так и негативный (неэффективность, присвоение ренты), особенно выражен. Другие два канала – перераспределительная деятельность государства и государственная собственность – также имеют в таких странах большое влияние. Сейчас нам стоит подробнее остановиться на том, как различные формы собственности в добывающих отраслях (государственная, частная и смешанная), а также меры, связанные с перераспределением (например, создание стабилизационных фондов и государственные инвестиции), могут воздействовать на совокупный экономический рост и развитие в сырьевых странах.

Организация стран – экспортеров нефти (ОПЕК) была создана в 1960 году. На деле она превратилась в клуб стран, в чьих нефтяных секторах господствует государство. С тех пор в мировой нефтегазовой промышленности произошла значительная эволюция структуры собственности. Во многих развивающихся странах, на долю которых приходится большая часть общемировой добычи углеводородов, власти взяли нефтегазовые сектора под контроль за счет экспроприаций, национализации или изменения условий договоров с международными компаниями. В результате в этой отрасли государству принадлежат не только ресурсы в недрах земли, но и корпорации, добывающие большую часть нефти и газа. Последние часто называют национальными нефтяными компаниями (ННК), а крупные частные международные корпорации – транснациональными нефтяными компаниями. Преобладание ННК в отрасли

обусловлено рядом причин. Зачастую оно продиктовано популистскими мотивами, например сырьевым национализмом. В данном докладе нас интересует сравнение экономических результатов, достигнутых нефтедобывающими странами, взявшими на вооружение разные модели собственности и организации сектора. Таким образом, мы стремимся отделить вопрос об общей эффективности управления от политических настроений. Мы согласны со следующим утверждением Торвальдура Гюльфасона из Исландского университета:

«Для экономического роста, судя по всему, важно не изобилие природных ресурсов как таковое, а качество управления ими, а также экономического управления и институтов в целом» (Gylfason, 2001, p. 1).

Поэтому мы решили сравнить экономические индикаторы стран – экспортеров нефти, распределив их по четырем группам по структуре владения нефтяной промышленностью. Эту структуру мы определяем по объемам совокупной добычи нефти и газа частными и государственными компаниями. Мы сравнили некоторые из крупнейших нефтедобывающих стран, являющихся нетто-экспортерами черного золота, а значит, подпадающих под определение нефтяных экономик. Эти четыре группы таковы: с преобладанием частной собственности (семь стран, в которых более 80 % добычи углеводородов приходится на долю частных компаний), со смешанной собственностью (десять стран, включая Россию, где от 20 до 80 % добычи осуществляется частными компаниями), с государственным контролем (семь стран, где более 80 % углеводородов добывается госкомпаниями) и модель Персидского залива (шесть государств, входящих в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ)). Полный список стран по группам см. в приложении. В следующей главе мы объясним, почему мы выделили страны Залива (ССАГПЗ) из группы стран с государственным контролем над нефтегазовым сектором. Результаты нашего анализа позволяют говорить о наличии четкой тенденции: **в странах, где нефтяные компании находятся в частных руках, среднедушевые доходы оказываются выше, а в странах, где сектор контролирует государство, уровень реального ВВП на душу населения существенно ниже** (см. графики 2.1–2.9 на стр. 55–57).

Мы также провели целевой сравнительный анализ деятельности крупнейших нефтяных компаний мира по одному важнейшему параметру, характеризующему ее результаты, – чистому доходу от барреля добытого нефтяного эквивалента (этот показатель обозначает совокупную добычу нефти и газа). Выяснилось, что **средний доход на баррель у девяти крупнейших частных нефтяных компаний в два с лишним раза больше, чем у девяти крупней-**

В странах, где нефтяные компании находятся в частных руках, среднедушевые доходы оказываются выше, а в странах, где сектор контролирует государство, уровень реального ВВП на душу населения существенно ниже.

Средний доход на баррель у девяти крупнейших частных нефтяных компаний в два с лишним раза больше, чем у девяти крупнейших государственных нефтяных корпораций.

ших государственных нефтяных корпораций (соответственно 19,1 и 8,8 доллара США на баррель, при этом объем добычи каждой из компаний превышает 1,5 миллиона баррелей в сутки; см. график 2.10 на стр. 46). Следует также отметить, что эти результаты достигнуты в явно неравных условиях. Большинство государственных нефтяных компаний работает на территории собственных стран, находясь в благоприятных условиях и имея доступ к более круп-

ным и качественным запасам углеводородов, чего не скажешь о большей части частных компаний. Последним удается работать эффективнее государственных производителей несмотря на то, что они, как правило, действуют в более жестких условиях, платя больше налогов, сталкиваясь с внезапными изменениями условий контрактов, а порой даже с отзывом лицензий и экспроприациями.

Перечисленные цифры говорят сами за себя, но и в последнее время баланс в структуре владения нефтяными компаниями продолжал смещаться в сторону государственной собственности. Хотя пик национализации (он пришелся на 1960–1970-е годы) давно позади, идея сырьевого национализма по-прежнему пользуется большим влиянием. Парадокс в том, что, по всем данным, когда нефте- и газодобыча находится в частных руках, значительно выше оказываются не только доходы самих компаний, но и поступления в государственную казну на баррель углеводородов. Как видно из примеров **Ирана, Венесуэлы и Мексики**, длительная государственная монополия в нефтяной промышленности ведет к ее стагнации и общему снижению доходов государства. Весьма нагляден в этом отношении случай с мексиканской компанией «Пемекс» (Pemex). Нефтяной сектор в стране был национализирован еще в 1930-х годах, так что эту корпорацию можно считать одним из старейших государственных монополистов в мире. Общие результаты ее деятельности весьма красноречивы: даже в условиях высоких нефтяных цен работа компании в 2012 году оказалась на грани убыточности (ее прибыль на баррель нефти составила всего 10 центов США – см. график 2.10 на стр. 58). А до 2012 «Пемекс» в течение нескольких лет вообще работала с убытком. В то же время примеры **Австралии и Канады** (где после повышения объемов добычи углеводородов в последние годы наблюдается динамичный экономический рост, в то время как большинство стран ОЭСР борются с рецессией), а также США с их сланцевой революцией демонстрируют преимущества частной собственности в энергетическом секторе.

Здесь уместно одно замечание. Хотя, как мы только что указали, практический опыт однозначно говорит в пользу частной собственности в области добычи природных ресурсов, эту модель нельзя считать панацеей. Выше мы подчеркивали, что ключевым элементом эффективной эконо-

мической модели для стран – экспортеров сырья являются институты. **В отсутствие прочных и прозрачных институтов частные компании быстро коррумпируются за счет присвоения ренты**, поскольку «хапужничество» оказывается выгоднее продуктивной предпринимательской деятельности. В результате возникает структура, которая на первый взгляд кажется частной собственностью, но на деле представляет собой систему связанных с государством групповых интересов и кланов. Более того, в определенных условиях и в рамках правильной политики некоторые госкорпорации добиваются впечатляющих результатов. Здесь важна организация конкретной компании и особенно институциональная среда, в которой она действует. Госкомпании, наладившие масштабное и долгосрочное партнерство с международными корпорациями, как правило, действуют намного успешнее, чем государственные предприятия, развивающиеся в условиях автаркии. Наилучший пример этого – малайзийская компания «Петронас» (Petronas), полностью принадлежащая государству, но уже не одно десятилетие опирающаяся на альянсы с иностранными корпорациями. Это помогает ей эффективно управлять нефтегазовым сектором Малайзии и динамично расширять свой бизнес в стране и за рубежом. Международные альянсы позволяют Малайзии сохранять конкурентное преимущество на мировом рынке, став, к примеру, одним из ведущих экспортеров сжиженного природного газа. Ряд организаций занимается изучением государственного управления в добывающих отраслях. Одной из таких организаций является норвежский проект «Нефть для развития» (Oil for Development). Подробнее см. Nore (2009).

В отсутствие прочных и прозрачных институтов частные компании быстро коррумпируются за счет присвоения ренты.

Частные компании демонстрируют лучшие результаты не только в нефтяных экономиках: об этом же свидетельствует опыт стран, имеющих значительный горнодобывающий сектор. Так, **Индонезия**, открыв свою горнодобывающую промышленность для частных инвестиций, сумела меньше чем за десять лет увеличить добычу золота, олова и никеля примерно на 50 %. Правительству Индонезии удалось повысить доходы казны от горнодобывающего сектора почти в пять раз – с 700 миллионов долларов в 2000 году до 3,4 миллиарда долларов в 2006-м, снизив при этом (что совсем не случайно) общие ставки налогов и лицензионных платежей для горнодобывающих компаний с 60 до 45 %. **Армении** удалось выйти на одно из первых мест в мире по производству молибдена после того, как государство продало крупнейший в стране перерабатывающий комбинат частному консорциуму армянских и немецких компаний, что позволило увеличить выпуск продукции. Сегодня рудниками в Армении управляют 12 частных компаний, и на их долю приходится 17 % объема промышленного производства в стране, что вносит существенный вклад в ее динамичное экономическое развитие.

В 2006 году Эрика Вайнталь из Университета Дьюка и Полин Джонс-Люонг из Университета Брауна опубликовали работу под названием «Борьба с “сырьевым проклятием”: альтернативный путь управления ископаемыми богатствами» (Combating the Resource Curse: An Alternative Solution to Managing Mineral Wealth) (Weinthal and Luong, 2006), в которой они призвали правительства нефтедобывающих стран к смене основной парадигмы. По мнению авторов, увеличение доли частной собственности в отрасли позволит повысить как общую эффективность ее деятельности, так и государственные доходы. Они утверждают: чтобы избежать проблемы с сырьевым национализмом, важно, чтобы национальные компании находились в частной собственности отечественных владельцев. В третьем разделе данного доклада мы рассмотрим примеры некоторых стран, сумевших избежать ловушки неэффективности в управлении своими нефтегазовыми ресурсами.

Тратить или не тратить? Стабилизационные фонды, диверсификация и государственные капиталовложения в странах с сырьевой экономикой

Следует ли государству выделять часть доходов от экспорта полезных ископаемых в специальный фонд, чтобы смягчить последствия «голландской болезни» и накопить средства на черный день? В последние десятилетия идея стабилизационных фондов, несомненно, набрала популярность, и некоторые страны успешно развивают подобные структуры. Результаты сравнения ситуации в государствах, имеющих и не имеющих такие институты, в некоторой степени свидетельствуют в пользу наличия стабилизационных фондов.

Это, однако, не должно отвлекать внимание (хотя именно так часто и происходит) от основополагающего вопроса институционального развития. **Стабилизационные фонды при правильном использовании с должным уровнем самодисциплины могут быть полезным инструментом экономической политики. Но они не панацея.** Как мы показали выше, и «голландская болезнь», и негативное воздействие нестабильности цен по сути представляют собой институциональные, а не чисто экономические проблемы. Поэтому для них надо искать институциональное решение. Более свободная экономическая среда с равными возможностями стимулирует частные инвестиции в несырьевые отрасли путем увеличения предпринимательской активности и инноваций. Кроме того, экономическая свобода может способствовать смягчению эффекта «голландской болезни» благодаря ослаблению конкурентной борьбы за зарплаты и капиталы и увеличению предложения капитала и рабочей силы посредством снятия ограничений на их движение. Что же касается ценовой нестабильности, уязвимость к колебаниям цен тоже снижается, поскольку более свобод-

ная экономика меньше зависит от перераспределения и государственных выплат. Частные фирмы лучше справляются с последствиями нестабильности цен на сырье, чем госкорпорации.

В 1966–1989 годах первое место в мире по темпам экономического роста занимала **Ботсвана**: за этот период одно из беднейших государств планеты превратилось в страну с достаточно высоким доходом на душу населения (график 3.9 на стр. 73). Этот успех в основном был связан с укреплением институтов и разумным распоряжением доходами от добычи алмазов (в Ботсване находится почти четверть общемировых запасов алмазов). Ботсвана придерживается стратегии фиксированных государственных расходов, что позволяет правительству накапливать излишки доходов в периоды бума. Эти неизрасходованные излишки переводятся в Резервный фонд Ботсваны. К середине 1990-х процентные выплаты по этим резервам стали крупнейшим источником доходов государства после доходов от торговли алмазами. С 1976 по 2008 год валютные резервы страны выросли с 75 миллионов до 10 миллиардов долларов США, что равняется сумме ее импорта за три года. Это ослабляет воздействие нестабильности цен, позволяя властям сохранять прежний уровень государственных расходов в периоды спада на рынке сырья. Существуют и другие примеры того, как стабилизационные и суверенные фонды становились существенным подспорьем для государства – в таких странах, как **Норвегия, Малайзия и Оман**. В **России** Стабилизационный фонд помог стране пережить бурю финансового кризиса и падения нефтяных цен в 2008–2009 годах, став для ее экономики резервом на случай экономических неурядиц. Тему суверенных фондов России мы затронем в заключительном разделе доклада.

Стабилизационные фонды при правильном использовании с должным уровнем самодисциплины могут быть полезным инструментом экономической политики. Но они не панацея.

Подведем итоги. Стабилизационные фонды при правильной организации и управлении могут выполнять следующие задачи:

- изымать из обращения часть притока доходов в периоды высоких цен на сырье и сдерживать повышение курса национальной валюты, которое является одним из основных следствий «голландской болезни»;
- сдерживать риски, связанные с ценовой нестабильностью, и поддерживать уровень государственных расходов во время спадов;
- способствовать бюджетной дисциплине за счет ограничения государственных расходов.

Способность стабилизационного фонда обеспечивать эти цели очень во многом зависит от степени его защищенности от политического давления. А это, естественно, опять же связано с качеством институтов. Если они слабы, а присвоение ренты распространено, стаби-

лизационный фонд просто станет еще одним механизмом перераспределения доходов от полезных ископаемых в пользу людей с политическими связями.

Даже если допустить, что правительство способно к достаточному самоограничению, обеспечивая стабилизационному фонду должную независимость, это не снимает вопроса о том, что делать с накопленными доходами. Во многих странах, имеющих стабилизационные фонды, этот вопрос становится предметом активной общенациональной дискуссии. Независимо от исхода этих споров уже то, что они происходят, следует рассматривать как позитивное событие. Лучше обсуждать, как потратить доходы от экспорта полезных ископаемых, чем механически утверждать любые программы государственных расходов. Предложений по расходованию накопленных резервов выдвигается много. В разных странах они значительно варьируются: это зависит от действующей там социально-политической системы, существующего уровня доходов и иных национальных особенностей. Ниже мы приводим наиболее часто встречающиеся предложения с нашими комментариями.

Государственные инвестиции. Если деньги из стабилизационного фонда тратятся на государственные проекты, он превращается просто в дымовую завесу для увеличения госрасходов. Подобная политика вредна по двум причинам. Во-первых, она не дает фонду решать свою главную задачу частичного выведения из экономического оборота излишней денежной массы, особенно в периоды повышения цен на сырье. Если деньги тратятся немедленно, фонд становится бесполезен в борьбе с «голландской болезнью». Во-вторых, такое использование фонда для финансирования прямых государственных инвестиций зачастую приводит к расходованию средств на масштабное инфраструктурное строительство и разного рода проекты для повышения престижа государства. Такой подход отчасти опирается на кейнсианскую экономическую теорию, хотя, как правило, речь идет о доведении идей Джона Мейнарда Кейнса до крайности, о которой он сам и не помышлял. Идея о способности государства стимулировать рост за счет увеличения расходов (или повышения покупательной способности экономики, как это хитроумно называют политики) пользовалась популярностью лет сорок назад. С тех пор практический опыт и здравый смысл работали в основном против этой модели. Ряд исследований также продемонстрировал теоретическую ошибочность подобного подхода (см., например, Hansson and Henrekson, 1994; Blanchard and Perotti, 2002). Государственные инвестиции создают иллюзию ускорения. Во-первых, как мы уже подчеркивали, государство, чтобы тратить деньги, должно сначала их у кого-то изъять. Государственные инвестиции замещают активность частного сектора. Во-вторых, экономический рост – это следствие повышения производительности труда. **Опыт подсказывает, что инвестиции в государственные проекты не повышают**

общую эффективность, а снижают ее. Несмотря на все это, инициативы, связанные с государственными инвестициями, по-прежнему пользуются спросом у политиков – просто потому, что они позволяют увеличить их собственную популярность, а также дают прекрасную возможность для получения ренты и реализации коррупционных схем.

Опыт подсказывает, что инвестиции в государственные проекты не повышают общую эффективность, а снижают ее.

Диверсификация – «назначение» победителей. Поскольку необходимость прямых государственных инвестиций часто бывает трудно обосновать из-за их дурной репутации, некоторые правительства берут на вооружение более изощренный подход. Его зачастую называют поддержкой отечественных производителей, или диверсификацией, и речь идет о поддержке компаний в некоторых секторах за счет субсидий и займов. Эти меры отстаиваются с помощью аргументов о том, что диверсифицированная экономика менее уязвима перед лицом нестабильности цен, а потому более устойчива. Исходный посыл здесь вполне логичен. При прочих равных условиях диверсифицированные экономики, как правило, отличаются более сбалансированной траекторией роста, а зачастую и более высокими его темпами. Но, как обычно, все дело в деталях. Диверсификация – это средство достижения цели, а именно увеличения темпов роста благодаря повышению экономической эффективности. Проблема с диверсификацией, субсидируемой государством, состоит в том, что она переворачивает эту логику с ног на голову: диверсификация становится самоцелью государственной политики. **Диверсификация имеет смысл, когда она повышает эффективность экономики в целом, а это практически невозможно, если победителей «назначает» государство.** Отсутствие диверсификации в экономике страны – результат недостаточной эффективности (а также бюрократизма), не позволяющей предпринимателям прибыльно работать в других секторах. Закачивание денег в эти сектора не решает, а только усугубляет проблему с эффективностью. Как указывают Сарраф и Дживанджи (Sarraff and Jiwanji, 2001), «правительства, как правило, вкладывают средства в проекты с меньшим уровнем доходов по сравнению с частным сектором». Кроме того, диверсификация руками государства подвержена тем же проблемам с присвоением ренты и коррупцией, что и прямые госинвестиции и инфраструктурные программы.

Суверенные фонды. В отличие от двух предыдущих вариантов эта стратегия зачастую неудобна для властей в политическом плане из-за критики, которую она вызывает. Вложение части экспортных доходов на международном рынке акций и облигаций порой расценивается как непатриотичный шаг. Несмотря на это, у такой политики есть по крайней

Диверсификация имеет смысл, когда она повышает эффективность экономики в целом, а это практически невозможно, если победителей «назначает» государство.

мере одно преимущество. Она может стать частичным решением проблемы «голландской болезни» путем выведения из оборота излишней денежной массы в периоды повышения цен на сырье и притока иностранной валюты. Кое-кто также утверждает, что такая стратегия позволяет дистанцироваться от отечественных групповых интересов и потому менее подвержена присвоению ренты. Ее более приемлемым в политическом плане вариантом является создание суверенного фонда, построенного в максимальной степени по образцу частных инвестиционных фондов, с той разницей, что бенефициаром в данном случае становится государство. Инвестиционная стратегия такого фонда не имеет конкретной географической привязки. Его средства вкладываются и внутри страны, и за рубежом, и главная цель состоит в получении максимального дохода. Суверенные фонды действуют в ряде стран – как богатых природными ресурсами, так и небогатых. Результаты их деятельности, как правило, оцениваются по-разному. У некоторых таких структур уровень доходности сравним с частными хеджинговыми фондами и инвестиционными компаниями, у других оказывается ниже. Кроме того, некоторые из них на деле представляют собой фонды фондов: сам инвестиционный процесс там передается частным фондам путем приобретения долей в них.

Таким образом нам представляется, что суверенные фонды при наличии квалифицированных менеджеров и максимально возможной удаленности этих структур от политического процесса – наилучший из перечисленных выше вариантов. Но являются ли они оптимальным инструментом для управления государственными доходами – вопрос открытый. Можно утверждать, что странам, почти полностью зависящим от экспорта одного вида полезных ископаемых, таким как Ботсвана или Оман, необходимо иметь солидные финансовые резервы для поддержания государственных расходов в условиях низких цен на это сырье. Для них создание ограниченного фонда на крайний случай – хорошая идея.

Но где здесь предел? Что делать, если резервы фонда продолжают расти на волне высоких цен? Следует ли государству сократить объем средств, направляемых в фонд, или даже приостановить их выделение, когда его размер достигнет определенного уровня? Все это отнюдь не ри-

Таким образом нам представляется, что суверенные фонды при наличии квалифицированных менеджеров и максимально возможной удаленности этих структур от политического процесса – наилучший из перечисленных выше вариантов.

торические вопросы. Ведущим суверенным фондом в мире является Государственный пенсионный фонд Норвегии. Объем его накоплений все время продолжает расти. Но, похоже, у норвежского правительства нет ответа на вопрос, что делать с накопленными средствами. Очевидно одно: если государство обеспечивает сбалансированность бюджета в то время, как в суверенный фонд поступает все больше денег, это означает, что оно извлекает из экономики намного больше средств, чем необходимо для выпол-

нения его собственных обязательств. Тогда возникает следующий вопрос: надо ли государству продолжать выводить из экономики так много средств, если оно даже не знает, как распорядиться этими деньгами? Может быть, справедливее и целесообразнее будет оставить излишки средств в экономике? Кто-то может возразить: в экономике, зависящей от сырья, просто не найдется достаточного количества отечественных компаний, в которые можно было бы вложить средства, а потому индивидуальные инвесторы и компании начнут выводить повысившиеся доходы за рубеж. Но даже если так и случится, это ничем не будет отличаться от того, что, собственно, и без того делает государство через свой суверенный фонд. Попросту говоря, нужно ли вообще людям, чтобы их деньгами управляло государство? Возможно, эти вопросы могут показаться сугубо теоретическими, но они дают пищу для размышления и выявляют некоторые важные дилеммы, связанные с ролью и масштабом деятельности государства в странах с сырьевой экономикой.

Несколько экономистов предлагают богатым природными ресурсами странам распределять часть сырьевых доходов между гражданами напрямую. Это можно сделать в виде нефтяных дивидендов вроде тех дивидендов из Постоянного фонда, что выплачиваются всем жителям штата Аляска с 1983 года. В 2013 году, к примеру, каждый из них получил 900 долларов США.

Несмотря на имеющиеся политические затруднения, предлагаются и альтернативные решения проблемы излишков, и одно из них даже было опробовано в ограниченном масштабе. **Несколько экономистов предлагают богатым природными ресурсами странам распределять часть сырьевых доходов между гражданами напрямую** (Ross, 2001b; Eifert et al., 2003; Sala-i-Martin and Subramanian, 2003). **Это можно сделать в виде нефтяных дивидендов вроде тех дивидендов из Постоянного фонда, что выплачиваются всем жителям штата Аляска с 1983 года. В 2013 году, к примеру, каждый из них получил 900 долларов США.** Эти дивиденды выплачиваются раз в год из Постоянного фонда Аляски – специальной структуры правительства Аляски, в которой накапливается часть государственных доходов от нефтяной промышленности. Первоначальный вклад в этот фонд, сделанный в 1977 году, составил 734 000 долларов США, а к 2012 году его размер составил примерно 42,1 миллиарда долларов (см. Alaska Permanent Fund Corporation Balance Sheet 2012).

Идею о дивидендах для граждан можно проследить до памфлета «Аграрная справедливость» (Agrarian Justice), опубликованного в 1795 году Томасом Пейном – влиятельным политическим мыслителем времен Американской революции. Эта идея возвращает распространённому представлению о том, что ископаемые природные ресурсы принадлежат народу, его подлинный смысл. Если ископаемые богатства принадлежат всем гражданам страны, то каждый из них имеет право на равную долю этих богатств. Какую часть экспортных доходов можно оставить государству – тема для отдельной дискуссии, как и способ осуществления ука-

занных трансфертов. Так, можно было бы открыть для каждого гражданина нефтяной счет или направлять дивиденды на личные пенсионные накопительные счета граждан. Эта идея может показаться неправдоподобной, и пока она не пользуется широкой поддержкой, но списывать ее со счетов не следует. В будущем, с развитием гражданского общества и распространением современных средств коммуникации, она может стать элементом общественно-политической повестки дня во многих богатых природными ресурсами странах.

2.3. Инновации и мобильность трудовых ресурсов

Роль инноваций в добывающих отраслях.

Сланцевая революция и появление новых центров добычи (США, Канада, Австралия)

Старт сланцевой революции дал коммерческий успех освоения месторождения «Барнетт Шейл» в Техасе, начавшегося в 1997 году. В 2000 году на долю сланцевого газа приходился лишь 1 % объема газодобычи в **Соединенных Штатах**; в 2012 году – более четверти. По прогнозу Управления энергетической информации США, к 2035 году сланцевый газ составит до 46 % голубого топлива, потребляемого в стране. Более того, благодаря росту добычи сланцевого газа к 2017 году Соединенные Штаты превратятся в нетто-экспортера газа. Успешное применение технологий добычи углеводородов из сланцев происходит не только в США. Инновации в сланцевой газодобыче сопровождались прорывом в области добычи нефти из сланцевых залежей, прежде всего в **Канаде**. В результате в 2012 году на долю США и Канады пришлось 25 % добываемого в мире газа и 14 % – нефти.

Их догоняют другие страны. **Китай**, по оценкам, обладает крупнейшими в мире запасами сланцевого газа; ожидается, что КНР станет главным центром его добычи за пределами Северной Америки. К 2030 году сланцевые месторождения, возможно, дадут до 20 % добываемого в Китае газа. Кроме того, заметный прогресс наблюдается в освоении других нетрадиционных углеводородов, например метана из угольных пластов. Специалисты из Международного энергетического агентства (МЭА) полагают, что **Австралия**, занимающая одно из первых мест в мире по темпам роста добычи угольного метана, сменит Катар в роли крупнейшего экспортера сжиженного природного газа.

Прорывы в области технологий добычи сланцевого газа и нефти сильно влияют на общую ситуацию на мировом энергетическом рынке. Во-первых, формулы цен на газ все больше отъединяются от нефтяной цены. Это важное изменение вызвано в том числе ростом предложения нетрадиционного газа. Во-вторых, эти прорывы оказывают мощ-

ное воздействие на мировую энергетическую геополитику: баланс в добыче углеводородов смещается в сторону стран, которые долгое время считались зависимыми от импорта нефти и газа. Появление новых центров добычи, таких как США, Канада, а в будущем, вероятно, и Китай, подрывают влияние ОПЕК как мирового нефтяного картеля, а традиционные импортеры в большей степени обретают энергетическую независимость (по оценке Международного энергетического агентства, к 2020 году Соединенные Штаты наполовину сократят закупки нефти за рубежом). Вес ОПЕК на международном энергетическом рынке снижается и из-за роста общемирового значения газа в качестве топлива. В своем докладе «Золотой век газа» Международное энергетическое агентство прогнозирует: к 2030 году четверть энергии в мире будет производиться из газа – столько же, сколько из нефти.

Последствия этих событий не ограничиваются энергетической отраслью. **Рост доли газа в потреблении топлива оказывает сильное влияние на экологические дискуссии. При сжигании газа в атмосферу выбрасывается вдвое меньше парниковых газов, чем при использовании угля, и на 30 % меньше, чем при использовании нефти.** Для тех политиков и активистов неправительственных организаций, что выступают за сокращение выбросов двуокиси углерода, газ может сильно изменить ситуацию. Характерно, что в результате частичной замены газом других видов топлива объем выбросов двуокиси углерода в США (не подписавших Киотский протокол к ужасу многих борцов за окружающую среду) в 2012 году сократился до самого низкого уровня за последние 20 лет. В то же время европейские страны, присоединившиеся к протоколу, не могут выполнить свои обязательства по сокращению выбросов. В результате все больше экологов корректируют свою позицию: если прежде они выступали против использования всех видов ископаемого топлива, то теперь переходят на позиции поддержки использования природного газа.

Согласно докладу компании «Би-Пи» «Перспективы энергетического рынка до 2030 года», в мире, по оценкам, имеется 200 триллионов кубометров технически пригодного к извлечению сланцевого газа и 240 миллиардов баррелей сланцевой нефти. К 2030 году разработка этих запасов даст более 20 % роста поставок углеводородов на мировом рынке. Чем вызвано столь значительное изменение энергетического ландшафта в мире? В техническом плане оно стало возможным благодаря прорывам в трех важнейших областях – горизонтальной бурении, технологии гидравлического разрыва пластов, а также сборе сейсмической информации и ее компьютерном анализе. Сланцевый газ отличается от тра-

Рост доли газа в потреблении топлива оказывает сильное влияние на экологические дискуссии. При сжигании газа в атмосферу выбрасывается вдвое меньше парниковых газов, чем при использовании угля, и на 30 % меньше, чем при использовании нефти.

Отнюдь не случайно, что прорыв в добыче нетрадиционных углеводородов произошел в странах, занимающих высшие места в рейтинге экономической свободы.

диционного только характером залегания: он не сосредоточен в изолированных пустотах, а рассеян по порам внутри пласта. Горизонтальное бурение необходимо, чтобы выявить скопления сланцевого газа; затем породу нужно разбить водой, чтобы высвободить газ на поверхность. Эти технологии к настоящему времени усовершенствованы в достаточной мере, чтобы обеспечить коммерческое производство сланцевого газа. Большинство месторож-

дений этого газа было обнаружено задолго до того, как их разработка стала рентабельной. Технический прогресс позволил компаниям поставить данные ресурсы на баланс в качестве коммерческих промышленных запасов и начать их освоение (см. иллюстрацию роста добычи по отдельным странам на графике 3.6 на стр. 72).

У сланцевой революции есть один аспект, привлекающий куда меньше внимания СМИ, чем ее геополитические и экологические последствия. Какие условия обеспечили эти технические инновации? **Отнюдь не случайно, что прорыв в добыче нетрадиционных углеводородов произошел в странах, занимающих высшие места в рейтинге экономической свободы** – Канаде, США и Австралии. Ему способствовали и другие благоприятные условия, например высокие цены на газ в 2000-х годах. Но решающим фактором стал именно институциональный компонент. Речь идет о сочетании гарантированных прав собственности, благоприятного налогового режима, прозрачного и эффективного регулирования и минимума бюрократической волокиты. Необходимо также отметить, что в добывающих секторах всех трех стран действуют многочисленные частные компании – от небольших геологоразведочных компаний до вертикально интегрированных транснациональных корпораций. Технологии промышленной добычи сланцевого газа разработала не одна компания, а несколько: Chevron, Shell, Devon, Talisman Energy, Chesapeake и Range Resources. Поэтому не стоит удивляться, что сланцевый бум начался не в Китае, хотя он обладает крупнейшими запасами сланцевого газа в мире: ведь там в нефтегазовой отрасли преобладают государственные корпорации. **Институциональные условия, сделавшие возможной сланцевую революцию, заслуживают тщательного изучения политическим руководством других стран, особенно государств с сырьевой экономикой.**

Институциональные условия, сделавшие возможной сланцевую революцию, заслуживают тщательного изучения политическим руководством других стран, особенно государств с сырьевой экономикой.

Одно из важных внешних последствий сланцевого бума заключается в том, что он подорвал распространенное, но предвзятое мнение о недостаточной инновационности добывающей промышленности. **Политики, желающие прослыть прогрессивными, часто повторяют мысль о том, что модерни-**

зация и веления постиндустриальной эпохи требуют отхода от добычи полезных ископаемых. Пора признать эту концепцию устаревшей. Сланцевая революция по сути представляет собой технологический прорыв высшего разряда.

Влияние природной ренты на рынок труда. Различные подходы к иммиграционной политике в странах с сырьевой экономикой

В первом разделе доклада мы рассмотрели экономические последствия «голландской болезни». В странах – экспортерах полезных ископаемых особой областью ее воздействия является рынок труда. В рамках модели небольшой страны с открытой экономикой «голландская болезнь» может повлиять на этот рынок следующим образом: воздействие на движение ресурсов оборачивается перетеканием рабочей силы в сырьевой сектор, а воздействие через рост расходов – увеличением зарплат и перемещением трудовых ресурсов в сектор, не связанный с внешней торговлей (сферу услуг). Кроме того, рабочая сила покидает сокращающийся сектор несырьевой промышленности. В результате высокие зарплаты в сырьевом секторе воздействуют в сторону повышения оплаты труда в секторе услуг, что в свою очередь приводит к вздуванию цен на услуги. В то же время низкооплачиваемая работа становится все более непопулярной, создавая дефицит неквалифицированной рабочей силы. Одновременно в сырьевом секторе может возникнуть нехватка высококвалифицированных специалистов и управленцев в области нефте- и газодобычи и геологоразведки. Таким образом, во многих странах с сырьевой экономикой зачастую возникает спрос как на высококвалифицированную, так и на неквалифицированную рабочую силу.

В рамках группы стран с сырьевой экономикой уникальная модель политики в области трудовой иммиграции сложилась в государствах Персидского залива. Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) – международная организация, включающая шесть государств-участников: Бахрейн, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Оман и Саудовскую Аравию. В плане опоры на внешние трудовые ресурсы они не имеют себе равных: при самом низком ее уровне, в Саудовской Аравии, иностранцы составляют 53,1 % рабочей силы, а при самом высоком, в Катаре, – невероятные 94,4 %. Таким образом, в плане структуры рабочей силы страны Персидского залива резко выделяются среди других сырьевых экономик (см. графики 2.11–2.13 на стр. 58–59). Большинство трудящихся-иностранцев в ССАГПЗ составляют неквалифицированные работ-

Политики, желающие прослыть прогрессивными, часто повторяют мысль о том, что модернизация и веления постиндустриальной эпохи требуют отхода от добычи полезных ископаемых. Пора признать эту концепцию устаревшей. Сланцевая революция по сути представляет собой технологический прорыв высшего разряда

ники. Они заняты в основном в сфере услуг и строительстве, а граждане этих стран трудятся главным образом в госсекторе.

Уникальная структура рабочей силы в странах Персидского залива коррелирует с общим своеобразием их экономической системы. Именно поэтому, анализируя показатели нефтегазовых государств, мы выделили страны ССАГПЗ в особую группу (см. графики 2.1–2.6 на стр. 55–56). Их главная характеристика – сочетание беспрецедентных запасов углеводородов и объемов их добычи с небольшой (а порой просто мизерной, как в Катаре и Бахрейне) численностью коренного населения. Исключение составляет Саудовская Аравия с населением в 28,3 миллиона человек. Нефте- и газодобыча в странах ССАГПЗ в основном контролируется государством, но она в очень большой степени опирается на иностранные сервисные компании и высококвалифицированных специалистов-иностранцев, работающих в национальных компаниях государств Залива. Приток иммигрантов в ССАГПЗ отнюдь не ограничивается неквалифицированными работниками. Нефтяные компании этих стран, пожалуй, можно назвать самыми космополитичными в мире – даже в большей степени, чем транснациональные нефтяные корпорации. Хотя углеводородный сектор контролируется государством, во многих странах Персидского залива экономическая политика за пределами нефтяной отрасли весьма либеральна и благоприятствует иностранным инвесторам. Эти страны в целом занимают высокие места в индексе «Экономическая свобода в мире». В то же время высокий уровень экономической свободы там сочетается с весьма низкими местами в рейтингах гражданских и политических прав. Нужно также отметить, что особенностью этих стран является монархическая форма политического устройства. Хотя иностранцы составляют большинство населения во всех странах ССАГПЗ, за исключением Саудовской Аравии, они считаются временными гастарбайтерами, имеют продлеваемые рабочие визы, и большинство из них не интегрируется в социально-культурную ткань стран проживания. С учетом доли иностранных граждан в странах ССАГПЗ можно утверждать, что там, по сути, есть не одно, а два параллельных общества, сосуществующих и взаимозависимых.

Как бы ни относиться к необычному социально-экономическому устройству арабских государств Персидского залива, одно очевидно: эта система представляет собой аномалию и вряд ли может быть повторена где-то еще – по ряду причин экономического, политического и культурного характера. А значит, возникает вопрос: каковы варианты иммиграционной политики для других нефтегазовых государств? Мы проанализировали процент иммигрантов в странах с нефтегазовой экономикой, разделенных на четыре группы в соответствии с уровнем экономической свободы (см. графики 2.11–2.14 на стр. 58–59). В трех странах с наивысшим уровнем экономической свободы среди нефтегазовых

экономик – Австралии, Канаде и Норвегии, составляющих группу «Самые свободные», – иммигранты в среднем составляют 20,3 % населения. Это значительно выше показателей стран в группах с более низким рейтингом экономической свободы, но в то же время намного ниже соответствующей цифры для стран ССАГПЗ (в среднем 34 %). Среди трех самых свободных стран иммигранты в Австралии и Канаде составляют 21,4 и 21,1 % населения соответственно, а в Норвегии – около 10 %. Для сравнения, в России аналогичный показатель, по данным Всемирного банка, равен 8,9 %.

Какой-то стране может быть трудно интегрировать даже небольшое число иммигрантов, а другие способны принять их в куда большем количестве, не создавая сильной социальной напряженности. Все зависит от институциональной системы и экономической модели.

Иммиграционная политика Канады и Австралии зачастую считается образцом для других государств. Любопытно, что доля иммигрантов в их населении (примерно 20 %) выше средней цифры по ОЭСР и показателей многих стран, где иммиграция вызывает куда больше противоречий и враждебности, чем в Канаде и Австралии (см. графики 2.11–2.12 на стр. 58). Таким образом, мирная и гармоничная ситуация с иммиграцией – не только и не столько вопрос процентного соотношения. **Какой-то стране может быть трудно интегрировать даже небольшое число иммигрантов, а другие способны принять их в куда большем количестве, не создавая сильной социальной напряженности. Все зависит от институциональной системы и экономической модели** в каждой конкретной стране. На наш взгляд, успех иммиграционной политики Канады и Австралии обусловлен некоторыми ее особенностями.

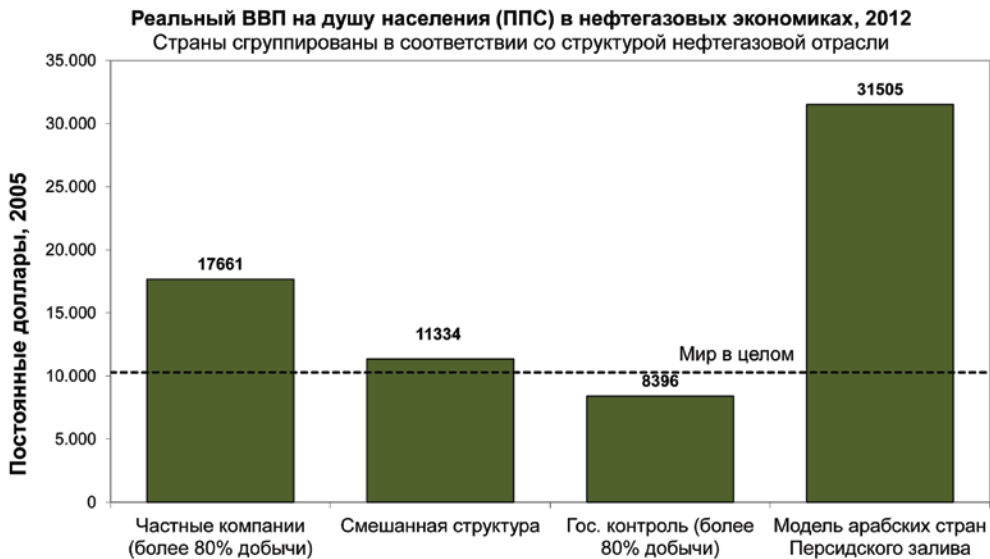
- Иммиграция в Австралию и Канаду носит **в первую очередь характер трудовой миграции**, то есть люди решают перебраться туда на основе имеющегося спроса на рынке рабочей силы. Многие из них еще до переезда получают конкретное предложение относительно места работы.
- Экономические модели, в Австралии и Канаде, а также их традиции делают эти две страны популярными для энергичных и предприимчивых иностранцев. **Высокий уровень экономической свободы** в Канаде и Австралии (5-е и 6-е места в рейтинге ЭСМ) создает среду, в которой иммигранты имеют возможность улучшить собственное положение и внести вклад в благосостояние всего общества.
- Иммиграция в Австралию и Канаду отличается **высокой сбалансированностью**. Процент иммигрантов в составе их населения уже давно характеризуется стабильностью. Данные Всемирного банка охватывают полувековой период с 1960 по 2010 год. Все это время иммигранты в двух странах составляли 15–20 % населения. С точки зрения культурной адаптации столь сбалансиро-

Сильные институты и эффективная иммиграционная политика позволяют Австралии и Канаде еще больше стимулировать инновации, привлекая талантливых людей со всего мира.

ванная политика представляется более целесообразной, чем резкое увеличение притока иммигрантов (см. графики 2.11–2.14 на стр. 58–59).

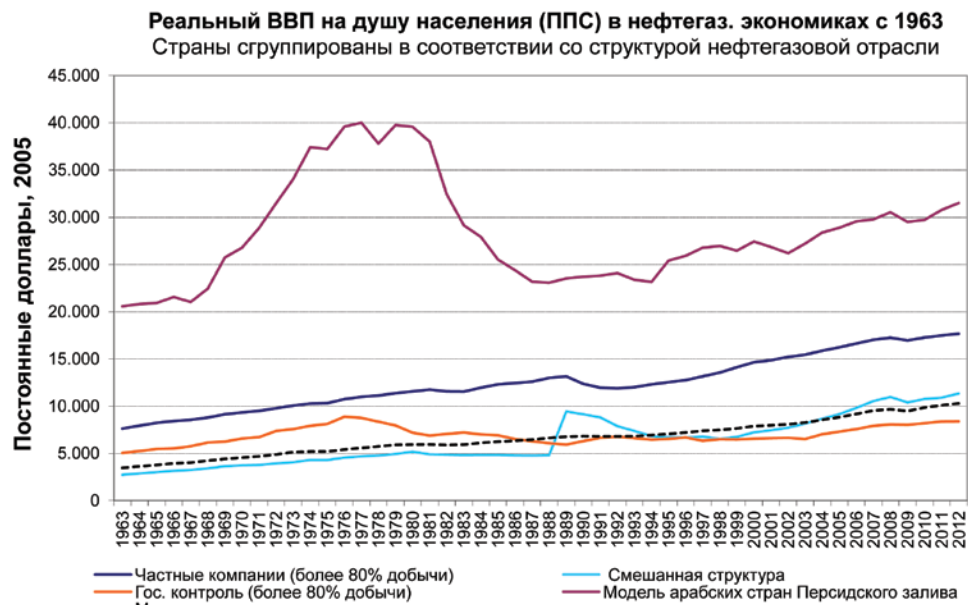
Подводя итог, можно сказать, что **сильные институты и эффективная иммиграционная политика позволяют Австралии и Канаде еще больше стимулировать инновации, привлекая талантливых людей со всего мира.**

В определенных политических рамках и при соответствующих институциональных условиях спрос на рабочую силу в странах с сырьевой экономикой может быть частично удовлетворен за счет иммигрантов. Целесообразность такого решения вопроса в каждой конкретной стране зависит от ряда факторов, носящих не столько экономический, сколько политический и культурный характер. В истории есть немало примеров того, как страны, компетентно управляющие притоком предприимчивых и творческих людей из-за рубежа, превосходят по экономическим показателям государства, развивающиеся в условиях автаркии.

Источник данных: Всемирный банк

График 2.1

Источник данных: Всемирный банк

График 2.2

Источник данных: Всемирный банк

График 2.3

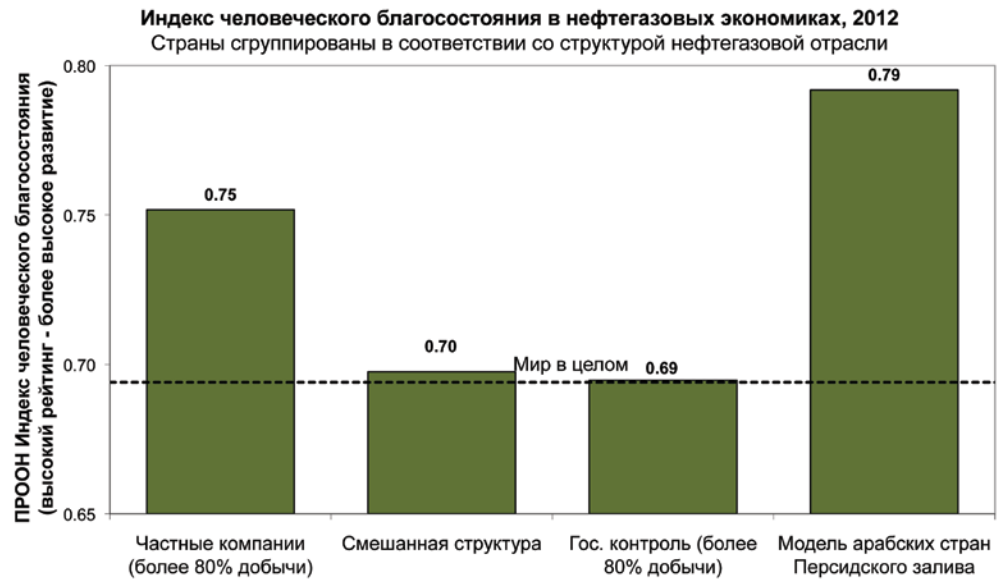

График 2.4 Источник данных: ПРООН

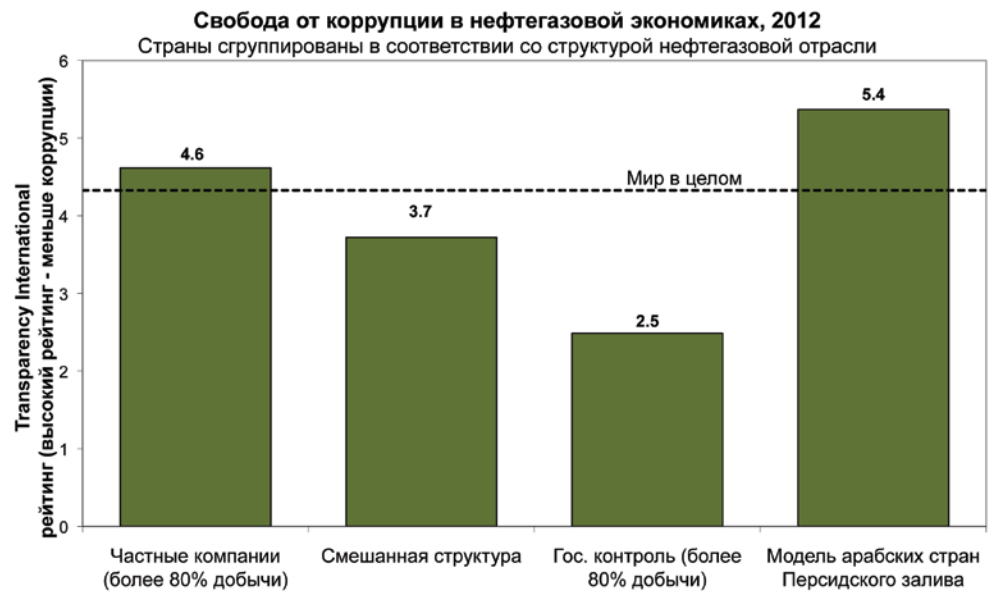

График 2.5 Источник данных: Transparency International

График 2.6 Источник данных: BP Statistical Review of World Energy 2013

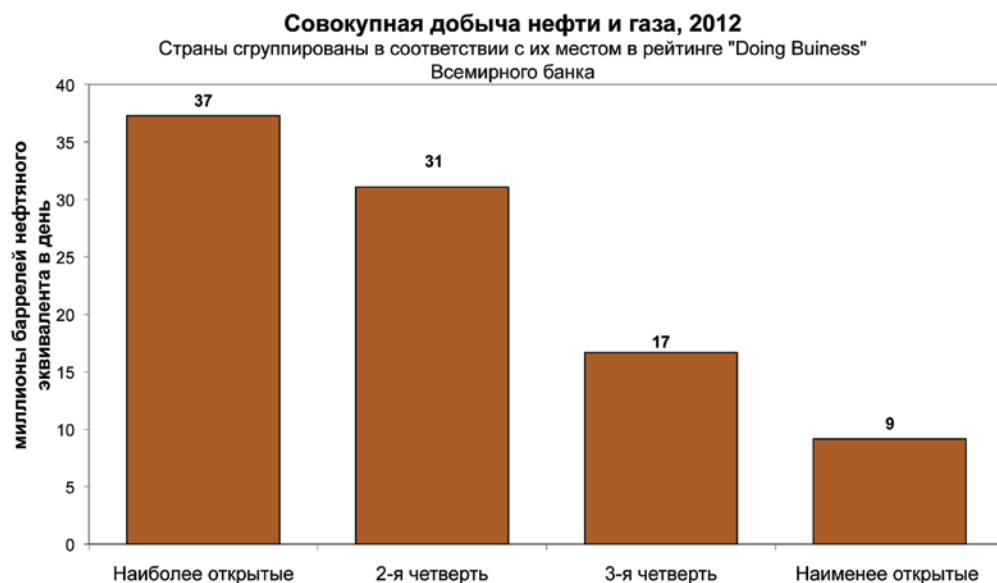

График 2.7

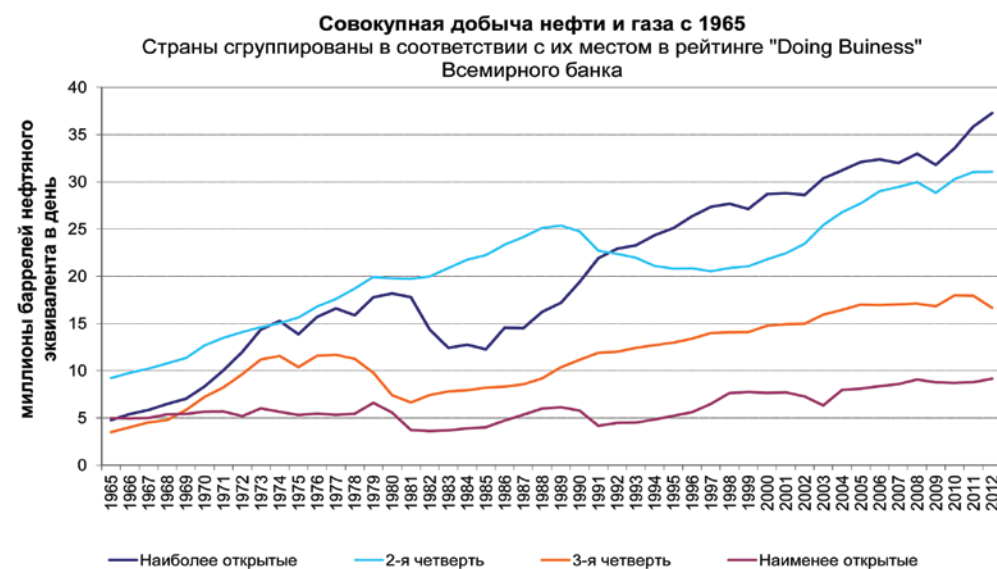

График 2.8

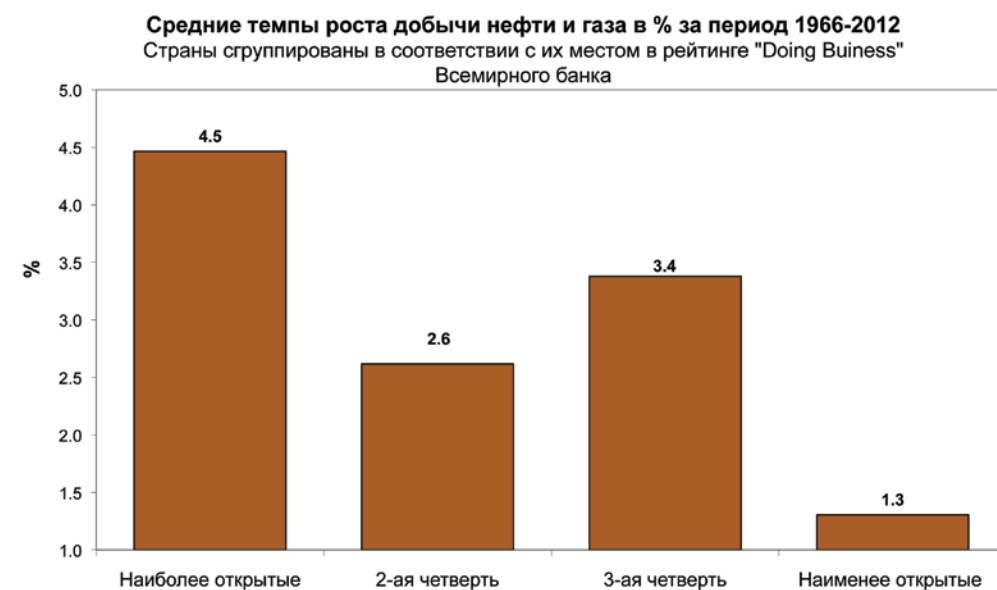

График 2.9

Источник данных: BP Statistical Review of World Energy 2013

Источник данных: BP Statistical Review of World Energy 2013

Источник данных: BP Statistical Review of World Energy 2013

Чистая прибыль на баррель добытой нефти и газа, 2012 в долл. США
для совокупной добычи нефти и газа в баррелях нефтяного эквивалента

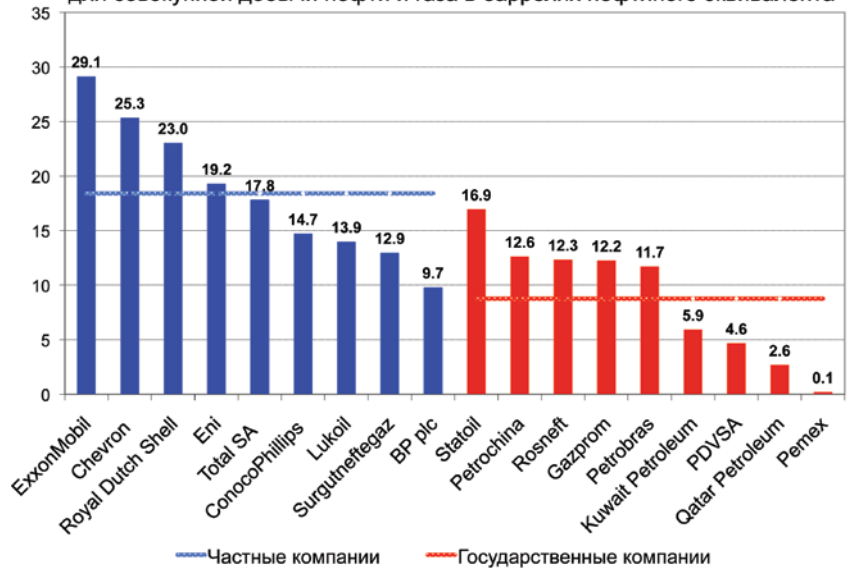

График 2.10

Процент иммигрантов от всего населения в нефтегазовых эк-ках, 2010
Страны сгруппированы в соответствии с их местом в Глобальном рейтинге экономической свободы Института Фрейзера

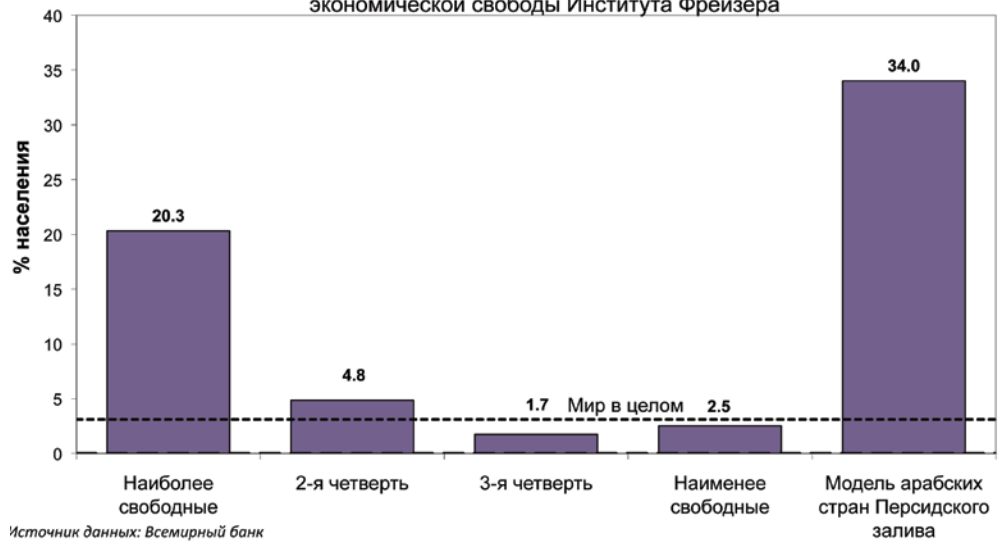

График 2.11

Источник данных: Всемирный банк

Иммигранты (процент от населения) в нефтегазовых эк-ках с 1960
Страны сгруппированы в соответствии с их местом в Глобальном рейтинге экономической свободы Института Фрейзера

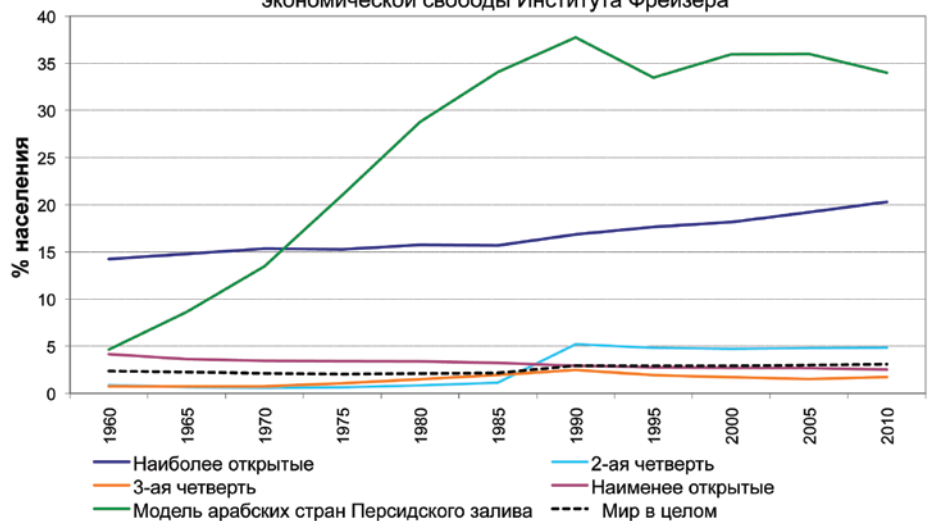

График 2.12

Источник данных: Всемирный банк

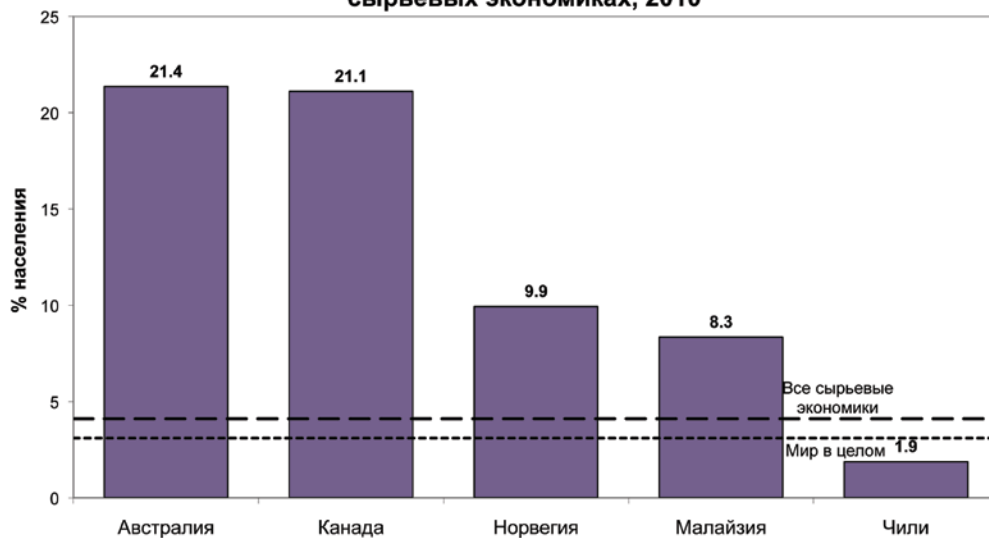
Иммигранты в процентном соотношении к общим трудовым ресурсам в арабских странах Персидского залива, 2009

Источник данных:
Gulf Research Meeting, The Middle East Institute

График 2.13

Процент иммигрантов от всего населения в некоторых сырьевых экономиках, 2010

Источник данных: Всемирный банк

График 2.14

РАЗДЕЛ 3. Опыт

Пять стран – экспортеров сырья, сумевших добиться высокого уровня экономического роста и социального развития

Австралия

В результате серии экономических реформ, инициированных в середине 1980-х, в Австралии начался период динамичного роста, превосходящего по темпам другие страны ОЭСР. До того как Пол Китинг, занимавший тогда пост министра финансов, предпринял эти реформы, многие считали, что Австралия постепенно отходит на периферию мировой экономики. Среди важнейших мер, принятых в Австралии, следует назвать новую систему регулирования рынка труда для придания ему большей гибкости, снижение налогов и реформу финансовой системы, позволившую ей адекватно удовлетворять потребности экономики в денежных ресурсах и повысившую привлекательность страны в глазах инвесторов – как отечественных, так и зарубежных. Необходимо также упомянуть, что государство либерализовало систему выдачи лицензий и разрешений на добычу полезных ископаемых, что увеличило приток инвестиций в разведку новых месторождений.

Полезные ископаемые составляют 70 % совокупной суммы экспорта Австралии и примерно 12 % ее ВВП. Еще 9 % ВВП дают услуги, связанные с энергетическим и горнодобывающим секторами. Все это вместе взятое позволяет считать Австралию страной с сырьевой экономикой. Более того, доля добывающих отраслей в ее народном хозяйстве растет. По мнению экспертов, к 2020 году, когда проекты разработки традиционных и нетрадиционных газовых ресурсов в Австралии наберут обороты, объем ее газодобычи утроится, и страна, потеснив Катар, станет крупнейшим в мире производителем сжиженного природного газа. Если же оставить

за скобками углеводороды, Австралия занимает второе место в мире по добыче золота, никеля и цинка, третье – по добыче железной руды и урана и четвертое – по добыче угля (по его экспорту – первое).

Вопреки гипотезе о сырьевом проклятии Австралия не пала жертвой нестабильности цен на сырье и мировых экономических потрясений. В 1997 году Австралию не потянул на дно азиатский финансовый кризис. В ходе кризиса 2008–2009 годов там также, в отличие от большинства других промышленно развитых стран, не произошла рецессия. **Последовательные реформы, защищенные права собственности, политика поощрения инноваций и низкие барьеры для бизнеса позволили Австралии стать одним из мировых лидеров в плане экономического роста и социального развития.** Графики 3.1–3.6 на стр. 71–72 сравнивают экономические показатели Австралии с показателями других ресурсных экономик.

Последовательные реформы, защищенные права собственности, политика поощрения инноваций и низкие барьеры для бизнеса позволили Австралии стать одним из мировых лидеров в плане экономического роста и социального развития.

Основные компоненты австралийской экономической модели:

Один из мировых лидеров с точки зрения экономической свободы.

Австралия занимает 6-е место в рейтинге «Экономическая свобода в мире» и 10-е место – в рейтинге Всемирного банка «Условия для бизнеса». Страна обладает высокоразвитой системой экономических, социальных и политических институтов. Это позволяет ей обеспечивать высокую диверсификацию экономики и избегать ловушек «голландской болезни».

Структура сектора. Добывающие отрасли Австралии отличаются многообразием игроков – от мировых гигантов вроде BHP Billiton до независимых геологоразведочных компаний. Кроме того, австралийские фирмы активно ведут геологоразведочные работы по всему миру, особенно в горнодобывающей отрасли. Сектор абсолютно конкурентен и полностью находится в частных руках – ни в энергетической, ни в горнодобывающей отрасли государственных компаний нет.

Права собственности и лицензии на добычу. Права собственности владельцев лицензий на добычу полезных ископаемых гарантированы, а процесс получения лицензий на разведку и разработку новых месторождений прозрачен, несложен и лишен бюрократизма.

Местоположение. Австралия извлекает максимально возможные преимущества из своего географического положения: три четверти ее экспорта приходится на Азиатский регион. Австралийские бизнесмены и политики давно уже осознали экономическое значение азиатских стран и наладили с ними сотрудничество.

Инновации. Австралия стала первопроходцем во многих областях: в частности, для эксплуатации морских месторождений на северо-западном участке ее шельфа сейчас строится первый в мире плавающий завод по сжижению газа – Prelude FLNG. Кроме того, Австралия стала одним из мировых лидеров в добыче метана из угольных пластов. Инновациям в Австралии не в последнюю очередь способствует прагматичная иммиграционная политика, привлекающая в страну талантливых и предприимчивых людей со всего мира.

Канада

Канаду часто называют образцом для других стран с сырьевой экономикой в плане экономического роста и социального развития. Она несколько меньше, чем Австралия, опирается на природные ресурсы, но ее экономический рост также в большой степени обеспечивается сырьевым сектором – особенно после прорыва в области добычи сланцевой нефти. На полезные ископаемые приходится 35 % от общей стоимости экспорта Канады и примерно 10 % ее ВВП.

По данным канадского правительства (см. доклад «Природные ресурсы Канады» (Natural Resources of Canada, 2011)), энергетический сектор вносит наибольший вклад в торговый баланс страны и играет важную роль в создании рабочих мест: в нем занято более 550 000 человек. Только в 2012 году национальные и зарубежные компании вложили в канадские углеводородные проекты 55 миллиардов долларов США. Технический прогресс позволил Канаде наладить промышленную добычу сланцевой нефти. Многие ее месторождения были обнаружены задолго до того, как их разработка стала рентабельной. Развитие техники позволило корпорациям зарегистрировать эти месторождения в качестве промышленных запасов и начать добычу.

Еще одним локомотивом экономического роста служит горнодобывающий сектор Канады. Ежегодные прямые иностранные инвестиции в него на протяжении первой половины 2000-х составили от 50 до 70 миллиардов долларов США (подробности см. в главе, посвященной канадскому опыту, в докладе «Привлечение иностранных инвестиций в горнодобывающую промышленность Российской Федерации»). Производство в горном секторе растет не только на национальном уровне, но и в международных проектах: многие канадские компании вкладывают капиталы в горнорудную промышленность стран с развивающейся экономикой. Характерно, что **на долю канадских горнодобывающих компаний приходится от 30 до 45 % всех геологоразведочных работ в мире.** Это увеличение инвестиций за рубежом можно расценить как еще один способ смягчения последствий «голландской болезни». Кроме того, Канада использует суверенные фонды как инструмент за-

щиты государственных финансов от нестабильности цен на сырье и частичного выведения из оборота излишней денежной массы, которая образуется из экспортных доходов. Крупнейший суверенный фонд страны называется Alberta Heritage Savings Trust Fund. Наконец, **фондовая биржа Торонто является мировым лидером в области торговли ценными бумагами горнодобывающих предприятий: там зарегистрировано больше горнодобывающих компаний, чем на любой другой площадке планеты.** Графики 3.1–3.6 на стр. 71–72 сравнивают экономические показатели Канады с показателями других ресурсных экономик.

На долю канадских горнодобывающих компаний приходится от 30 до 45 % всех геологоразведочных работ в мире.

Стоит отметить, что в Канаде действует своеобразная система прав собственности на полезные ископаемые. Хотя правами на большую часть самих этих природных богатств обладают власти провинций или федеральный центр, в тех случаях, когда право собственности на землю было приобретено частными компаниями и физическими лицами до 1887 года, оно включает и право на недра, существующее и по сей день в качестве неотчуждаемых частных прав владения минеральными ресурсами.

Основные компоненты канадской экономической модели:

Один из мировых лидеров с точки зрения экономической свободы. В рейтинге «Экономическая свобода в мире» Канада занимает 5-е место, а в рейтинге Всемирного банка «Условия для бизнеса» – 17-е место. Страна обладает высокоразвитой системой экономических, социальных и политических институтов.

Структура сектора. В Канаде традиционные и нетрадиционные углеводородные ресурсы разрабатываются рядом компаний, как национальных (Athabasca Oil Corp, Canadian Natural Resources и др.), так и международных (Shell, Conoco Philips и др.). Сектор абсолютно конкурентен и полностью находится в частных руках – ни в энергетической, ни в горнодобывающей отрасли государственных компаний нет. Канадские горнодобывающие компании действуют как в самой стране, так и в мировом масштабе.

Права собственности и лицензии на добычу. Права собственности владельцев лицензий на добычу полезных ископаемых гарантированы, а процесс получения лицензий на разведку и разработку новых месторождений прозрачен, несложен и лишен бюрократизма. В основе налогообложения добычи минеральных ресурсов в Ка-

Фондовая биржа Торонто является мировым лидером в области торговли ценными бумагами горнодобывающих предприятий: там зарегистрировано больше горнодобывающих компаний, чем на любой другой площадке планеты.

наде лежит налог на прибыль компаний, а не налог с выручки. Эффективная налоговая нагрузка на сектор ниже, чем в других государствах.

Местоположение. Канада извлекает выгоду из географической близости к основному торговому партнеру – Соединенным Штатам. Она также расширяет экспорт полезных ископаемых в другие регионы.

Инновации. В настоящее время Канада занимает первое место в мире по добыче сланцевой нефти. Страна находится на переднем крае технологических инноваций в области производства нетрадиционных углеводородов. Прочность институциональной системы позволила Канаде стать всемирным финансовым центром для сотен горнодобывающих компаний, разместивших свои акции на фондовой бирже Торонто.

Малайзия

Премьер-министр Малайзии Наджиб Разак считает, что к 2018 году его страна может войти в число промышленно развитых государств (в частности, будет принята в ОЭСР). Но уже сейчас, имея среднедушевой ВВП (по ППС) в размере 17 675 долларов США, она является одной из самых процветающих стран Азии и относится к категории так называемых новых индустриальных экономик. С момента обретения Малайзией независимости в 1957 году ее экономическая политика претерпела значительную эволюцию. Поначалу Малайзия следовала популярной в то время стратегии индустриализации под руководством государства и экономического развития на основе централизованного планирования. Элементы этой модели, в частности государственные субсидии и значительная доля госсобственности в нескольких секторах, сохранились в народном хозяйстве Малайзии по сей день. Но постепенно власти начали либерализовать и открывать экономику страны, проводить более рыночно-ориентированную политику. Одна из важных характеристик малазийской экономики – ее способность к адаптации. Природные ресурсы всегда составляли значительную часть малазийского экспорта. Первоначально она была ведущим экспортером олова, пальмового масла и каучука, но в начале 1970-х главными экспортными товарами страны стали нефть и газ.

Стратегию Малайзии можно расценить как умную диверсификацию: страна не пыталась бежать от своей сырьевой базы и связанных с ней конкурентных преимуществ, а подстраивала экономику, чтобы соответствовать тенденциям мирового рынка.

Природные ресурсы всегда составляли значительную часть малазийского экспорта. Первоначально она была ведущим экспортером олова, пальмового масла и каучука, но в начале 1970-х главными экспортными товарами страны стали нефть и газ.

Стратегию Малайзии можно расценить как умную диверсификацию: страна не пыталась бежать от своей сырьевой базы и связанных с ней конкурентных преимуществ, а подстраивала экономику, чтобы соответствовать тенденциям мирового рынка. Нефть заменила олово в качестве

основного экспортного товара очень вовремя для Малайзии, буквально накануне коллапса рынка этого металла в начале 1980-х, что позволило избежать резкого падения экспортных доходов. Когда запасы нефти начали сокращаться, Малайзия стала извлекать выгоду из своего природного газа, выйдя на рынок сжиженного газа и став одним из его ведущих экспортеров. Еще один этап диверсификации начался с выходом национальной нефтяной компании «Петронас» (Petronas) на мировую арену. Эта корпорация накапливала опыт осуществления масштабных проектов, получаемый благодаря сотрудничеству с международными компаниями. В какой-то момент «Петронас» начала использовать этот опыт, а также свое положение азиатской национальной нефтяной компании, представляющей исламскую страну, в международной деятельности. Она приступила к реализации ряда проектов в Азии (в том числе Центральной), на Ближнем Востоке и в Африке. В настоящее время, **по единодушному мнению экспертов, «Петронас» – самая эффективная из национальных нефтяных компаний. Результаты ее деятельности, в частности чистая прибыль на баррель нефтяного эквивалента, говорят сами за себя: по размеру – 25.5 долларов США на баррель – она находится на уровне Chevron и превышает показатели Shell.** Графики 3.1–3.8 на стр. 71–73 сравнивают экономические показатели Малайзии с показателями других ресурсных экономик.

По единодушному мнению экспертов, «Петронас» – самая эффективная из национальных нефтяных компаний. Результаты ее деятельности, в частности чистая прибыль на баррель нефтяного эквивалента, говорят сами за себя: по размеру – 25.5 долларов США на баррель – она находится на уровне Chevron и превышает показатели Shell.

Основные компоненты малазийской экономической модели:

Экономическая свобода в стране находится на уровне выше среднего, и она занимает одно из высших мест в рейтинге «Условия для бизнеса». Малайзия занимает 68-е место в рейтинге «Экономическая свобода в мире» и 12-е место в рейтинге Всемирного банка «Условия для бизнеса». В рейтинге «Экономическая свобода в мире» страны оцениваются по 42 различным критериям. На место Малайзии в рейтинге положительно влияют низкие барьеры для бизнеса, а отрицательно – сравнительно большой госсектор (в основном это связано с тем, что «Петронас» находится в государственной собственности).

Структура сектора. Существующую сегодня модель в добывающих отраслях Малайзии можно определить как симбиоз государственных и частных компаний. Хотя государство полностью владеет флагманом нефтегазовой отрасли – компанией «Петронас», его доля в добыче нефти и газа составляет примерно 60 %. Оставшуюся часть добывают различные международные и национальные нефтяные

компании, например Shell, ExxonMobil, Murphy Oil и Nippon Oil: все они работают на основе соглашений о разделе продукции с «Петронас».

Соглашения о разделе продукции и гарантии неприкосновенности. По существующим условиям соглашений о разделе продукции «Петронас» имеет право на долю выручки от разведочных блоков, разрабатываемых совместно с иностранными партнерами. Эта доля может являться предметом переговоров и, как правило, составляет 15–25 %. Гарантии неприкосновенности интересов иностранных компаний вполне надежны: ни одного случая отзыва лицензий или резкого изменения условий контрактов зафиксировано не было.

Экспансия на международной арене. На долю зарубежных проектов «Петронас» приходится 36 % ее совокупной добычи углеводородов. Компания действует в тридцати с лишним странах в рамках примерно 50 проектов в области нефтедобычи, больше чем в половине которых она является оператором. Использование благоприятных возможностей на международной арене позволило «Петронас» решить проблему падения добычи на истощающихся месторождениях в самой Малайзии.

Стабилизационная политика государства. Государство создало несколько суверенных фондов, например Khazanah Nasional Berhad, Накопительный пенсионный фонд для работников частного сектора и Permodalan Nasional Berhad. Это позволяет Малайзии избегать инфляции и повышения курса национальной валюты. Кроме того, суверенные фонды позволяют государству застраховать свои социальные обязательства от падения цен на сырье.

Норвегия

По размеру ВВП на душу населения (с учетом ППС) Норвегия занимает четвертое место в мире. Нефте- и газодобыча (самая высокая в Европе) дает стране до четверти национального дохода. Несмотря на зависимость от экспорта полезных ископаемых, Норвегии благодаря финансовой дисциплине и эффективной экономической политике удалось избежать перегрева экономики и успешно смягчить последствия нестабильности нефтяных цен. **Систему мер, принятых норвежским правительством для управления доходами от экспорта углеводородов, в частности создание Государственного пенсионного фонда, используют несколько стран, богатых природными ресурсами, как пример для подражания.** Эта система существует сравнительно недолго: хотя нефть в Норвегии была открыта в 1969 году, ее добыча стала приносить существенные доходы лишь в начале 1980-х.

До 1981 года, когда социал-демократов у власти сменило консервативное правительство, экономическая политика Норвегии носила государственный характер и включала субсидируемую индустриализацию, нормирование и контроль над ценами. Инфляция была высока, а темпы роста реальных доходов невелики. Новый кабинет предпринял некоторые шаги по дерегулированию и частичной либерализации экономики, что сыграло важную роль в привлечении инвестиций в углеводородный сектор. Сегодня Норвегия остается социальным государством, но нынешняя модель имеет одно важное отличие от той, что существовала до 1981 года: она основывается на финансовой ответственности и дисциплине. Одним словом, Норвегия выбрала модель большого государства, но она может себе это позволить. Эта модель государства всеобщего благосостояния отличается от тех, что существуют во многих западных странах, где социальные обязательства финансируются за счет государственных займов и печатного станка Центробанка.

Систему мер, принятых норвежским правительством для управления доходами от экспорта углеводородов, в частности создание Государственного пенсионного фонда, используют несколько стран, богатых природными ресурсами, как пример для подражания.

Другая важная черта норвежской модели – благоразумное и дальновидное управление добычей природных ресурсов страны. Хотя добыча нефти снизилась из-за истощения старых месторождений, газодобыча в стране за последние двадцать лет увеличилась в пять с лишним раз, достигнув 10 миллиардов кубических футов в сутки. Более того, деятельность компании «Статойл» (Statoil) за рубежом позволяет Норвегии использовать накопленный опыт в других регионах, компенсировать падение нефтедобычи на собственной территории и упредить сокращение добычи газа, которое, как ожидается, наступит примерно через десять лет. Графики 3.1–3.6 на стр. 71–72 сравнивают экономические показатели Норвегии с показателями других ресурсных экономик.

Основные компоненты норвежской экономической модели:

Высокий уровень экономической свободы и одно из высших мест в рейтинге «Условия для бизнеса». Норвегия занимает 23-е место в рейтинге «Экономическая свобода в мире», шестое – в рейтинге Всемирного банка «Условия для бизнеса» и первое – в Индексе развития человеческого потенциала ПРООН. Ее институциональная система считается одной из самых надежных и развитых в мире.

Структура сектора. Через национальные компании «Статойл» и «Петоро» (Petoro) государство контролирует около 60 % добычи нефти и газа и примерно такую же долю запасов углеводородов. Оставшаяся часть приходится на долю международных компаний, в частности ExxonMobil, Total, Shell и Conoco Philips.

Гарантии неприкосновенности и налоговый режим. Гарантии неприкосновенности интересов инвесторов надежны. Система налогообложения нефтегазовых проектов проста и за последние 20 лет не претерпела значительных изменений.

Деятельность за рубежом. Statoil участвует в нефтегазовых проектах на территории 15 стран. В частности, у нее есть совместные предприятия с «Роснефтью» на арктическом шельфе и Дальнем Востоке России.

Стабилизационная политика государства. Значительная часть доходов от экспорта нефти и газа переводится в Государственный пенсионный фонд Норвегии. Это второй по величине суверенный фонд в мире: его превосходит лишь Инвестиционный фонд Абу-Даби. Общая стоимость активов фонда в полтора раза превышает ВВП Норвегии; он контролирует до 1 % всех акций на мировых биржах.

Чили

Чили на сегодняшний день занимает первое место в мире по добыче меди, природных нитратов, йода и лития, второе – по добыче молибдена, пятое – по добыче серебра и тринадцатое – по добыче золота.

Примечательна реакция чилийской экономики на цены на медь в зависимости от государственной политики в соответствующие периоды. В 1971 году правительство Сальвадора Альенде национализировало все медные рудники в стране, а также банки и ряд компаний обрабатывающей промышленности. Это вызвало отток иностранного капитала и сокращение внутренних инвестиций. Несмотря на значительное повышение цен на медь в начале 1970-х, реальный объем ВВП страны при режиме Альенде снизился. Инфляция составляла 100 % в год, а реальный обменный курс чилийского песо существенно увеличился. Сильная экономическая и политическая нестабильность привела в 1973 году к свержению правительства Альенде.

Военный режим во главе с Пиночетом повел решительную борьбу с инфляцией и девальвировал реальный валютный курс песо. В отличие от первого периода повышения цен на медь, второй бум экспорта чилийской меди в 1979–1980 годах сопровождался значительным ростом реального ВВП. Даже после падения цен на медь в 1981 году ВВП страны до конца 1980-х увеличивался примерно на 5 % в год; при этом реальный обменный курс песо вырос лишь незначительно. Более того, стабильность институциональной системы и государственного регу-

лирования позволила Чили избежать бегства инвесторов в условиях экономических потрясений в Латинской Америке в 1990-х, благодаря чему страна по экономическим показателям сильно опередила другие государства региона.

Реформы в горнодобывающем секторе Чили зафиксированы в конституционном законе о горнодобывающей промышленности (отметим, что статус конституционного делает законодательный акт такой же надежной гарантией, как и сама Конституция). Этот закон содержит все юридические положения, необходимые потенциальным инвесторам: там излагаются права и обязательства концессионеров. Более того, **в 1990-х, после успешного проведения реформ в горнодобывающей отрасли, система частных концессий была распространена на инфраструктурный сектор страны (автодороги, аэропорты и морские порты)**, традиционно считавшейся общественным достоянием и обслуживавшийся государством. Графики 3.1–3.6 и 3.8 на стр. 71–73 сравнивают экономические показатели Чили с показателями других ресурсных экономик.

В 1990-х, после успешного проведения реформ в горнодобывающей отрасли, система частных концессий была распространена на инфраструктурный сектор страны (автодороги, аэропорты и морские порты).

Основные компоненты чилийской экономической модели:

Один из мировых лидеров с точки зрения экономической свободы. В рейтинге «Экономическая свобода в мире» Чили занимает 11-е место, а в рейтинге Всемирного банка «Условия для бизнеса» – 37-е место. Это единственная страна Южной Америки, ставшая членом ОЭСР. Развитость институтов и благоприятный инвестиционный климат сделали чилийскую экономику самой успешной в Латинской Америке.

Структура сектора. В горнодобывающем секторе Чили действует смешанная система собственности. По политическим причинам в ходе реформы отрасли в начале 1980-х было решено оставить большую часть акций крупнейшей компании по добыче меди – «Коделко» – в руках государства. Однако добыча меди, выросшая за последние 20 лет в пять раз, увеличивалась быстрее всего, когда ей занимались частные компании. В результате сегодня на долю госкорпорации «Коделко» приходится лишь треть объема добычи этого металла в Чили.

Права собственности и концессии. Принятый в 1981 году чилийский конституционный закон о горнодобывающей промышленности стал общемировым золотым стандартом в плане защиты концессионеров. Он трактует концессию как частную собственность и позволя-

ет концессионерам разрабатывать месторождения в соответствии с их собственной стратегией и ситуацией на рынке. Он также обеспечивает гарантированную защиту от экспроприаций.

Стабилизационная политика государства. Государство сохраняет непредвиденные доходы в стабилизационном фонде и не допускает негативного воздействия «голландской болезни» на отрасли, не связанные с добычей сырья.

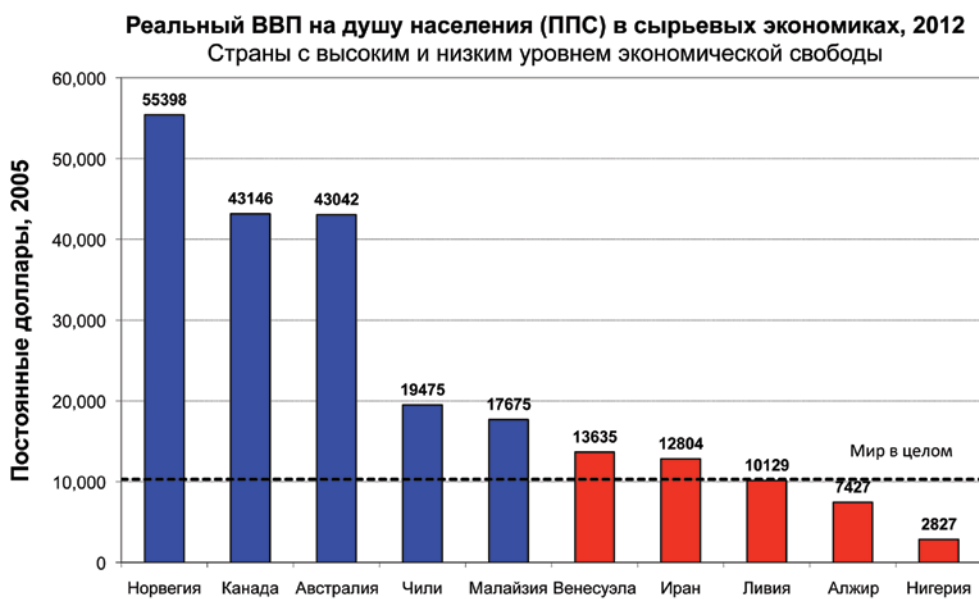

График 3.1

Источник данных: МВФ

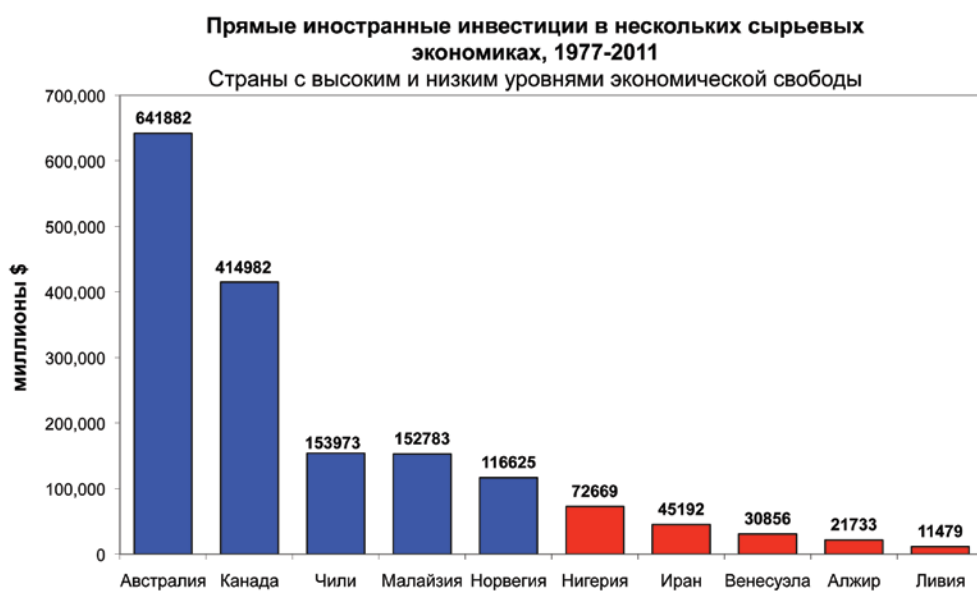

График 3.2

Источник данных: Всемирный банк

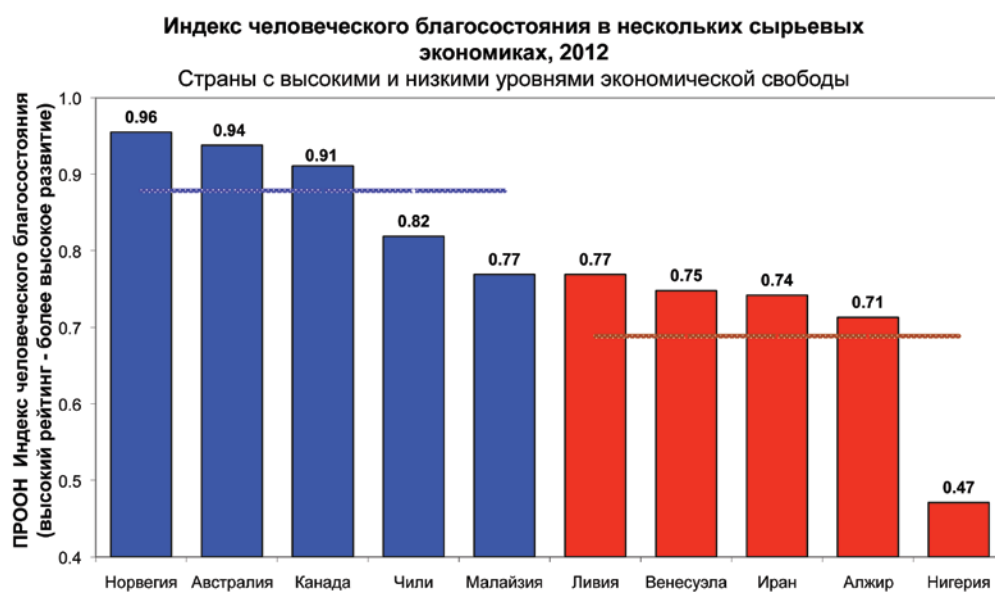

График 3.3

Источник данных: ПРООН

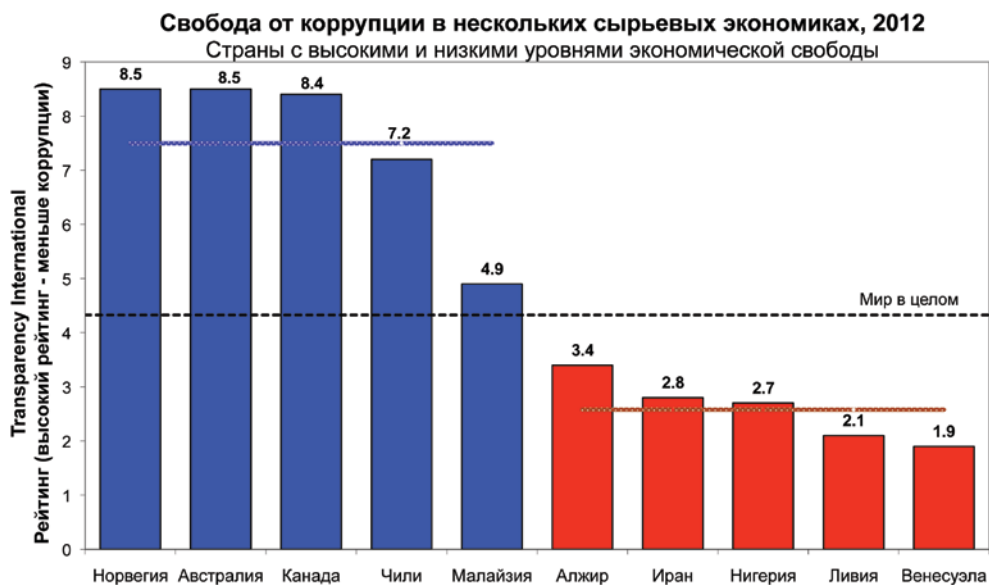

График 3.4

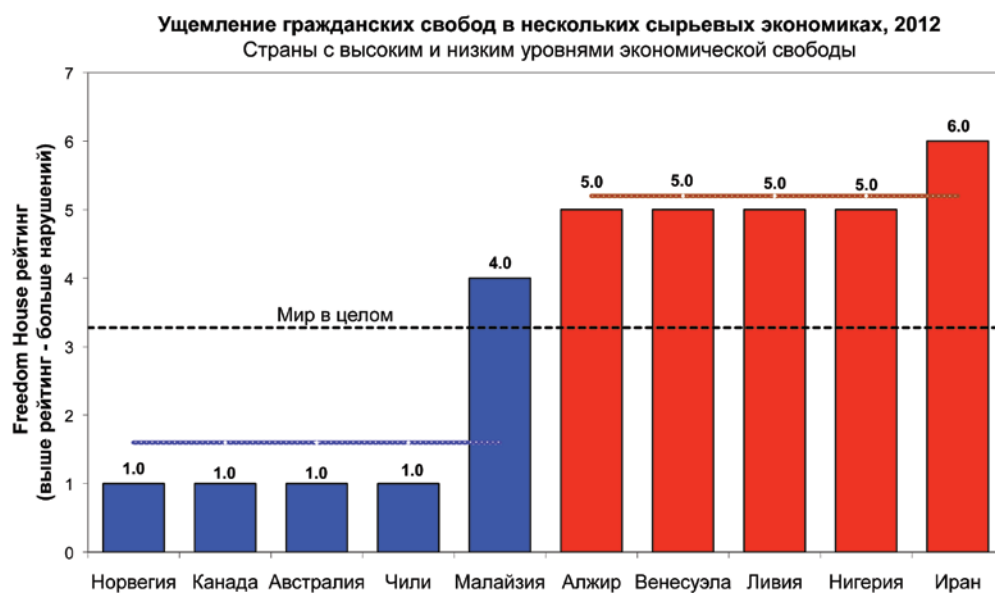

График 3.5

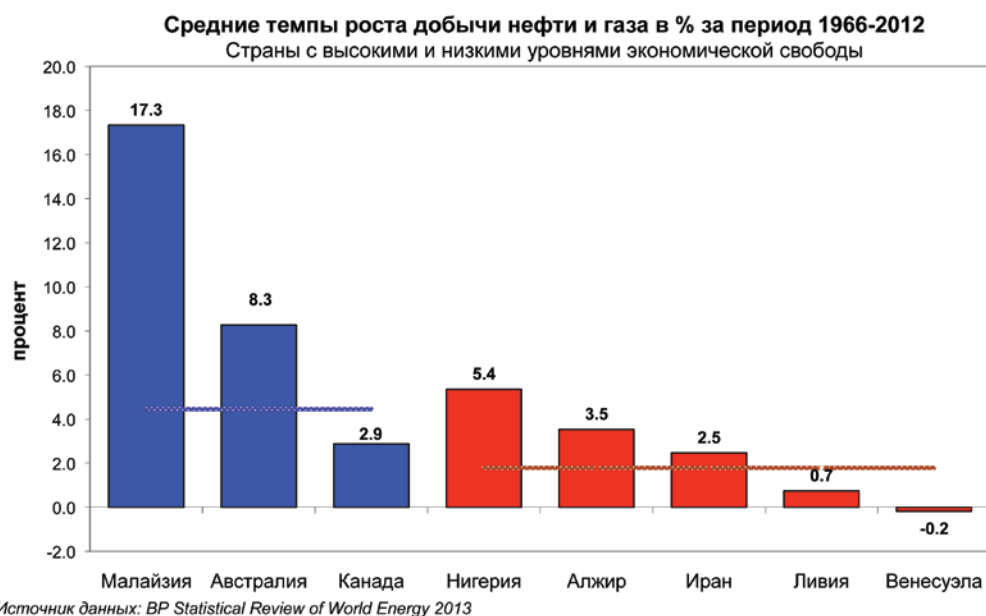
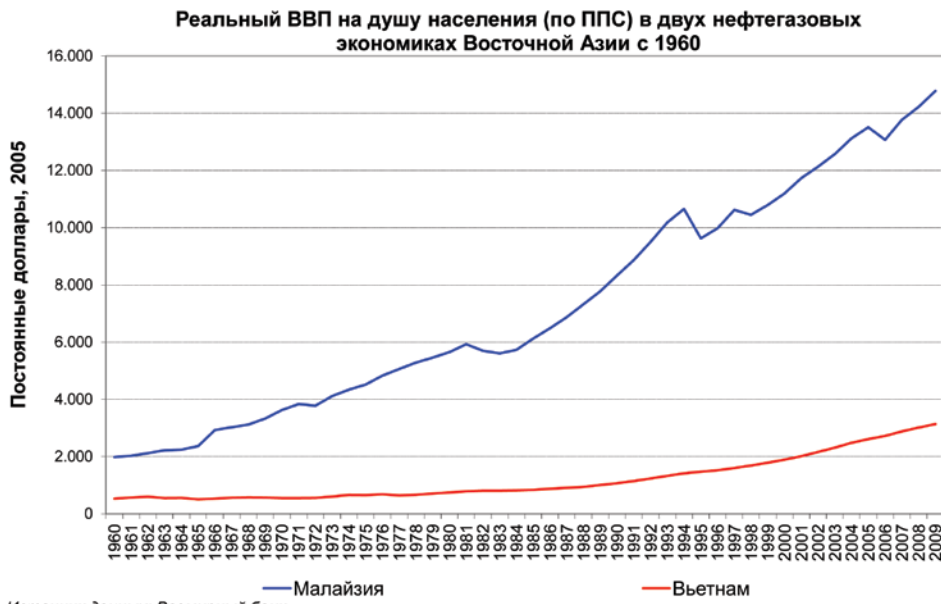
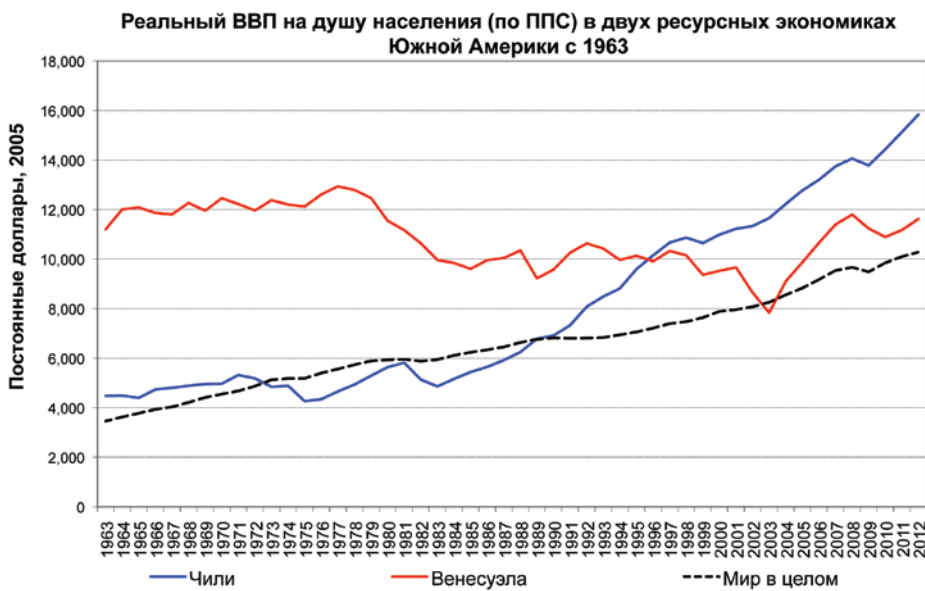

График 3.6

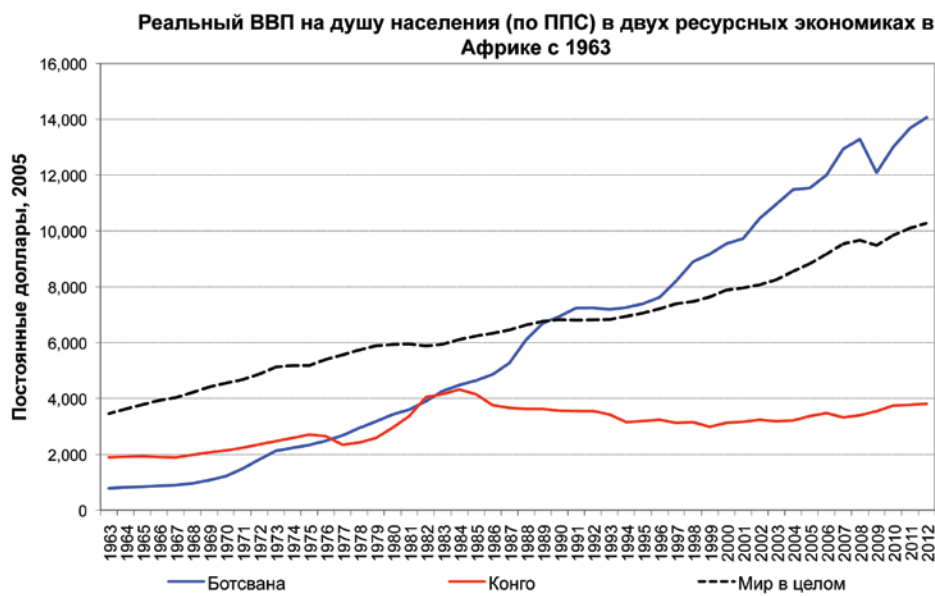
Источник данных: Всемирный банк

График 3.7

Источник данных: Всемирный банк

График 3.8

Источник данных: Всемирный банк

График 3.9

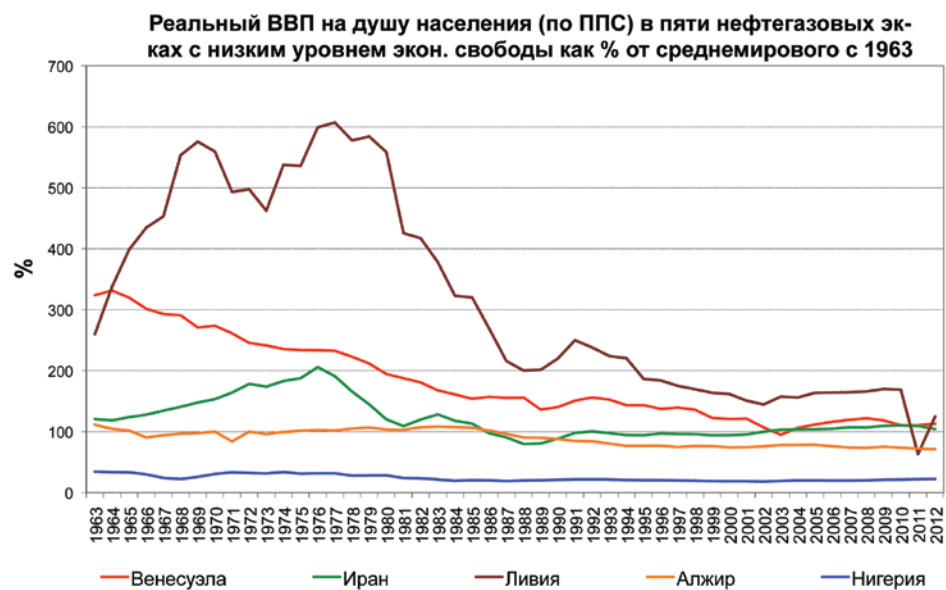

График 3.10

РАЗДЕЛ 4. Выводы и рекомендации

4.1. Краткий обзор основных выводов доклада

В данном докладе представлены доводы о том, что сырьевые страны с более эффективными экономическими и политическими институтами способны лучше распоряжаться доходами от своих природных ресурсов и достичь более высоких результатов в области экономического роста и социального развития. Для обоснования этих положений мы использовали эмпирические данные и проанализировали проведенные на сегодняшний день актуальные исследования по данной теме. Мы в целом скептически относимся к гипотезе о «сырьевом проклятии» и идее о том, что страны – экспортеры полезных ископаемых обречены на стагнацию. На наш взгляд, вместо того чтобы бороться с разными «проклятиями» и «болезнями», государствам стоило бы оглянуться на самих себя и проанализировать собственные действия, а также институциональные условия в экономиках, которыми они управляют. Именно от качества институтов, в сущности, зависит, станет ли изобилие природных ресурсов благом или проклятием.

Присвоение ренты, регулирование и экономический рост

Один из важных феноменов во многих странах с сырьевой экономикой – присвоение ренты. Оно, конечно, существует не только в странах, богатых природными ресурсами, но именно на такие страны это явление, судя по всему, оказывает наиболее сильное воздействие, приводя к слабости институтов. Можно назвать несколько причин, по которым страны с сырьевой экономикой особенно уязвимы в плане присвоения ренты. Среди них – фактический контроль государства (в добывающих от-

раслях его уровень намного выше, чем в других секторах), сырьевой национализм, большой масштаб перераспределения и защищенность элиты. В странах с сырьевой экономикой присвоение ренты – одно из главных препятствий на пути экономического роста и социального развития. Регулирование в некоторых сферах, например гарантии прав собственности, независимые суды и правоохранительные органы, крайне важны для эффективного функционирования институциональной системы. Однако чем больше та или иная сфера регулирования удалена от основных функций государства, тем больше вероятность ее негативного воздействия на экономический рост. Регулирование обладает эффектом умножения как позитивного, так и негативного действия: эффективное регулирование, укрепляющее законность, может дать толчок развитию экономики, но даже небольшие госструктуры способны принести немалый вред за счет бюрократической волокиты, создания помех и вмешательства в рыночные отношения.

Роль институтов и экономическая свобода

Сравнительный анализ, проведенный Институтом Фрейзера в рамках проекта «Экономическая свобода в мире», показывает, что экономический рост и социальное развитие во всех исследуемых странах четко коррелируют с экономической свободой. Наш анализ позволяет сделать вывод, что в сырьевых странах с большей экономической свободой выше реальные доходы на душу населения, показатели развития человеческого потенциала, средняя продолжительность жизни, уровень инвестиций, политической свободы и гражданских прав. Высокая степень экономической свободы коррелирует с низким уровнем преступности, коррупции и неграмотности. Самый важный итог нашего анализа заключается в том, что экономические и социальные результаты стран с сырьевой экономикой зависят прежде всего от качества их институциональной системы, нагляднейшим показателем которого является экономическая свобода.

Доля государственной собственности

Успехи Австралии и Канады, сумевших в последние годы (когда большинство других стран ОЭСР боролись с рецессией) благодаря увеличению добычи углеводородов обеспечить динамичный экономический рост, а также сланцевая революция в США демонстрируют преимущества частной собственности в топливно-энергетическом секторе. Наш анализ указывает на четкую тенденцию: в странах, где нефтяные компании находятся в частных руках, уровень среднедушевых доходов выше, а в странах, где этот сектор полностью контролируется государством, размер ВВП на душу населения значительно ниже. Более

того, средний доход на баррель добытого нефтяного эквивалента у девяти крупнейших частных нефтяных компаний в два с лишним раза выше, чем у девяти крупнейших государственных нефтяных корпораций. Хотя частные компании, как правило, имеют лучшие показатели, чем государственные, результаты деятельности последних также сильно различаются. При определенных условиях и грамотной политике некоторые государственные корпорации добиваются впечатляющих результатов. Здесь важна структурная организация конкретной компании и особенно общая институциональная среда, в которой она действует. Госкорпорации, наладившие надежное и долгосрочное партнерство с международными компаниями, как правило, работают гораздо эффективнее, чем государственные предприятия, развивающиеся в условиях автаркии. Нагляднейший пример в этом отношении – малазийская компания Petronas, принадлежащая государству, но уже много десятилетий опирающаяся на альянсы с иностранными корпорациями, обеспечивая эффективную деятельность малазийского нефтегазового сектора и расширение своей деятельности внутри страны и за рубежом. Эти международные альянсы позволяют Малайзии сохранять передовые позиции на мировом рынке, став, в частности, одним из ведущих экспортеров сжиженного природного газа.

Роль инноваций в добывающих отраслях

Инновации – ключ к повышению эффективности и победе в конкурентной борьбе с другими компаниями. Таким образом, они являются одной из главных движущих сил роста и социального развития. К сожалению, инновационный процесс не поддается планированию и директивному руководству со стороны государства, хотя многие политики хотят убедить нас в обратном. Неслучайно прорыв в освоении нетрадиционных углеводородов (например, сланцевой нефти, сланцевого газа и угольного метана) произошел в странах, занимающих высшие места в рейтинге «Экономическая свобода в мире»: Канаде, США и Австралии. Политическому руководству других стран, особенно государств с сырьевой экономикой, следует внимательно изучить институциональные условия, сделавшие возможной сланцевую революцию. В двух словах эти условия представляют собой сочетание гарантированных прав собственности, благоприятного налогового режима, прозрачного и эффективного регулирования и минимума бюрократической волокиты. Более того, страны, компетентно управляющие притоком иммигрантов – творческих и предприимчивых людей из-за рубежа, обгоняют в развитии государства, развивающиеся в изоляции. В частности, сильные институты и эффективная иммиграционная политика позволили Канаде и Австралии дополнительно стимулировать инновации благодаря привлечению квалифицированных людей со всего мира.

Диверсификация и «голландская болезнь»

В борьбе с последствиями «голландской болезни» государства часто пытаются поддержать сокращающийся несырьевой промышленный сектор путем прямых или косвенных субсидий, например ограничения цен на топливо. Такие зависимые от субсидий отрасли становятся все менее эффективными – настолько, что способны втянуть всю экономику в экономический спад. Таким образом, то, что первоначально преподносится как лекарство, зачастую само становится источником стагнации. И «голландская болезнь», и воздействие колебаний цен на сырье представляют собой в первую очередь институциональные, а не экономические проблемы. Они создают затруднения при конкретных обстоятельствах, как правило, связанных с отсутствием сильных и прозрачных институтов. Что же касается диверсификации, то она имеет смысл, когда ведет к общему повышению эффективности, что вряд ли возможно, если победителем «назначает» государство. Отсутствие диверсификации в той или иной экономике – результат недостаточной эффективности (и бюрократической волокиты), не позволяющей компаниям прибыльно работать в других секторах. Когда в эти сектора закачиваются деньги, проблема с эффективностью не только не решается, но и усугубляется.

Стабилизационные фонды

Стабилизационные фонды при правильном использовании с должным уровнем самодисциплины могут быть полезным инструментом экономической политики. Они способны выполнять следующие задачи:

- изымать из обращения часть притока доходов, когда цены на сырье высоки, и сдерживать повышение курса национальной валюты, что является одним из главных следствий «голландской болезни»;
- снижать риски, связанные с ценовой нестабильностью, и сохранять государственные расходы на прежнем уровне в периоды спада;
- обеспечивать определенную бюджетную дисциплину за счет ограничения государственных расходов.

Способность стабилизационного фонда выполнять эти задачи зависит прежде всего от его достаточной защищенности от политического давления, а это в свою очередь связано с качеством институтов. Если институты слабы, а присвоение ренты широко распространено, стабилизационный фонд станет просто еще одним механизмом перераспределения доходов от полезных ископаемых в пользу людей с политическими связями. Примеры удачного использования стабилизаци-

онных фондов существуют, в частности, в Норвегии и Малайзии. Другой вопрос общего характера в этой связи звучит так: а нужно ли людям, чтобы их доходами управляло государство? Несколько экономистов предлагают богатым природными ресурсами странам распределять часть сырьевых доходов между гражданами напрямую. Это можно сделать в виде нефтяных дивидендов вроде тех дивидендов из Постоянного фонда, что выплачиваются всем жителям штата Аляска с 1983 года. Если ископаемые богатства принадлежат всем гражданам страны, то каждый из них имеет право на равную долю этих богатств. Эта идея пока не пользуется широкой поддержкой, но ее стоило бы обсудить как возможную модель для ограничения присвоения ренты и повышения эффективности экономики в целом.

4.2. Что из этого может пригодиться России. Пять практических примеров того, как международный опыт мог бы быть применен к российской ситуации

Чтобы лучше понять проблемы, стоящие перед российским сырьевым сектором, важно учесть историю его развития и особенности его организации. На протяжении ряда лет российские и международные авторы анализировали эволюцию нефтегазовой индустрии в России, а также систему управления природными ресурсами в целом. Одни из самых подробных и глубоких исследований были опубликованы Валерием Крюковым (см. ссылки на его работы в списке литературы). Тейн Густафсон представил подробнейший анализ истории развития углеводородного сектора России в своей книге «Колесо фортуны: битва за нефть и власть в России» (Gustafson, 2012). Подробный анализ регулирования горнодобывающей отрасли России и ее сравнение с организацией горного сектора в других странах представлены в докладе «Привлечение иностранных инвестиций в горнодобывающую промышленность Российской Федерации» (ссылка на доклад есть в списке литературы).

Здесь мы коснемся пяти сфер экономической политики, в которых сосредоточены насущные проблемы российского энергетического сектора (и отчасти – горнодобывающей отрасли). Мы предлагаем ряд практических шагов для их решения на основе российского и международного опыта. Отметим, что **данный обзор ни в коей мере не является полным списком проблем отрасли. Это, скорее, пример того, как институциональный анализ, используе-**

Данный обзор ни в коей мере не является полным списком проблем отрасли. Это, скорее, пример того, как институциональный анализ, используемый в докладе, может быть практически применен к российской ситуации.

В России добывающие отрасли страдают от тех же проблем, что и ее экономика в целом. Самая серьезная из них — неэффективность. Именно она препятствует ускорению экономического роста и решению важнейших задач развития, в частности, затрудняет охрану окружающей среды.

мый в докладе, может быть практически применен к российской ситуации.

1. Двухуровневое повышение эффективности

Структура остаточных запасов нефти и газа в России такова, что текущая добыча в основном обеспечивается отбором из крупных месторождений, в которые уже перешли либо перейдут в ближайшие годы в стадию падающей добычи. Со временем сокращается объем высокопродуктивных, запасов и увеличивается доля запасов в которых преобла-

ет сверхвязкая, тяжелая и битуминозная нефть, низконапорный и сланцевый газ. Чтобы поддерживать уровень добычи, России необходимо повысить эффективность эксплуатации крупных месторождений, находящихся на поздних стадиях разработки, и предпринять масштабную разведку новых запасов.

Проблема в том, что нынешняя модель организации сектора, в основном, не позволяет эффективно решать описанные выше задачи. **В России добывающие отрасли страдают от тех же проблем, что и ее экономика в целом. Самая серьезная из них – неэффективность. Именно она препятствует ускорению экономического роста и решению важнейших задач развития, в частности, затрудняет охрану окружающей среды.** Надо отдельно отметить, что серьезной проблемой нефтегазовой отрасли в России на сегодняшний день является концентрация лицензий на новые месторождения у госкомпаний, которые зачастую не ведут их разработку. При этом очевидно, что, в силу целого ряда факторов, быстрый переход от нынешней структуры к полностью конкурентной модели на практике в России нереализуем. Поэтому нам представляется разумным использование не одной, а двух моделей повышения эффективности с применением дифференциации месторождений по степени разработанности и по затратности извлечения углеводородов.

Мы предлагаем условно разделить существующие месторождения на две группы: «историческое наследие» и «инновационная экономика». К первой группе будут относиться наиболее рентабельные месторождения с относительно низкозатратной добычей нефти и газа. Многие из них находятся на поздних стадиях разработки, и там требуется повысить эффективность эксплуатации. На разработке таких месторождений могут сосредоточиться госкорпорации. При этом в качестве модели можно взять на вооружение стратегию Малайзии – своего рода умную модернизацию, благодаря которой национальная компания «Пе-

тронас» накопила огромный опыт осуществления масштабных проектов. Малайзия сегодня – один из самых крупных в мире производителей сжиженного природного газа, а «Петронас», по единодушному мнению экспертов, – самая эффективная из национальных нефтяных компаний.

Для месторождений с трудноизвлекаемыми и затратными углеводородами может использоваться модель «инновационной экономики».

Для месторождений с трудноизвлекаемыми и затратными углеводородами может использоваться модель «инновационной экономики». Такие месторождения требуют применения управленческих решений и технических инноваций, которые эффективнее вырабатываются частными компаниями. Для такого рода месторождений необходимо создать конкурентную среду с облегченным режимом регулирования, низкими налогами и минимальными барьерами. В качестве примера можно взять Канаду, которая в настоящее время занимает первое место в мире по добыче тяжелой нефти. Страна находится на переднем крае технологических инноваций в области производства нетрадиционных углеводородов.

2. Поэтапное введение нефтяного налога на прибыль (ННП)

Судя по тенденциям последних лет, способность России к увеличению нефтедобычи, несмотря на некоторое повышение ее объема, ограничена. Чтобы поддерживать уровень добычи, России необходимо повысить эффективность эксплуатации крупных месторождений, находящихся на поздних стадиях разработки, и предпринять масштабную разведку новых запасов. И то и другое требует значительных капиталовложений. Одна из причин недостатка таких инвестиций – в высоком налогообложении отрасли и его специфической структуре. Налоговый режим для российского нефтяного сектора – один из самых неблагоприятных в мире. Совокупное налоговое бремя на баррель нефти составляет 70–80 % от прибыли компаний. В газовой отрасли налоговые ставки несколько ниже, но в настоящее время они увеличиваются. Во многих промышленно развитых странах, где остальные налоги в целом выше, чем в России, налоговое бремя для нефтегазовой отрасли не превышает 50 % от прибыли. Кроме того, формула экспортных пошлин в России жестко привязана к нефтяным ценам, поэтому, когда они высоки, у компаний нет стимулов для увеличения производства, что ведет к стагнации нефтедобычи. Нынешняя система препятствует

Судя по тенденциям последних лет, способность России к увеличению нефтедобычи, несмотря на некоторое повышение ее объема, ограничена. Чтобы поддерживать уровень добычи, России необходимо повысить эффективность эксплуатации крупных месторождений, находящихся на поздних стадиях разработки, и предпринять масштабную разведку новых запасов.

Целесообразно было бы использовать поэтапный механизм перехода: изменения в налоговую систему для добывающих компаний вводить в несколько этапов. На первом этапе налог на прибыль был бы незначительным, скажем, 4 % от совокупной прибыли.

повышению эффективности – не только в плане возврата на инвестиции нефтегазовых компаний, но и с точки зрения доходов бюджета.

Важным шагом стали введенные государством в последние годы налоговые каникулы для проектов по разработке шельфовых месторождений и месторождений с трудноизвлекаемыми углеводородами: они создают стимулы для освоения запасов в отдаленных районах с непростыми условиями. Однако сложность в том, что нынешние изменения в целом усложняют систему налогообложения отрасли, привязывая налоговые ставки к структуре месторождений и качеству запасов. Тем самым сильно бюрократизируется администрирование налогов.

Кардинально иным подходом является проведение последовательной налоговой реформы, призванной заменить нынешнюю систему – налог на добычу полезных ископаемых и экспортные пошлины, взимаемые с выручки, – единым Нефтяным налогом на прибыль (ННП). О необходимости такой реформы давно говорят эксперты и представители отрасли. В свое время успешно перешла на такую систему налогообложения Канада, которая является прекрасным примером инновационной ресурсной экономики. Проблема в том, что переход на новую систему будет связан со сменой всей структуры администрирования налогов в отрасли. Очевидно, что это очень непростой процесс. Поэтому мы полагаем, что **целесообразно было бы использовать поэтапный механизм перехода: изменения в налоговую систему для добывающих компаний вводить в несколько этапов. На первом этапе налог на прибыль был бы незначительным, скажем, 4 % от совокупной прибыли.** При этом налоговую структуру важно скорректировать таким образом, чтобы новый налог не повышал совокупную налоговую нагрузку компаний. Этот этап мог бы продлиться, скажем, два года и позволил бы адаптировать как компании, так и государство к новой системе администрирования налогов. Потребуется еще один, а, возможно, даже два таких этапа прежде, чем единый Нефтяной налог на прибыль (ННП) полностью заменит нынешнюю систему налогообложения. Опыт других стран показывает, что общая рационализация налогообложения и умеренное снижение налогового бремени позволяют добиться трех основных результатов:

- увеличения объемов добычи и темпов восполнения запасов;
- повышения рентабельности компаний;
- роста поступлений в казну от торговли нефтью.

3. Сырьевые особые экономические зоны (СОЭЗ)

Чтобы преодолеть сильную бюрократическую инерцию, необходимые реформы в сырьевом секторе могут быть запущены при помощи создания экспериментальных площадок, где будут опробованы новые модели регулирования. Логика данного подхода аналогична нашему предложению о поэтапном введении налога на прибыль в недропользовании. **Создание Сырьевых особых экономических зон (СОЭЗ) позволит адаптировать компании и органы власти к работе в режиме упрощенного регулирования и облегченной нагрузки на бизнес и создаст прецеденты, которые смогут использовать в качестве практического примера другие регионы.** При этом СОЭЗ могли бы распространяться лишь на некоторые группы сырья, например, на твердые минералы или даже только на несколько наименований минералов.

Создание Сырьевых особых экономических зон (СОЭЗ) позволит адаптировать компании и органы власти к работе в режиме упрощенного регулирования и облегченной нагрузки на бизнес и создаст прецеденты, которые смогут использовать в качестве практического примера другие регионы.

В силу специфики отрасли было бы важно дать возможность применять режим СОЭЗ не только на отдельных территориях, но и в целых регионах и федеральных округах. Так режим благоприятствования для горнодобывающей отрасли можно было бы ввести, например, на Дальнем Востоке. Элементами СОЭЗ могли бы быть в числе прочих мер:

- облегченная процедура выдачи лицензий на геологоразведку и добычу;
- повышение планки для классификации месторождений федерального значения;
- дополнительные к имеющимся налоговые льготы для проектов, связанных с разработкой технически сложных месторождений (тяжелая и сланцевая нефть, сланцевый газ и т. д.).

При этом важно отметить, что стандарты по защите окружающей среды для компаний, принимающих участие в геологоразведке и разработке природных ресурсов СОЭЗ, всегда будут соответствовать единым федеральным требованиям.

4. Сжиженный природный газ

Вероятность дальнейшего снижения цен на российский газ в Европе весьма высока. В связи с этим ключевой составляющей газовой стратегии России могла бы стать диверсификация экспорта путем

Вероятность дальнейшего снижения цен на российский газ в Европе весьма высока. В связи с этим ключевой составляющей газовой стратегии России могла бы стать диверсификация экспорта путем приобретения новых клиентов вне Европы, а именно в Азии и на других растущих рынках.

До сих пор российские стабилизационные фонды служили важным уравнивающим инструментом и резервом для экономики на чрезвычайный случай.

приобретения новых клиентов вне Европы, а именно в Азии и на других растущих рынках, где спрос быстро увеличивается, а цены на газ выше. Для этого необходимо быстрое освоение альтернативных маршрутов, прежде всего за счет экспорта СПГ. Сейчас в России действует только один завод по сжижению газа, на Сахалине: его годовой объем поставок составляет 10,6 миллиона тонн СПГ. Это около 4 % от общемирового предложения СПГ и около 7 % экспор-

та «Газпрома». Для сравнения, Австралия планирует к 2020 году утроить производство сжиженного газа, доведя его до 80 миллионов тонн в год. Главная причина отставания России в области производства СПГ – неэффективность стратегического планирования и монополизация газового экспорта.

В последнее время все больше людей (в том числе и во власти) начали осознавать, что интересам российской экономики, да и самого государства отвечает демонополизация газового рынка и допуск независимых производителей к торговле газом внутри страны и на международном рынке. Теперь все будет зависеть от того, получится ли преодолеть инерцию и реализовать необходимые меры на практике. Для того, чтобы увеличить российское присутствие на международном рынке СПГ, необходимо стимулировать строительство новых терминалов для сжижения газа. Принятие в ноябре 2013 г. закона о либерализации экспорта сжиженного природного газа является важным шагом в этом направлении.

5. Национальный нефтяной дивиденд (ННД)

До сих пор российские стабилизационные фонды служили важным уравнивающим инструментом и резервом для экономики на чрезвычайный случай. Вопрос в том, где предел накопления средств и что делать, если резервы фондов продолжат расти на волне высоких цен? Дополни-

Представляется целесообразным провести в России широкую дискуссию относительно возможности введения Национальных нефтяных дивидендов (ННД) по образцу принятых в штате Аляска, которые государство ежегодно выплачивало бы всем гражданам России с момента их рождения.

тельная сложность в том, что накопления в стабилизационных фондах страдают от недостатка прозрачности самих этих структур. Они воспринимаются многими как своего рода «черный ящик», в который уходят государственные доходы. Одно из возможных решений этой проблемы подсказал нам пример Постоянного фонда Аляски — специальной структуры правительства Аляски, в которой накапливается часть государственных доходов от нефтяной промышленности. **Представляется целесообразным провести в России широкую дискуссию относительно возможности введения Национальных нефтяных**

дивидендов (ННД) по образцу принятых в штате Аляска, которые государство ежегодно выплачивало бы всем гражданам России с момента их рождения.

На Аляске дивиденды из Постоянного фонда выплачиваются всем жителям штата Аляска с 1983 года. В 2013 году, к примеру, каждый из них получил 900 долларов США. Вот как мог бы выглядеть Национальный нефтяной дивиденд в России: если принять в расчет данные Правительства России по экспорту нефти за 2012 год в объеме 240 млн тонн, а среднее значение экспортной пошлины в 400 долларов США за тонну, то общий объем полученных государством средств составил около 96 млрд долларов США. Если поделить эту цифру на 143.5 млн человек, количество граждан России, то мы получим примерно 669 долларов США, что сопоставимо с размером дивиденда, выплачиваемого каждому жителю Аляски.

Список литературы

- Abidin, M. H., 2001. Competitive Industrialization with Natural Resource Abundance: Malaysia. R. M. Auty (ed.), *Resource Abundance and Economic Development* (Oxford University Press, Oxford).
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J., 2001. The colonial origins of comparative development: an empirical investigation. *American Economic Review*, 91(5).
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J., 2002 Reversal of Fortune: Geography and Institutions in the Making of the Modern World Income Distribution. *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 117, pp. 1231–1294.
- Acemoglu, D., Johnson, S., Robinson, J., 2003. An African Success Story: Botswana. In D. Rodrik, (ed.) *In Search of Prosperity: Analytic Narratives on Economic Growth*, Princeton, NJ: Princeton University Press: 80–119
- Acemoglu, D., Johnson, S., Robinson, J. A., 2005. Institutions as a Fundamental Cause of Long-Run Growth. In Aghion, P., Durlauf, S., *Handbook of Economic Growth*, Vol. 1, 385–472. Amsterdam: Elsevier.
- Acemoglu, D., Robinson, J., 2001. A Theory of Political Transitions. *American Economic Review* 91: 938–963.
- Acemoglu, D., Robinson, J., 2008. The Role of Institutions in Growth and Development Commission on Growth and Development Working Paper No. 10.
- Ades, A., Di Tella, R., 1999. Rents, Competition, and Corruption. *American Economic Review* 89, 4: 982–93.
- Agafonov, A., 2003. Restructuring of Gazprom: Political rationale prevails. *New Energy Group Online*.
- Alaska Permanent Fund Corporation Balance Sheet, 2012. http://www.apfc.org/_amiReportsArchive/APFC201208.pdf
- Alexeev, M., Weber, S., 2013. *The Oxford Handbook of the Russian Economy*, Oxford University Press. Chapters 13–15.
- Alexeev, M., Conrad, R., 2005. The elusive curse of oil, Working Paper Series SAN05-07, Terry Sanford Institute of Public policy, Duke University.
- Alexeev, M., Conrad, R., 2009. The Elusive Curse of Oil. *The Review of Economics and Statistics* 91(3), 586–598.
- Andersen, J., Aslaksen, S., 2006. Constitutions and the resource curse, Discussion Paper, Department of Economics, Norwegian University of Science and Technology, NTNU.
- Anderson, K., 1998. Are Resource Abundant Countries Disadvantaged?, *The Australian Journal of Agricultural and Resource Economics* 42, 1–23
- Arezki, R., Deininger, K., Selod, H., 2011. Interest in Large-Scale Land Acquisition for Agribusiness Investment: Extent and Determinants and the Global Land Grab. Forthcoming Policy Research Working Paper, World Bank, Washington, DC.
- Arezki, R., Dupuy, A., Gelb, A., 2012. Optimal Public Investment in Resource Rich Countries: The Role of Business Climate and Administrative Capacity, forthcoming IMF Working Paper.
- Arezki, R., Gylfason, T., 2011. Commodity Price Volatility, Democracy and Economic Growth. *Frontiers of Economics and Globalization, Economic Growth and Development*, ed. by Olivier de La Grandville, (Bingley, UK: Emerald Group), pp. 9–24.
- Arezki, R., Hamilton, K., Kazimov, K., 2011. Resource Windfalls, Macroeconomic Stability and Economic Growth, IMF Working Paper 11/142.
- Arezki, R., Nabli, M. K., 2012. Natural Resources, Volatility, and Inclusive Growth: Perspectives from the Middle East and North Africa. IMF Working Papers 12/111.
- Arezki, R., Van der Ploeg, F., 2007. Can the Natural Resource Curse Be Turned into a Blessing? The Role of Trade Policies and Institutions. EUI Working Paper ECO 2007/35. Department of Economics, European University Institute.

- Ascher, W., 1999. *Why Governments Waste Natural Resources: Policy Failures in Developing Countries*, Baltimore: The Johns Hopkins University Press
- Aslund, A., Guriev, S., Kuchins, A., 2010. *Russia after the Global Economic Crisis*. Peterson Institute for International Economics, Washington D.C.
- Atkinson, G., Hamilton, K., 2003. Savings, Growth and the Resource Curse Hypothesis. *World Dev.* 31, 1793–1807.
- Auty, R. M., 1993. *Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis*.
- Auty, R. M., 1994. Industrial Policy Reform in Six Large Newly Industrializing Countries: The Resource Curse Thesis. *World Development*, Vol. 22, 1, 11–26.
- Auty, R. M., 1997. Natural resources, the state and development strategy. *Journal of International Development* 9, 651–663.
- Auty, R. M., 1998. *Resource Abundance and Economic Development: improving the performance of resourcerich countries*. The United Nations University World Institute for Development Economics, Helsinki.
- Auty, R. M., 2001. *Resource abundance and economic development*. Oxford: Oxford University Press.
- Auty, R. M., 2001. The political economy of resource-driven growth. *European Economic Review*, 45, 839–846.
- Auty, R. M., 2001. Why resource endowments can undermine economic development: concepts and case Studies. Paper Prepared for the BP-Amoco Seminar, Lincoln College Oxford University.
- Auty, R. M., 2001. Transition reform in the mineral-rich Caspian region countries. *Resource Policy*, 27 (1).
- Auty, R. M., Evia, J. L., 2001. A growth collapse with point resources: Bolivia. in Auty, 2001a.
- Auty, R. M., Kiiski, S., 2001. Natural resources, capital accumulation, structural change and welfare, Chapter 2 in Auty, R., (ed.) *Resource Abundance and Economic Development*, WIDER Studies in Development Economics, Oxford University Press.
- Auty, R. M., Mikesell, R.F., 1998. *Sustainable development in mineral economies*. Oxford: Clarendon Press.
- Auty, R. M., Gelb, A., 2001. The Political Economy of Resource-Abundant States, in R. Auty (ed.), *Resource Abundance and Economic Development*, Oxford: Oxford University Press: 126–144.
- Auty, R. M., 2002. *Russia: the Political Economy of Transition in a Mineral Economy*. In Murshed, M. (Ed.) (2002) *Issues in Positive Political Economy*. London: Routledge.
- Auty, R. M., 2004. Natural Resources and Civil Strife: A Two-Stage Process, *Geopolitics* 9.1:29–49.
- Awadallah, B., Malik, A., 2011. *The Economics of the Arab Spring*, Center for the Study of African Economies (CSAE) Working Paper WPS/2011 23 (Oxford, UK: CSAE).
- Baland, J.-M., Francois, P., 2000. Rent-seeking and resource booms. *J. Dev. Econ.* 61, 527–542.
- Bannon, I., Collier, P., 2003. *Natural Resources and Conflict: What We Can Do*, Chapter 1 in I. Bannon and P. Collier (eds), *Natural Resources and Violent Conflict: Options and Actions*, Washington, DC: World Bank.
- Barro, J. R., 1999. Determinants of Democracy. *Journal of Political Economy* 107, 6: S158–83.
- Barro, J. R., 2000. Recent Developments in Endogenous Growth Theory. Ch. 2 in Oosterbaan et al.
- Bazresch, C., Levy, S., 1991. *Populism and Economic Policy in Mexico, 1970–82*. From Dornbusch, R., Edwards, S., *The Macroeconomics of Populism in Latin America*. University of Chicago Press.
- Beck, T., 2011. *Oil and Finance: Is There a Resource Curse? Beyond the Curse: Policies to Harness the Power of Natural Resources*, ed. by R. Arezki, T. Gylfason, and A. Sy, International Monetary Fund.

- Beck, T., Clarke, G., Groff, A., Keefer, P., Walsh, P., 2005. New tools in comparative political economy: the database of political institutions, *World Bank Econ. Rev.* 15, 165–176.
- Beck, T., Laeven, L., 2006. Institution Building and Growth in Transition Economies. *Journal of Economic Growth* 11: 157–86.
- Bellamy, Foster J. and Clark, B., 2004. Ecological Imperialism: The Curse of Capitalism. *Socialist Register* 2004: 186–201.
- Beland, L. P., Tiagi, R., 2009. Economic Freedom and the “Resource Curse”. An Empirical Analysis BP Statistical Review of World Energy 2013.
- Besley, T., Persson, T., 2011. Pillars of Prosperity. Princeton University Press.
- Bevan D., Collier P., Gunning J., 1999. The Political Economy of Poverty, Equity, and Growth: Nigeria and Indonesia, Oxford: Oxford University Press.
- Bhattacharyya, S., Hodler, R., 2010. Natural Resources, Democracy and Corruption. *European Economic Review*, Elsevier, vol. 54(4), 608–621.
- Birdsall, N., Pinckney, T., Sabot, R., 2001. Natural Resources, Human Capital, and Growth. In R. Auty (Ed.), *Resource Abundance and Economic Growth*. Oxford University Press, Oxford.
- Birdsall, N., Subramanian, A., 2004. Saving Iraq from its oil. *Foreign Affairs*: 77–89.
- Blanchard, O., Perotti R., 2002. An Empirical Characterization of the Dynamic Effects of Changes in Government Spending and Taxes on Output. *Quarterly Journal of Economics* 117 (4), 1329–1368.
- Blattman, C., Hwang, J., Williamson, J. G., 2007. Winners and Losers in the Commodity Lottery: The Impact of Terms of Trade Growth and Volatility in the Periphery 1870–1939. *Journal of Development Economics* 82(1), 156–179.
- Bohn, H., Deacon, R.T., 2000. Ownership risk, investment and the use of natural resources, *Am. Econ. Rev.* 90, 526–549.
- Boschini, D., Anne, J. P., Roine, J., 2003. Resource Curse or Not: A Question of Appropriability. SSE/EFI Working Paper Series in Economics and Finance, No. 534. Stockholm University.
- BP Statistical Review of World Energy 2013. http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/statistical-review/statistical_review_of_world_energy_2013.pdf
- Bradsher, K., 2005. Oil wealth wasting away in Indonesia. *New York Times*.
- Bravo-Ortega, C., De Gregorio, J., 2005. The relative richness of the poor? Natural resources, human capital and economic growth, *World Bank Working Paper Series* No. 3484.
- Brunnschweiler, C. N. 2008. Cursing the Blessings? Natural Resource Abundance, Institutions, and Economic Growth. *World Development* Vol. 36, 3, 399–419.
- Brunnschweiler, C. N., Bulte, E. H., 2006. The Resource Curse Revisited and Revisited: A Tale of Paradoxes and Red Herrings. *Economics Working Paper Series* No. 06/61. Swiss Federal Institute of Technology Zurich.
- Brunnschweiler, C. N., Bulte, E. H., 2008. The resource curse revisited and revised: A tale of paradoxes and red herrings. *Journal of Environmental Economics and Management* 55, 248–264.
- Brunnschweiler, C. N., Bulte, E. H., 2008. Linking natural resources to slow growth and more conflict. *Science* 320, 616–617.
- Bulte, E.H., Damania, R., Deacon, R.T., 2005. Resource intensity, institutions and development, *World Dev.* 33, 1029–1044.
- Caselli, F., Cunningham, T., 2009. Leader Behaviour and the Natural Resource Curse. *Oxford Economic Papers* 61(4), 628–650.
- Cavalcanti, T.V.d.V., Mohaddes, K., Raissi, M., 2009. Growth, Development and Natural Resources: New Evidence Using a Heterogeneous Panel Analysis. *Cambridge Working Papers in Economics* 0946.
- Cavalcanti, T.V.d.V., Mohaddes, K., Raissi, M., 2011. Commodity Price Volatility and the Sources of Growth. Faculty of Economics, University of Cambridge.

- Cavalcanti, T.V.d.V., Mohaddes, K., Raissi, M., 2011. Does Oil Abundance Harm Growth? *Applied Economics Letters* Forthcoming 10.
- Clay, K., Wright, G., 2005. Order Without Law? Property Rights During the California Gold Rush. *Explorations in Economic History*, vol. 42, 115-183.
- Collier P., Goderis, B., 2007. Commodity Prices, Growth, and the Natural Resource Curse: Reconciling a Conundrum. *CSAE Working Paper Series No. 276*.
- Collier, P., Hoeffler, A., 1998. On Economic Causes of Civil War. *Oxford Economic Papers* 50: 563–573.
- Collier, P., Hoeffler, A., 2005. Resource Rents, Governance, and Conflict. *Journal of Conflict Resolution* 49: 625–633.
- Collier, P., Hoeffler, A., 2009. Testing the Neocon agenda: democracy in resource-rich societies. *European Economic Review* 53, 293–308.
- Corden, W. 1984. Booming Sector and Dutch Disease Economics: Survey and Consolidation. *Oxford Economic Papers*, 36(3), 359-380.
- Corden, W., Neary, J., 1982. Booming Sector and De-industrialization in a Small Open Economy. *Economic Journal*, 825-848.
- Dalmazzo, A., de Blasio, G., 2003. Resources and incentives to reform. *IMF Staff Papers* 50, 250–273.
- Damania, R., Bulte, E., 2003. Resources for Sale: Corruption, Democracy and the Natural Resource Curse. Mimeo, Tilburg University.
- David, P. A., Wright, G. 1997. Increasing returns and the genesis of American resource abundance. *Industrial and Corporate Change*, vol. 6, pp. 203–245.
- Davis, G.A., 1998. The minerals sector, sectoral analysis, and economic development, *Resource Policy* 24, 217–228.
- Davis, J., Ossowski, R., Daniel, J., Barnett, S., 2001. Stabilization and savings funds for non-renewable resources. Occasional paper 205. International Monetary Fund, Washington DC.
- Davis, J.M., Ossowski, R., Fedelino, A. (eds), 2003. Fiscal Policy Formulation and Implementation in Oil-Producing Countries, Washington, DC: International Monetary Fund.
- De Ferranti, D., Perry, G. E., Lederman, D., Malomey, W. F., 2002. From natural resources to the Knowledge Economy: Trade and job quality. Washington DC, The World Bank.
- Deffeyes, K. S., 2003. Hubbert's peak: The impending world oil shortage. Princeton: Princeton University Press.
- De Haan, J., Sturm, J. E., 2000. On the Relationship between Economic Freedom and Economic Growth. *European Journal of Political Economy* 16: 215–41.
- De Long, J.B., Williamson, J.G., 1994. Natural resources and convergence in the nineteenth and twentieth centuries. Mimeo.
- De Soysa, I., 2000. The Resource Curse: Are Civil Wars Driven by Rapacity or Paucity? in M. Berdal and D. Malone (eds), *Greed and Grievance: Economic Agendas in Civil Wars*, Boulder: Lynne Reiner: 113–35.
- Devlin, J., Lewin, M., 2002. Issues in oil revenue management. Paper to the World Bank/ESMAP Workshop in Petroleum Revenue Management. Washington DC.
- Dienes, L., 2004. Observations on the problematic potential of Russian oil and the complexities of Siberia. *Eurasian Geography and Economics* 45 (5): 319–45.
- Ding, N., Field, B. C., 2005. Natural Resource Abundance and Economic Growth. *Land Economics* 81, 4: 496–502.
- Dollar, D., Hallward-Driemeier, M., Shi, A., Wallsten, S., Wang, S., Xu, L. C., 2003. Improving the Investment Climate in China. World Bank Document.
- Durnev, A., Guriev, S., 2007. The Resource Curse: A Corporate Transparency Channel. *CERP Discussion Paper 6547*.
- Easterly, W., Levine R., 1997. Africa's Growth Tragedy: Policies and Ethnic Divisions. *Quarterly Journal of Economics*, 112 (4):1203-1250.

- Easterly, W., Levine, R., 2002. Tropics, Germs, and Crops: How Endowments Influence Economic Development. Working Papers 15, Center for Global Development.
- Easton, S.T., Walker, M. A., 1997. Income, Growth, and Economic Freedom. *American Economic Review* 87, 2: 328–32.
- Eifert, Benn, Gelb, A., Tallroth, N. B., 2003. The Political Economy of Fiscal Policy and Economic Management in Oil-Exporting Countries. Washington, DC: International Monetary Fund. 82-122.
- Entelis, J. P., 1976. Oil Wealth and the Prospects for Democratization in the Arabian Peninsula: The Case of Saudi Arabia. From Naiem, A., Sherbiny, Tessler, M. A., *Arab Oil: Impact on the Arab Countries and Global Implications*. New York: Praeger.
- Esfahani, H. S., Mohaddes, K., Pesaran, M. H., 2009. Oil Exports and the Iranian Economy. *Cambridge Working Papers in Economics* 0944.
- Fasano, U., 2000. Review of the experience with oil stabilization and savings funds in selected countries. IMF Working Paper WP/00/112. International Monetary Fund, Washington DC.
- Findlay, R., Lundahl, M., 2001. Natural resources and economic development: the 1870–1914 experience, in: R.M. Auty (Ed.), *Resource Abundance and Economic Development*, Oxford University Press, Oxford.
- “Fostering Foreign Investment in Mineral Exploration and Development in Russia”, 2011, Report published by the Foreign Investment Advisory Council of Russia (FIAC) in cooperation with Kinross Gold (link available in the References section). Online: http://www.cerbanet.org/intranet/Documents/Regional%20Office%20-%20Toronto/Events/2012_Mining_conference/PPT/kinrossWhitePaper17Oct2011_ENG.pdf
- Frankel, J., 2011. Economic Diversification in Resource Rich Countries. *Beyond the Curse: Policies to Harness the Power of Natural Resources*, ed. by R. Arezki, T. Gylfason, and A. Sy, International Monetary Fund.
- Frankel, J., 2011. How Can Commodity Exporters Make Fiscal and Monetary Policy Less Pro-cyclical? *Beyond the Curse: Policies to Harness the Power of Natural Resources*, ed. by R. Arezki, T. Gylfason, and A. Sy, International Monetary Fund.
- Frankel, J., 2012. Economic Diversification and the Role of the Government in Resource-Rich Economies. Presentation at the Economic Research Forum Conference on Understanding and Avoiding the Curse in the Arab World, Kuwait.
- Frankel, J., 2012. The Natural Resource Curse: A Survey of Diagnoses and Some Prescriptions. *Commodity Prices and Inclusive Growth in Low-Income Countries*, ed. by Rabah Arezki, Catherine Pattillo, Marc Quintyn, and Min Zhu, International Monetary Fund.
- Friends of the Earth. 2002. Oil funds: Answer to the paradox of plenty?
- Gartzke, E., 2005. Economic Freedom and Peace. Chapter 2, *Economic Freedom of the World: 2005 Annual Report*.
- Gelb, A, 1988. *Windfall Gains: Blessing or Curse?* Oxford University Press.
- Glaeser, E.L., La Porta, R., Lopez-De-Silanes, F., Shleifer, A., 2004. Do institutions cause growth?, *J. Econ. Growth* 9, 271–303.
- Global Policy Forum. 2003. Chad-Cameroon: Oil and poverty reduction don't mix.
- Goderis, B., Malone, S. W., 2008. *Natural Resource Booms and Inequality: Theory and Evidence*, OxCarre Working Paper No. 008. Oxford, UK: Oxford Centre for the Analysis of Resource Rich Economies, University of Oxford.
- Gruben, W. C., 2004. The 'Curse' of Venezuela - Southwest Economy. Federal Reserve Bank of Dallas.
- Guriev, S., Kolotilin, A., Sonin, K., 2011. Determinants of Expropriation in the Oil Sector: a Theory and Evidence from Panel Data. *Journal of Law, Economics and Organization*, 27(1).
- Guriev, S., Plekhanov, A., Sonin, K., 2011. *Development Based on Commodity Revenues*. Chapter 4 of the *Transition Report 2009. Transition in Crisis*. European Bank for Reconstruction and Development, London.
- Gustafson, T., 2012. *Wheel of Fortune: The Battle for Oil and Power in Russia*. Belknap Press

- Gwartney, J., Lawson, R., 1996. Economic Freedom of the World: 1996 Annual Report.
- Gwartney, J., Lawson, R., Holcombe, R., 1998. The Size and Functions of Government and Economic Growth. Joint Economic Committee.
- Gwartney, J., Lawson, R., Holcombe, R., 2006. Institutions and the Impact of Investment on Growth. *Kyklos*, Vol. 59, 2, 255–273.
- Gwartney, J. D., Hall, J. C., Lawson, R., 2010. Economic Freedom of the World: 2010 Annual Report. The Fraser Institute.
- Gylfason, T., 2000. Resources, agriculture, and economic growth in economies in transition. *Kyklos* 53, 545–580.
- Gylfason, T., 2000. Nature, Power, and Growth, ECON Report 3, ECON – Center for Economic Analysis, Oslo.
- Gylfason, T. 2000. Natural Resources and Economic Growth: A Nordic Perspective on the Dutch Disease. *Macroeconomic Policy: Iceland in an Era of Global Integration*, ed. Mar Gudmundsson, Tryggvi Thor Herbertsson, and Gylfi Zoega, Iceland University Press, Reykjavík.
- Gylfason, T., 2001a. Nature, power, and growth. *Scottish Journal of Political Economy*, 48, 558–588.
- Gylfason, T., 2001. Natural Resources, Education, and Economic Development. *European Economic Review* 45(4–6), 847–859.
- Gylfason, T., Herbertson, T. T., Zoega, G., 1997. A mixed blessing: Natural resources and economic growth. Discussion paper no. 1668. CEPR, London.
- Gylfason, T., Herbertson, T. T., Zoega, G., 1999. A Mixed Blessing. *Macroeconomic Dynamics* 3(2), 204–225.
- Gylfason, T., Zoega, G., 2006. Natural Resources and Economic Growth: The Role of Investment. *The World Economy* 29, 8: 1091–1115.
- Haber, S., Menaldo, V., 2010. Do Natural Resources Fuel Authoritarianism? A Reappraisal of the Resource Curse. *American Political Science Review*, Vol. 105, No. 1, 1–26, 2011.
- Hall, R., Jones, C. I., 1998. Why Do Some Countries Produce So Much More Output per Worker than Others? *Quarterly Journal of Economics* 114, 1: 83–116.
- Hamilton, K., 2001. The sustainability of extractive economics. Chapter 3 in Auty, R., (ed.) *Resource Abundance and Economic Development*, WIDER Studies in Development Economics, Oxford University Press.
- Hansson, P., Henrekson, M., 1994. A New Framework for Testing the Effect of Government Spending on Growth and Productivity. *Public Choice* 81 (3–4): 381–401.
- Harford, T., Klein, M., 2005. Aid and the Resource Curse, The World Bank Group, Private Sector Development Vice Presidency, Note #291, Washington, DC.
- Hausmann, R., Rigobon, R., 2002. An Alternative Interpretation of the ‘Resource Curse’: Theory and Policy Implications. NBER Working Paper Series, WP 9424, National Bureau of Economic Research, Cambridge.
- Hausman, R., 2003. Venezuela’s Growth Implosion: A Neoclassical Story. In D. Rodrik (ed.), *In Search of Prosperity: Analytic Narratives on Economic Growth*, Princeton: Princeton University Press: 244–270.
- Hausmann, R., Hwang, J., Rodrik, D., 2007. What You Export Matters. *Journal of Economic Growth* 12(1), 1.25.
- Herbertsson, T. T., Skuladottir, M. G., Zoega, G., 1999. Three Symptoms and a Cure: A Contribution to the Economics of the Dutch Disease. Working Paper No. W99:10, Institute of Economic Studies, University of Iceland.
- Heuty, A., 2012. The Role of Transparency and Civil Society in Managing Commodities for Inclusive Growth and Development. *Commodity Prices and Inclusive Growth in Low-Income Countries*, ed. by Rabah Arezki, Catherine Pattillo, Marc Quintyn, and Min Zhu, International Monetary Fund.
- Hill, F., 2004. *Energy empire: Oil, gas, and Russia’s revival*. London: Foreign Policy Centre.
- Hodler, R., 2006. The curse of natural resources in fractionalized countries, *Eur. Econ. Rev.* 50, 1367–1386.

- Humphreys, M., 2005. Natural Resources, Conflict, and Conflict Resolution: Uncovering the Mechanisms. *Journal of Conflict Resolution* 49.4: 508–537.
- Husain A., Tazhibayeva K., Ter-Martirosyan, A., 2008. Fiscal Policy and Economic Cycles in Oil-Exporting Countries. IMF Working Paper No. 08/253.
- Ianchovichina, E., Lundstrom- Gable, S., 2012. What is Inclusive Growth? Commodity Prices and Inclusive Growth in Low-Income Countries, ed. by Rabah Arezki, Catherine Pattillo, Marc Quintyn, and Min Zhu, International Monetary Fund.
- Imi, A., 2006. Did Botswana Escape from the Resource Curse? IMF Working Paper WP/06/138. International Monetary Fund.
- Isham, J., Woolcock, M., Pritchett, L., Busby, G., 2002. The Varieties of Rentier Experience: How Natural Resource Export Structures Affect the Political Economy of Economic Growth.
- Isham, J., Woolcock, M., Pritchett, L., Busby, G., 2005. The Varieties of Resource Experience: Natural Resource Export Structures and the Political Economy of Economic Growth. *World Bank Economic Review* 19, 2: 141–174.
- Jensen, N., Wantchekon, L., 2004. Resource Wealth and Political Regimes in Africa. *Comparative Political Studies* 37: 816–841.
- Jones Luong, P., Weinthal, E., 2001. Prelude to the Resource Curse: Explaining Oil and Gas Development Strategies in the Soviet Successor States and Beyond. *Comparative Political Studies* 34.4: 367–399.
- Karabegović, A., 2009. Institutions, Economic Growth, and the “Curse” of Natural Resources. *Studies in Mining Policy*. Fraser Institute.
- Karl, T., 1997. *The Paradox of Plenty: Oil Booms and Petro-states*. University of California Press, Berkeley.
- Katz, M., Bartsch, U., Harinder Malothra, H., Cuc, M., 2004. *Lifting the oil curse: Improving petroleum revenue management in Sub-Saharan Africa*. Washington, DC: IMF.
- Klare, M. T., 2004. *Blood and oil: The dangers and consequences of America’s growing dependency on imported petroleum*. New York: Metropolitan Books.
- Kolstad, I., 2007. *The Resource Curse: Which Institutions Matter?* CMI Working Paper WP 2007, 2. CHR Michelsen Institute.
- Kronenberg, T., 2004. The curse of natural resources in the transition economies. *Economics of Transition*. Vol. 12 (3), 399–426.
- Krueger, A.O., 1974. The political economy of the rent-seeking society. *Am. Econ. Rev.* 64, 291–303.
- Krueger, A.O., Shiff, M., Valdés, A., 1991. *The Political Economy of Agricultural Pricing Policy*. Vols. 1, 2 and 3, World Bank, Washington D.C.
- Krugman, P., 1987. The Narrow Moving Band, the Dutch Disease, and the Competitive Consequences of Mrs. Thatcher: Notes on Trade in the Presence of Dynamic Scale Economies. *Journal of Development Economics* 27(1-2), 41-55.
- Kryukov, V., Sagers, M. J., Shmat, V. V., 1995. The Extraction and Distribution of Resource Rent From Oil and Gas Sector in the Russian Economy, *Post-Soviet Geography*. Vol. 36. Issue 6., p. 389—425.
- Kryukov, V., Moe, A., 2010, Oil Exploration in Russia: Prospects for Reforming a Vulnerable Sector, *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 51., No. 3., p. 312—329.
- Kryukov, V., Moe, A., 2013a, The Russian Oil Sector, *The Oxford Handbook of the Russian Economy*, edited by Alexeev, M. and Weber, S. Oxford University Press
- Kryukov, V., Moe, A., 2013b, The Russian Gas Sector, *The Oxford Handbook of the Russian Economy*, edited by Alexeev, M. and Weber, S. Oxford University Press
- Kryukov, V., Moe, A., 2007. Russia’s Oil Industry: Risk Aversion in a Risk-Prone Environment, *Eurasian Geography and Economics* 48 (3): 341–57.
- Kryukov, V., Tokarev, A. N., 2010. Evolution of Oil Resource Management in Russia. *Journal of Humanities (Gumanitarnie Nauki)*, No. 3, p. 864—890.
- Lal, D., Myint, H., 1996. *The Political Economy of Poverty, Equity and Growth- A Comprehensive Study*. Clarendon Press, Oxford.

- Lam R., Wantchekon L., 2003. Political Dutch Disease, NYU Working Paper.
- Lane, P. R., Tornell, A., 1996. Power, Growth, and the Voracity Effect. *Journal of Economic Growth* 1, 213-241.
- Lange, G.-M., 2004. Wealth, natural capital, and sustainable development: contrasting examples from Botswana and Namibia. *Environ. Resour. Econ.* 29, 257-283.
- Lange, G.-M., Wright, M., 2004. Sustainable development in mineral economies: the example of Botswana. *Environ. Dev. Econ.* 9, 485-505.
- La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., Shleifer, A., Vishny, R., 1999. The quality of government. *J. Law Econ. Organ.* 15, 222-278.
- Larsen, R. E., 2006. Escaping the Resource Curse and the Dutch Disease? When and Why Norway Caught Up with and Forged Ahead of Its Neighbors. *American Journal of Economics and Sociology* 65, 3: 605-640.
- Lederman, D., Maloney W. F., 2003. Trade Structure and Growth. Policy Research Working Paper No. 3025. The World Bank.
- Lederman, D., Maloney, W. F., 2007. Natural Resources Neither Curse nor Destiny. The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank.
- Lederman, D., Maloney, W. F., 2008. In Search of the Missing Resource Curse. World Bank, Policy Research Working Paper 4766.
- Leite, C., Weidmann, J., 1999. Does Mother Nature Corrupt? Natural Resources, Corruption, and Economic Growth. IMF Working Paper No. WP/99/85. International Monetary Fund.
- Leong, W., Mohaddes, K., 2011. Institutions and the Volatility Curse. CWPE 1145.
- Lujala, P., 2003. Classification of Natural Resources for Conflict and Growth Research. Presented at the 2003 European Consortium for Political Research (ECPR) Joint Session, Workshop #9 on Geography, Conflict, and Cooperation, Edinburgh.
- Lujala, P., Gleditsch, N. P., Gilmore, E., 2005. A Diamond Curse? Civil War and a Lootable Resource. *Journal of Conflict Resolution*, 49, 4, 538-62.
- Maloney, W. F., 2002. Innovation and growth in resource rich countries. Central Bank of Chile Working Papers No 148. Central Bank of Chile.
- Manzano, O., Rigobon, R., 2001. Resource Curse or Debt Overhang? NBER Working Paper No. w8390.
- Mauro, P., 1995. Corruption and growth. *Quarterly Journal of Economics* 110, 681-712.
- Matsen, E., Torvik, R., 2005. Optimal Dutch Disease. *Journal of Development Economics*, 78, 2, 494-515.
- Mayer, J., Chambers, B., Farooq, A., 1999. Development Policies in Natural Resource Economies, Edward Elgar, Cheltenham, UK, and Northampton, Massachusetts.
- MacIntyre, A., 2003. Institutions and the Political Economy of Corruption in Developing Countries. Discussion Paper, Workshop on Corruption, Stanford University.
- McKinnon, R., 1976. International Transfers and Non-traded Commodities: The Adjustment Problem, Leipziger, D.M. (ed.), *The International Monetary System and the Developing Nations*, Washington, D.C.: Agency for International Development.
- McMahon, G., 1997. The natural resource curse: Myth or reality? Economic Development Institute, World Bank, Washington, D.C.
- McMahon, F., 2000. Road to Growth: How Lagging Economies Become Prosperous. Atlantic Institute for Market Studies.
- Mehlum, H., Moene, K., Torvik, R., 2006. Cursed by resources or institutions? Working Paper Series 5705, Department of Economics, Norwegian University of Science and Technology.
- Mehlum, H., Moene, K., Torvik, R., 2006. Institutions and the Resource Curse. *Economic Journal* 116: 1-20.
- Mironov, M., 2011. Taxes, Theft, and Firm Performance. Instituta Empresa Working Paper, Madrid.
- Mitchell, D. J., 2005. The Impact of Government Spending on Economic Growth. The Heritage Foundation, No. 1831.
- Mitchell, D., 2010. The Global Tax Revolution.

- Mikesell, R. F., 1997. Explaining the resource curse, with special reference to mineral exporting countries. *Resources Policy*. Vol. 23, No. 4, 191-199.
- Moore M., 2004. Revenues, State Formation and the Quality of Governance in Developing Countries. *International Political Science Review* 25.3: 297–319.
- Murshed, M. S., 1999. A macroeconomic model of a developing country endowed with a natural resource. Working Paper No. 165, UNU/WIDER, Helsinki.
- Murshed, M. S., 2003. When Does Natural Resource Abundance Lead to a Resource Curse? Mimeo, Institute of Social Studies, The Hague.
- Neary, J. P., van Wijnbergen S. J. G., 1986. *Natural Resources and the Macroeconomy*. MIT Press, Cambridge, MA.
- Neumayer, E., 2004. Does the “resource curse” hold for growth in genuine income as well?, *World Dev.* 32, 1627–1640.
- Norman, C.S., 2006. Rule of Law and the Resource Curse: Abundance versus Intensity, Johns Hopkins University, Mimeo.
- Nunn, N., 2008. Long-term effects of Africa’s slave trades. *Quarterly Journal of Economics* 123: 139-176.
- OECD, 2008. Russian Federation: Strengthening the Policy Framework for Investment. *OECD Investment Policy Reviews 2008*, p. 27.
- Okruhlik G., 1999. Rentier wealth, unruly law and the rise of opposition: the political economy of oil states. *Comparative Politics*.
- Olsson, O., 2004. Conflict Diamonds. Mimeo, Gothenburg University.
- Olsson, O., Fors, H. C., 2004. Congo: The Prize of Predation. *Journal of Peace Research*, 41, 3, 321–36.
- Olsson, O., 2006. Diamonds Are a Rebel’s Best Friend. *The World Economy* 29, 8: 1133–1150.
- Okruhlik, G., 1999. Rentier Wealth, Unruly Law, and the Rise of Opposition: The Political Economy of Oil States. *Comparative Politics* 31.3: 295–316.
- Ossowski, R., Villafuerte, M., Medas, P.A., Thomas, T., 2008. Managing the Oil Revenue Boom: The Role of Fiscal Institutions. Occasional Paper 260 Washington, D.C.: International Monetary Fund.
- Pain, T., 1795. *Agrarian Justice*. . <https://www.socialsecurity.gov/history/paine4.html>
- Paldam, M., 1997. Dutch Disease and Rent Seeking: The Greenland Model. *European Journal of Political Economy* 13, No. 1, 591-614.
- Palley, T. I., 2003. Combating the natural resource curse with citizen revenue distribution funds: Oil and the case of Iraq. *Foreign Policy in Focus* : 1–12.
- Papayrakis, E., Gerlagh, R., 2004. The Resource Curse Hypothesis and Its Transmission Channels. *Journal of Comparative Economics* 32: 181–193.
- Pearce, J., 2005. Policy Failure and Petroleum Predation: The Economics of Civil War Debate Viewed “From the War Zone”. *Government and Opposition* 40.2: 152–180.
- Peluso, N. L., Watts, M., 2001. *Violent Environment*. Cornell University Press.
- Persson, T., 2002. Do Political Institutions Shape Economic Policy. *Econometrica* 70: 883-905.
- Pesaran, M. H., 1997. The Role of Economic Theory in Modelling the Long Run. *The Economic Journal* 107(440), 178- 191.
- Pindyck R., 1999. The long run evolution of energy prices. *The Energy Journal* 20 (2).
- Przeworski, A., Limongi, F., 1993. Political regimes and economic growth, *J. Econ. Perspect.* 7, 51–69
- Rasiah R., Shari I., 2001. Market, government and Malaysia’s new economic policy. *Cambridge Journal of Economics*. 25.
- Robinson, J., Torvik, R., Verdier, T., 2002. Political Foundations of the Resource Curse. Centre For Economic Policy Research Discussion Paper Series No 3422.
- Robinson, J.A., Torvik, R., Verdier, T., 2006. Political foundations of the resource curse, *J. Dev. Econ.* 79, 447–468.

- Rodrick, D., Subramanian, A., Trebbi, F., 2004. Institutions rule: the primacy of institutions over geography and integration in economic development. *Journal of Economic Growth*, Vol. 9, pp. 131–165.
- Rodriguez, F., Sachs, J. D., 1999. Why Do Resource-Abundant Economies Grow More Slowly? *Journal of Economic Growth* 4: 277–303.
- Roed, E. L., 2003. Are Rich Countries Immune to the Resource Curse? Evidence from Norway's Management of its Oil Riches. Discussion Paper No. 362, Statistics Norway.
- Ross, M. L., 1999. The Political Economy of the Resource Curse. *World Politics* 51, 297–322.
- Ross, M. L., 2001. Does Oil Hinder Democracy? *World Politics*, Volume 53, 3, 325–361.
- Ross, M. L., 2002. Resources and Rebellion in Indonesia. Unpublished manuscript.
- Ross, M. L., 2003a. How Does Mineral Wealth Affect the Poor?. Unpublished paper.
- Ross, M. L., 2003b. Oil, Drugs and Diamonds: The Varying Role of Natural Resources in Civil War. In K. Ballentine and J. Sherman (eds), *The Political Economy of Armed Conflict: Beyond Greed and Grievance*, Boulder: Lynne Reiner Publishers: 47–70.
- Ross, M. L., 2004a. What Do We Know About Natural Resources and Civil War? *Journal of Peace Research* 41.3: 337–356.
- Ross, M. L., 2004b. How Do Natural Resources Influence Civil War? Evidence From 13 Cases. *International Organisation* 58.1: 35–68.
- Ross, M. L., 2007. How Mineral-Rich States Can Reduce Inequality. *Escaping the Resource Curse*, ed. by M. Humphreys, J. D. Sachs, and J. E. Stiglitz. New York: Columbia University Press.
- Ross, M., Mazaheri, N., Kaiser, K., 2011. The 'Resource Curse' in MENA? Resource Wealth, Economic Shocks, and Conflict Risk. World Bank Policy Research Working Paper No. 5742, Washington: World Bank.
- Ross, M., Mazaheri, N., Kaiser, K., 2012. The Political Economy of Petroleum Wealth in Low-Income Countries: Some Policy Alternatives. *Commodity Prices and Inclusive Growth in Low-Income Countries*, ed. by Rabah Arezki, Catherine Pattillo, Marc Quintyn, and Min Zhu, International Monetary Fund.
- Rosser, A., 2004. Why Did Indonesia Overcome the Resource Curse? IDS Working Paper 222, Brighton: IDS.
- Rosser, A., 2006. The Political Economy of the Resource Curse: A Literature Survey. IDS Working Paper 268.
- Rosser, A., 2006. Review Essay: Escaping the Resource Curse. *New Political Economy* 11, 4: 557–570.
- Sachs, J. D., Warner, A.M., 1995. Natural resource abundance and economic growth. NBER Working Paper No. 5398.
- Sachs, J. D., Warner, A.M., 1999. The Big Push, Natural Resource Booms and Growth. *Journal of Development Economics* 59: 43–76.
- Sachs, J.D., Warner, A.M. 1999. Natural resource intensity and economic growth. In Meyer, J., Chambers, B. and Farooq, A. (Eds.), *Development Policies in Natural Resource Economies*, Cheltenham, Edward Elgar.
- Sachs, J.D., Warner, A.M., 2001. The curse of national resources. *European Economic Review*, Vol. 45, pp. 827–838.
- Sala-i-Martin, X., 1997. I Just Ran Two Million Regressions. *The American Economic Review*, Vol. 87, No. 2, Papers and Proceedings of the Hundred and Fourth Annual Meeting of the American Economic Association. 178–183.
- Sala-i-Martin, X., Subramanian A., 2003. Addressing the Natural Resource Curse: An Illustration from Nigeria. IMF Working Paper. Washington, DC: International Monetary Fund.
- Sala-i-Martin, X., Doppelhofer, G., Miller, R., 2004. Determinants of long-term growth: a Bayesian averaging of classical estimates (BACE) approach, *Am. Econ. Rev.* 45, 827–838.
- Sarraf, M., Jiwaji, M. 2001. Beating the Resource Curse: the Case of Botswana, *Environmental Economics Series*, Paper No. 83.

- Save the Children, 2003. *Lifting the Resource Curse: Extractive Industry, Children and Governance*, London: Save the Children.
- Schrank, A., 2004. *Reconsidering the "Resource Curse": Sociological Analysis Versus Ecological Determinism*, New Haven: Dept of Sociology, Yale University.
- Seymour, L., 2000. East Timor's Resource Curse?. *Far Eastern Economic Review* 30.
- Shaxson, N., 2005. New Approaches to Volatility Dealing With the "Resource Curse" in Sub-Saharan Africa. *International Affairs* 81.2: 311–324.
- Sherman, J., 2000. Profits vs. Peace: The Clandestine Diamond Economy of Angola. *Journal of International Affairs* 53.2: 699–719.
- Shleifer, A., Vishny, R., 1993. Corruption. *Quarterly Journal of Economics* 108, 599–617.
- Silberfein, M., 2004. The Geopolitics of Conflict and Diamonds in Sierra Leone. *Geopolitics* 9.1: 213–241.
- Skandck, M., 2003. Fiscal Policy and Petroleum Fund Management in Norway. In J. Davis, R. Ossowski and A. Fedelino (ed.), *Fiscal Policy Formulation and Implementation in Oil-Producing Countries*, Washington, DC: International Monetary Fund: 316–338.
- Smith, B., 2001. *Rethinking the politics of the resource curse: oil wealth and political stability*. Unpublished mimeo.
- Smith, B., 2004. Oil Wealth and Regime Survival in the Developing World: 1960–1999. *American Journal of Political Science* 28.2: 232–247.
- Snyder, R., 2003. *Does Lootable Wealth Breed Disorder? A Political Economy of Extraction Framework*, Notre Dame, Kellogg Institute: 31.
- Snyder, R., Bhavnani, 2005. Diamonds, Blood and Taxes: A Revenue-Centred Framework for Explaining Political Order. *Journal of Conflict Resolution* 49.4: 563–597.
- Spatafora, N., Tytell, I., 2009. *Commodity Terms of Trade: The History of Booms and Busts*. IMF Working Paper No. 09/205.
- Spatafora, N., Warner, A., 2001. Macroeconomic and Sectoral Effects of Terms-of-Trade Shocks -The Experience of the Oil-Exporting Developing Countries. *IMF Staff Paper* 134/99, 1–56.
- Staiger, D., Stock, J., 1997. Instrumental Variables Regression with Weak Instruments. *Econometrica* 65, 3: 557–586.
- Steiner, R., 2003. Models of public oversight of government and industry. In *Caspian oil windfalls: Who will benefit?* ed. Svetlana Tsalik, 71–88. New York: Open Society Institute, Caspian Revenue Watch.
- Stevens, P., 1998. Energy privatization: sensitivities and realities. *The Journal of Energy and Development*, Vol 23 No 1.
- Stevens, P., 2000. Pipelines or Pipe Dreams? Lessons From the History of Arab Transit Pipelines. *Middle East Journal*.
- Stevens, P., 2003. *Resource Impact – Curse or Blessing? A Literature Survey*. Centre for Energy, Petroleum and Mineral Law and Policy, University of Dundee.
- Stijns, J.-P. C., 2001. *Natural Resource Abundance and Economic Growth Revisited*, Berkeley: University of California.
- Stijns, J.-P. C., 2001. Natural Resource Abundance and Human Capital Accumulation. *World Development* 34, 6: 1060–83.
- Stijns, J.-P. C., 2005. Natural resource abundance and economic growth revisited. *Resources Policy* 30, 107–130.
- Stubbs, R., 1999. War and Economic Development: Export-Oriented Industrialization in East and Southeast Asia', *Comparative Politics* 31: 337–355.
- Svensson, J., 2000. Foreign aid and rent-seeking. *Journal of International Economics*, Vol.51.
- Tanzi, V., 2000. *Globalization and the Future of Social Protection*. IMF Working Paper, WP/00/12. Washington, D.C.: International Monetary Fund.
- Tanzi, V., 2000. *Policies, Institutions and the Dark Side of Economics*. Elgar.
- Tanzi, V., Schuknecht, L., 2000. *Public Spending in the 20 th Century- A Global Perspective*. Cambridge University Press.
- "The Dutch Disease", 1977. *The Economist*, pp. 82-83.
- Tornell, A., Lane, P.R., 1999. The voracity effect. *American Economic Review* 89, 22 – 46.

- Torvik, R., 2001. Learning by doing and the Dutch disease. *European Economic Review* 45, 285–306.
- Torvik, R., 2002. Natural resources, rent seeking and welfare. *Journal of Development Economics*, Vol. 67, 455–470.
- Tures, J. A., 2003. Economic Freedom and Conflict Reduction: Evidence from the 1970s, 1980s and 1990s. *Cato Journal*, Vol. 22, 3.
- Usui, N., 1996. Policy adjustments to the oil boom and their evaluation: The Dutch disease in Indonesia. *World Development*, Vol.24, No.5.
- Usui, N., 1997. Dutch Disease and Policy Adjustments to the Oil Boom: A Comparative Study of Indonesia and Mexico. *Resources Policy* 23.4: 151–162.
- Vandewalle, D., 1998. , *Libya since Independence: Oil and State-Building*. Cornell University Press.
- Van der Ploeg, F., Poelhekke, S., 2009. Volatility And The Natural Resource Curse. OpenAccess Publications from University of Oxford.
- Van der Ploeg, F., Poelhekke, S., 2009. Volatility and the natural resource curse. *Oxford Economic Papers* 61, 727–760.
- Van der Ploeg, F., Poelhekke, S., 2010. The Pungent Smell of "Red Herrings": Subsoil Assets, Rents, Volatility and the Resource Curse. *Journal of Environmental Economics and Management* 60(1), 44-55.
- Van der Ploeg, F., Venables, T., 2009. Symposium on Resource Rich Economies Introduction. *Oxford Economic Papers* 61(4), 625.627.
- Van Wijnbergen, S., 1984. The 'Dutch Disease': A Disease After All? *Economic Journal*, 94 (373), 41-55.
- Volchkova, N., 2011. Costs of Exporting: Evidence from Russia. CEFIR/NES Working Paper.
- Wantchekon, L., 1999. *Why Do Resource Dependent Countries Have Authoritarian Governments?* New Haven, CT: Yale University.
- Warner, A., 2012. Inclusive Growth in Natural Resource Intensive Countries. *Commodity Prices and Inclusive Growth in Low-Income Countries*, ed. by Rabah Arezki, Catherine Pattillo, Marc Quintyn, and Min Zhu, International Monetary Fund.
- Weinthal, E., Jones Luong, P., 2001. Energy Wealth and Tax Reform in Russia and Kazakhstan. *Resources Policy* 27: 215–223.
- Weinthal, E., Luong, P., 2006. Combating the Resource Curse: An Alternative Solution to Managing Mineral Wealth. *Perspectives on Politics* 4, 1: 35–53.
- Wolf, M., 2001. Will Technology and Global Capital Markets Change the Scope of Government? *Cato Journal*, Vol. 21, 1.
- Wood, A., 1999. Natural Resources, Human Resources and Export Composition: a Crosscountry Perspective", Ch. 3 in Mayer et al.
- Wood, A., Berge, K., 1997. Exporting Manufactures: Human Resources, Natural Resources, and Trade Policy. *Journal of Development Studies* 34: 35–59.
- Woolcock, M., Pritchett L., Isham, J., 2001. The Social Foundations of Poor Economic Growth in Resource-Rich Countries. In R. Auty (ed.), *Resource Abundance and Economic Development*, Oxford: Oxford University Press: 76–92.
- World Bank Investment Climate Surveys 2011.
- Wright, G., 2001. Resource-based growth then and now. Mimeo.
- Wright, G., Czelusta, J., 2002. Resource-based economic growth, past and present. Stanford University.
- Wright, G., Czelusta, J., 2003. Mineral resources and economic development. Mimeo
- Wright, G., Czelusta, J., 2004. Why Economies Slow: The Myth of the Resource Curse. *Challenge* 47 2: 6–38.
- Yudaeva, K., Kozlov, K., Melentjeva, N., Ponomareva, N., 2003. Does Foreign Ownership Matter? Russian Experience. *Economic of Transition*, Vol. 11, 383-409.
- «Привлечение иностранных инвестиций в горнодобывающую промышленность Российской Федерации», 2011. Foreign Investment Advisory Council of Russia (FIAC) совместно с Kinross Gold. Доклад в Интернете: http://www.cerbanet.org/intranet/Documents/Regional%20Office%20-%20Toronto/Events/2012_Mining_conference/PPT/kinrossWhitePaper17Oct2011_RUS.pdf

Бушуев, В. В., Крюков В. А., Саенко В. В., Силкин В. Ю., Токарев А. Н., Шафраник Ю. К., Шмат В. В. Нефтяная промышленность России: сценарии сбалансированного развития. – Москва: ИАЦ «Энергия», 2010.

Волчкова, Н., 2011. Расходный экспорт: данные из России. — Рабочий документ ЦЕФИР/РЭШ.

Крюков В. А., Токарев А. Н. Нефтегазовые ресурсы в трансформируемой экономике. О соотношении потенциальной и реализованной ценности углеводородов. –Новосибирск: «Наука-Центр», 2007.

Крюков В. А., Силкин В., Шмат В. На краю пропасти, или как мы заблудились в поисках легких путей? // ЭКО. 2012. № 8. С. 71-96.

Крюков В. А. Минерально-сырьевой комплекс России: реализация преимуществ и возможностей развития. // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. 2011. № 5. С. 3-13.

Приложение

В данном докладе мы применяем следующий критерий: сырьевая зависимость возникает, когда природные ресурсы составляют более 25 % от совокупного экспорта страны и доля сырьевого экспорта в объеме ВВП превышает 10 %. Первый критерий используется рядом авторов и соответствует определению сырьевой зависимости, принятому в МВФ. Вторым критерий мы добавили, чтобы в категорию стран, богатых природными ресурсами, не попали государства, чей общий объем экспорта крайне невелик. Ниже мы приводим полный список стран, по нашему мнению, входящих в эту категорию, составленный на основе данных МВФ и ООН (ЮНКТАД). Кроме того, в целях нашего анализа мы разбиваем эти страны на две группы: зависимых от экспорта природных ресурсов, а именно полезных ископаемых (далее мы будем называть их странами с сырьевой экономикой), и более узкую группу государств, зависящих от экспорта нефти и газа (их мы называем нефтегазовыми экономиками).

Ниже приводится список ресурсных и нефтегазовых экономик, а также разделение сырьевых экономик на группы в соответствии с их рейтингом в трех индексах институционального развития:

- индексе Института Фрейзера «Экономическая свобода в мире»;
- индексе Всемирного банка «Условия для бизнеса» (Doing Business);
- докладе Всемирного экономического форума «Конкурентоспособность на мировом рынке».

В нижеперечисленные группы вошли только те страны, которым был присвоен рейтинг в соответствующем индексе. Мы также дополнительно разделили нефтегазовые экономики на группы по структуре сектора и степени государственного участия в нефтяных компаниях (частные компании, смешанная структура сектора, государственные компании и модель арабских стран Персидского залива).

Сырьевые экономики:

1. Австралия	18. Замбия	35. Лаос	52. Саудовская Аравия
2. Азербай-джан	19. Зимбабве	36. Ливия	53. Сирия
3. Алжир	20. Индонезия	37. Маврита-ния	54. Судан
4. Ангола	21. Ирак	38. Мали	55. Суринам
5. Багамские о-ва	22. Иран	39. Мозамбик	56. Сьерра-Леоне
6. Бахрейн	23. Исландия	40. Монголия	57. Танзания
7. Боливия	24. Йемен	41. Мьянма	58. Вост. Тимор
8. Ботсвана	25. Казахстан	42. Намибия	59. Того
9. Бруней	26. Камерун	43. Науру	60. Тринидад и Тобаго
10. Буркина Фасо	27. Канада	44. Нигер	61. Туркмени-стан
11. Бутан	28. Катар	45. Нигерия	62. Узбекистан
12. Венесуэла	29. Колумбия	46. Норвегия	63. Чад
13. Габон	30. Конго (б. Заир)	47. ОАЭ	64. Чили
14. Гайана	31. Конго Респ.	48. Оман	65. Эквадор
15. Гана	32. Кот-д'Ивуар	49. Папуа Новая Гвинея	66. Эквато-риальная Гвинея
16. Гвинея	33. Кувейт	50. Перу	67. ЮАР
17. Египет	34. Кыргызстан	51. Российская Федерация	68. Ямайка

Нефтегазовые экономики:

1. Австралия	11. Египет	21. Конго Респ.	31. Саудовская Аравия
2. Азербай-джан	12. Индонезия	22. Кот-д'Ивуар	32. Сирия
3. Алжир	13. Ирак	23. Кувейт	33. Судан
4. Ангола	14. Иран	24. Ливия	34. Вост. Тимор
5. Багамские о-ва	15. Йемен	25. Мьянма	35. Тринидад и Тобаго
6. Бахрейн	16. Казахстан	26. Нигерия	36. Туркме-нистан
7. Боливия	17. Камерун	27. Норвегия	37. Чад
8. Бруней	18. Канада	28. ОАЭ	38. Эквадор
9. Венесуэла	19. Катар	29. Оман	39. Эквато-риальная Гвинея
10. Габон	20. Колумбия	30. Российская Федерация	

Сырьевые экономики, сгруппированные в соответствии с их рейтингом в индексе Института Фрейзера «Экономическая свобода в мире» (в порядке убывания рейтингов):

Наиболее вободные	Вторая четверть	Третья четверть	Наименее свободные
Канада	Ботсвана	Камерун	Мавритания
Австралия	Гана	Иран Гайана	Того
Бахрейн	Казахстан	Азербайджан	Нигер
ОАЭ	Монголия	Мали	Мозамбик
Чили	Тринидад и Тобаго	Нигерия	Алжир
Катар	Индонезия	Сирия	Чад
Оман	Кыргызстан	Буркина Фасо	Ангола
Норвегия	Колумбия	Сьерра-Леоне	Конго (б. Заир)
Кувейт	Российская Федерация	Габон	Конго Респ.
Перу	Египет	Эквадор	Мьянма
Замбия	Боливия	Кот-д'Ивуар	Зимбабве
Саудовская Аравия	Танзания		Венесуэла
Исландия			

Сырьевые экономики, сгруппированные в соответствии с их рейтингом в индексе Всемирного банка «Условия для бизнеса» (Doing Business) (в порядке убывания рейтингов):

Наиболее открытые для бизнеса	Вторая четверть	Третья четверть	Наименее открытые для бизнеса
Норвегия	Азербайджан	Нигерия	Экваториальная Гвинея
Австралия	Тринидад и Тобаго	Танзания	Лаос
Исландия	Кыргызстан	Эквадор	Суринам
Канада	Монголия	Сьерра-Леоне	Ирак
Саудовская Аравия	Багамские о-ва	Судан	Мавритания
ОАЭ	Бруней	Сирия	Вост. Тимор
Чили	Кувейт	Иран	Габон
ЮАР	Намибия	Мозамбик	Ангола
Катар	Ямайка	Бутан	Зимбабве
Бахрейн	Замбия	Мали	Нигер
Перу	Папуа Новая Гвинея	Алжир	Кот-д'Ивуар
Колумбия	Египет	Буркина Фасо	Гвинея
Оман	Российская Федерация	Узбекистан	Венесуэла
Казахстан	Гайана	Боливия	Конго (б. Заир)
Ботсвана	Йемен	Того	Конго Респ.
Гана	Индонезия	Камерун	Чад

Сырьевые экономики, сгруппированные в соответствии с их рейтингом в докладе Всемирного экономического форума «Конкурентоспособность на мировом рынке» (в порядке убывания рейтингов):

Наиболее конкурентоспособные	Вторая четверть	Третья четверть	Наименее конкурентоспособные
Катар	Индонезия	Габон	Кыргызстан
Канада	Казахстан	Замбия	Мали
Норвегия	Южная Африка	Гана	Кот-д'Ивуар
Саудовская Аравия	Перу	Боливия	Зимбабве
Австралия	Иран	Египет	Буркина Фасо
ОАЭ	Российская Федерация	Гайана	Мавритания
Бруней	Колумбия	Алжир	Вост. Тимор
Исландия	Ботсвана	Камерун	Мозамбик
Оман	Тринидад и Тобаго	Ливия	Чад
Чили	Эквадор	Суринам	Йемен
Бахрейн	Намибия	Нигерия	Гвинея
Кувейт	Монголия	Танзания	Сьерра-Леоне
Азербайджан	Ямайка	Венесуэла	

Нефтегазовые экономики, сгруппированные в соответствии со структурой сектора и степенью государственного участия в нефтяных компаниях:

Частные компании (более 80 % добычи)	Смешанная структура	Государственные компании (более 80 % добычи)	Модель арабских стран Персидского залива
Австралия	Ангола	Эквадор	Бахрейн
Канада	Мьянмар	Ирак	Катар
Египет	Боливия	Туркменистан	Кувейт
Тринидад и Тобаго	Азербайджан	Алжир	Саудовская Аравия
Экваториальная Гвинея	Бруней	Венесуэла	Оман
Габон	Малайзия	Иран	ОАЭ
Казахстан	Норвегия	Сирия	
	Россия		
	Ливия		
	Колумбия		

Информация об издании

Disclaimer

Мнения, высказанные автором данной публикации, отражают его собственную позицию и могут не совпадать с мнениями Попечительского совета или сотрудников Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС).

Copyright

Copyright © 2013 Петр Казначеев (Peter Kaznacheev). Все права защищены. Никакая часть данной публикации не может быть воспроизведена в любой форме без письменного разрешения за исключением коротких цитат в статьях и обзорах.

Иллюстрации

LNG tanker in the arctic © Ole-Ginnar, iStockphoto

Armada painting fragment © Wikimedia Commons

Skyscraper Kuala Lumpur Tower Detail © Mlenny, iStockphoto

Gas Industry © OlegFedorenko, iStockphoto

Aerial view of open-pit copper mine in Atacama desert, Chile © zhuzhu, iStockphoto

Об авторе доклада

Петр Казначеев – доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы со специализацией на изучении ресурсной и энергетической экономики. Он также является управляющим партнером «Хазна Стратеджиз Лимитэд» (Khaznah Strategies Ltd.), консалтинговой компании, предоставляющей услуги по развитию бизнеса в сфере недропользования на пост-советском пространстве и на других растущих рынках. В 2005–2009 годах работал советником по развитию бизнеса в компании «Би-Пи» в подразделении геологоразведки и добычи, где отвечал за поиск и отбор новых проектов для компании. В 2002–2005 годах он работал на должности старшего советника в Администрации Президента РФ, занимаясь вопросами экономической и энергетической политики, а также проблемами окружающей среды и сотрудничеством с «Большой Восьмеркой» (G8). До перехода в Администрацию Президента работал консультантом Международного агентства по инвестициям Всемирного банка в Вашингтоне, а до этого – советником заместителя председателя Комитета по собственности Государственной Думы РФ. Получил магистерскую степень по международной экономике в Высшей школе международных исследований Университета Джонса Хопкинса в Вашингтоне. Высшее образование и степень кандидата философских наук получил в Московском государственном университете.

Благодарность

Автор хотел бы поблагодарить следующих людей за их рецензии и комментарии, которые оказали влияние на работу над данным докладом:

Питер Ван Дорен (Peter Van Doren), старший научный сотрудник Института Катона и главный редактор журнала «Regulation»;

Владимир Мау, ректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС);

Лу Наумовски (Lou Naumovski), вице-президент Kinross Gold Corporation;

Том Палмер (Tom Palmer), вице-президент по международным программам Фонда экономических исследований «Атлас»;

Гэйбриэл Стайн (Gabriel Stein), профессор экономики Лондонского королевского университета Холлоуэй и управляющий директор «Стайн Бразерс» (Stein Brothers UK Ltd.);

Автор также благодарен Марине Макиной и Николе Кьюрчиски (Nikola Kjurchiski) за помощь в проведении исследований, и Эдварде Кузьминой и Башеру Савэджу (Basher Savage) за помощь в редактировании текста.

Контактная информация

С Петром Казначеевым можно связаться по электронной почте: khaznah@khaznah.co.uk

По любым вопросам, связанным с распространением данного доклада и его цитированием в средствах массовой информации, можно обращаться в Пресс-центр РАНХиГС: +7(499) 956 9969, press@rane.ru